

130
4348

ВОСПОМИНАНІЯ

О ВОЙНѢ 1812 ГОДА

НИКОЛАЯ ЕВСТАФЬЕВИЧА МИТАРЕВСКАГО.

Записки о томъ, что могъ видѣть и испытать молодой артиллерійскій офицеръ въ кругу своихъ дѣйствій.

МОСКВА.

Типографія А. И. Мамонтова и К^о, Бол. Дмитровка, № 7.

1871.

И-61-219 3

130
828

РОССИЙСКИЕ

ГОДА 1812

ИСТОРИЯ

ВВЕДЕНИЕ

АВТОГРАФ

Ленинградский государственный университет им. В. И. Ленина

1971

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Мы, русскіе, не можемъ похвалиться изобиліемъ мемуаровъ и часто сѣтуемъ на отсутствіе ихъ, сознавая, что правдивые мемуары служатъ богатымъ источникомъ для самаго разборчиваго историка.

Прошло уже болѣе полустолѣтія послѣ войны 1812 года, а между тѣмъ и по настоящее время почти всякій не только образованный, но даже грамотный человѣкъ интересуется подробностями этого великаго событія. Много писали объ этой войнѣ, но мы думаемъ, что еще много матеріаловъ не достаетъ для историка войны 1812 года.

Издавая настоящую книгу, мы имѣли въ виду увеличить запасъ свѣдѣній о войнѣ 1812 года рассказомъ очевидца, который участвовалъ во всѣхъ дѣйствіяхъ 6-го корпуса, отъ самаго начала войны до окончательнаго преслѣдованія непріятеля до Вильно, и пишетъ о томъ, что могъ видѣть и испытать молодой артиллерійскій офицеръ въ кругу своихъ дѣйствій.

ГЛАВА I.

Слухи о войнѣ съ французами. Квартыры около Лудка до передвиженія къ Волковыску.

Съ первыхъ чиселъ января мѣсяца 1812 года начали говорить явно о войнѣ съ французами и что Наполеонъ со всей почти Европой собирается разгромить Россію. Еще съ прошлаго года носились уже слухи о несогласіи съ Наполеономъ.

Въ 1810 году произведенъ я въ офицеры 23-й артиллерійской бригады, въ легкую роту, находившуюся въ Нижне-Уральскѣ. Даже тамъ, въ глуши, говорили о войнѣ, особенно когда, въ началѣ 1811 года, изъ артиллерійскаго департамента получено было повелѣніе отправить офицеровъ изъ разныхъ ротъ на уральскіе желѣзные заводы для принятія артиллерійскихъ снарядовъ. Изъ нашей роты назначены были: штабсъ-капитанъ—на казенные Гороблагодатскіе, подпоручикъ—на какіе-то частные, а на мою долю достались Нижне-Тагильскіе, Демидовскіе заводы.

Рота между тѣмъ получила предписаніе въ началѣ апрѣля мѣсяца 1811 года выступить въ походъ изъ Уральска въ мѣстечко Полонное, Минской губерніи. Такъ какъ ротный командиръ остался только съ однимъ поручикомъ, то онъ просилъ о присылкѣ къ нему офицеровъ. По этому случаю въ сентябрѣ мѣсяцѣ на заводы пріѣхали офицеры изъ другихъ ротъ смѣнить меня и товарища моего, подпоручика, а намъ приказано было отправиться въ роту, чему я чрез-

вычайно обрадовался. Хотя я имѣлъ хорошую квартиру и получалъ содержаніе отъ завода, но очень тамъ скучалъ.

Рота была переименована въ 12-ю легкую 7-й артиллерійской бригады и поступила въ составъ 6-го корпуса генерала Дохтурова, въ 7-ю дивизію генерала Капцевича. Орудій въ ротѣ прежде было: четыре единорога четверть-пудоваго калибра и восемь трехъ-фунтовыхъ пушекъ. На походѣ измѣненъ былъ маршрутъ и ротѣ назначено было идти чрезъ Кіевъ въ городъ Луцкъ. Въ Кіевѣ перемѣнены были трехъ-фунтовыя пушки на шести-фунтовыя старыя, съ дельфинами, въ родѣ какихъ-то птичьихъ головъ съ носами. Въ ротѣ, кромѣ ротнаго командира, по случаю повышенія въ артиллеріи чиновъ, переименованнаго изъ маіоровъ въ подполковники, я засталъ поручика, прежде меня прибывшаго съ заводовъ и, по случаю исправленія нашимъ ротнымъ командиромъ должности бригаднаго, его адъютанта. Вскорѣ послѣ моего приѣзда прибылъ къ намъ въ роту еще одинъ подпоручикъ, молодой, красивый и видный собой. Отецъ его былъ англичанинъ, служилъ въ Россіи генераломъ и, кажется, имѣлъ хорошее мѣсто, что видно было изъ привезенныхъ его сыномъ вещей — серебряныхъ столовыхъ и чайныхъ приборовъ, разныхъ шкатулокъ, постели, бѣлья и проч. Всего у него было такъ много, какъ тогда и у многихъ генераловъ не было. Человѣкъ у него былъ свой собственный, музыкантъ изъ отцовскаго оркестра; самъ же офицеръ былъ изъ числа такихъ, о которыхъ говорится: «въ семьѣ не безъ урода».

Изъ военныхъ приготовленій очевидно стало, что мы готовимся къ большой войнѣ и именно съ французами. Перебрали и забраковали довольно много лошадей и отпустили деньги для покупки годныхъ. Приказано было обратить особенное вниманіе на прочность конской амуниціи и обмундировку людей.

Рота наша расположена была въ двадцати верстахъ отъ

города Луцка, въ большомъ селеніи и прилегавшихъ къ нему деревняхъ. Селеніе принадлежало богатому помѣщику, бывшему тогда въ званіи дворянскаго уѣзднаго маршалка. Всякій воскресный день и въ праздники онъ приглашалъ къ себѣ обѣдать подполковника съ офицерами. Сосѣдніе дворяне, послѣ службы въ костелѣ, пріѣзжали къ нему съ поклономъ и оставались обѣдать. Мы, пріѣхавши, заставали въ залѣ достаточное число пановъ, молодыхъ—во фракахъ, а пожилыхъ — въ старинныхъ польскихъ нарядахъ—кунтушахъ, съ богатыми широкими поясами, подстриженныхъ въ кружокъ и съ усами. Они были къ намъ не слишкомъ благосклонны; особенно одинъ, уже пожилой, въ богатомъ польскомъ нарядѣ, смотрѣлъ такъ надменно, что мы отъ души его ненавидѣли, хотя онъ намъ не только ничего не сдѣлалъ, но даже и не говорилъ съ нами. Черезъ нѣсколько времени выходилъ самъ ясновельможный маршалокъ въ полупольскомъ нарядѣ. Это былъ пожилой, невзрачный, сгорбленный человѣчекъ, по наружности довольно смиренный, но послѣ слышали мы, что онъ былъ въ перепискѣ съ непріятелями, а потомъ бѣжалъ за границу. Польская шляхта привѣтствовала его низкими поклонами; мы тоже кланялись. По окончаніи привѣтствій, онъ приглашалъ насъ въ гостиную. Тамъ на диванѣ сидѣла пани маршалкова, весьма полная особа, съ дочерью невѣстою. Паны съ униженными поклонами, приговаривая: «падамъ до ногъ», цѣловали ей руку; мы тоже прикладывались, начиная со старшаго. Подносили водку съ маленькими кусочками хлѣба и просили къ обѣду. Садилось за столъ отъ тридцати до сорока человѣкъ. Въ богатыхъ приборахъ подавали супъ и разносили другія кушанья, но всё въ такихъ маленькихъ порціяхъ и до того рассчитанныхъ, что еслибы кто-нибудь взялъ два кусочка, то другимъ бы не достало ничего; мы были довольно совѣстливы — лишняго не брали. за то вставали изъ за стола

всегда полуголодными. Послѣ обѣда подносили по полчашкѣ кофе, и мы уѣзжали. Никто еще изъ насъ не былъ въ Польшѣ. Чванство поляковъ показалось намъ слишкомъ смѣшнымъ, а обычаи—очень оригинальными.

Въ концѣ декабря я ѣздилъ въ Кіевъ за жалованьемъ и по другимъ порученіямъ. Жалованья подпоручики артиллеріи по тогдашнему окладу получали въ треть, на ассигнаціи, 93 рубля съ копѣйками. По случаю ожиданія войны и вслѣдствіе разныхъ смутныхъ обстоятельствъ курсъ ассигнацій до того упалъ, что за сто рублей давали серебромъ 17, много 18 рублей; покупали же все на серебро. Ротные артиллерійскіе командиры на продовольствіе лошадей получали деньги ассигнаціями; при переводѣ ихъ на серебро и при покупкѣ фуража, они получали значительныя выгоды. Большая часть ротныхъ командировъ держали отъ себя для офицеровъ столъ, а нѣкоторые помогали и въ обмундировкѣ, чего даже высшее артиллерійское начальство, зная выгоды ротныхъ командировъ и нужду офицеровъ, требовало отъ нихъ стороною. Мы съ своимъ ротнымъ командиромъ не слишкомъ ладили и не хотѣли ходить къ нему обѣдать, а потому можно судить, какъ мы нуждались и какъ бѣдно жили. Трое изъ насъ: поручикъ, подпоручикъ и я жили на одной квартирѣ. Мы были люди небогатые, жили дружно и все было у насъ общее.

Въ февралѣ 1812 года послали меня въ Смоленскъ для принятія изъ тамошней комиссаріатской комиссіи по третьей парѣ сапогъ на челоуѣка и другихъ амуничныхъ вещей для бригады. Приѣхалъ я въ Смоленскъ на сырнѣй недѣлѣ; квартиру мнѣ отвели на Петербургскомъ предмѣстьи, въ домѣ зажиточнаго купца, добраго и довольно образованнаго челоуѣка, у котораго было большое семейство. Онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Здѣсь я видѣлъ семейную простоту и довольство. Этотъ случай заставилъ меня сравнить вель-

можное посольское чванство съ радушіемъ простаго русскаго человѣка. Послѣ, когда армія собралась у Смоленска, я заходилъ къ нему и всѣхъ нашелъ въ страшной суетѣ и тревогѣ. Жаль мнѣ было смотрѣть на этихъ добрыхъ людей.

Принявши вещи, я отправилъ ихъ уже великимъ постомъ съ извозчиками, нанятыми комиссіей, на пяти возахъ. Зимняя дорога начинала портиться и ожидали большой распутицы. Съ вещами отправилъ я бывшаго при мнѣ солдата, а самъ, имѣя подорожную, ѣхалъ впереди; не желая бросить обозъ, отстававшій отъ меня по причинѣ день-отодня портившейся дороги, я часто останавливался поджидать его. Проѣхавши Минскъ, я узналъ о передвиженіи войскъ. Предполагая, что и наша рота можетъ быть въ походѣ, я всячески старался собирать справки, но ничего не могъ узнать: изъ роты тоже не имѣлъ увѣдомленія. Приближаясь къ Луцку, встрѣчалъ уже разные полки и команды на походѣ. Это меня сильно беспокоило, тѣмъ болѣе, что дороги сдѣлались чрезвычайно дурны, лошади въ моемъ обозѣ начали замѣтно пріуставать и я уже не покидалъ его. Верстъ за сто отъ Луцка, не помню въ какомъ мѣстечкѣ, я остановился. Тамъ стоялъ кавалерійскій полкъ и квартировалъ генералъ. Пошелъ я къ нему; это было на страстной недѣлѣ въ пятницу. Генералъ меня принялъ благосклонно и пригласилъ къ себѣ обѣдать, но сказалъ, что вся армія въ передвиженіи, что онъ рѣшительно не знаетъ, гдѣ теперь должна быть наша рота, и совѣтовалъ ѣхать въ Луцкъ. Этотъ совѣтъ въ послѣдствіи надѣлалъ мнѣ много хлопотъ; я проѣзжалъ только въ нѣсколькихъ верстахъ отъ новыхъ квартиръ нашей роты, и еслибы узналъ объ этомъ своевременно, то избѣжалъ бы множества непріятностей. Нашъ ротный командиръ былъ командированъ для осмотра артиллерійскихъ парковъ; за нѣсколько дней предъ проѣздомъ моимъ чрезъ Несвижъ, онъ былъ тамъ, но я не могъ этого узнать. Съ ротою находился поручикъ;

онъ писалъ ко мнѣ еще въ Смоленскѣ о передвиженіи, но я не получилъ его увѣдомленія.

По приѣздѣ въ Луцкъ, обратился я къ полицеймейстеру съ просьбою о квартирѣ и рассказалъ ему, какимъ образомъ прибылъ. Такъ какъ прежде мы стояли отъ Луцка верстахъ въ двадцати, то я часто бывалъ тамъ и былъ знакомъ съ полицеймейстеромъ. Это былъ отставной раненый кавалерійскій маіоръ и прекрасный человѣкъ. «Ахъ, батюшка мой», сказалъ онъ мнѣ, «не знаю, что мнѣ съ вами дѣлать и гдѣ васъ помѣстить. Вы не можете себѣ представить, что у насъ за суматоха... Всѣ дома заняты и нѣтъ уголка свободнаго. Тутъ князь Багратионъ со всѣмъ своимъ штабомъ... вся армія собралась около Луцка... Давай квартиры, строй печи для заготовленія сухарей, давай дрова, давай подводы и все на свѣтъ. Мнѣ приходится просто хоть въ рѣку броситься... Когда я сказалъ князю, что невозможно выполнить такихъ требованій, то онъ закричалъ: «Знать ничего не хочу... Чтобъ было, не то — повѣшу». — Меня повѣсить!.. Повѣсить стараго слугу!.. Я самъ служилъ моему Государю... кровь свою проливалъ...» И добрякъ полицеймейстеръ до того разгорячился, что, скинувъ сюртукъ и разстегнувъ рубашку, сказалъ: «Вотъ посмотрите мои раны!» — Въ самомъ дѣлѣ, плечо и рука были у него порядочно поранены. Тутъ обратился онъ къ стоявшему квартальному, чтобы нашелъ мнѣ квартиру. Когда тотъ сказалъ, что рѣшительно не знаетъ, куда меня помѣстить, то онъ обратился къ нему: «Пожалуйста, помѣстите гдѣ-нибудь. Не ночевать же господину офицеру на улицѣ, въ грязи!» Долго я ходилъ съ квартальнымъ по улицамъ: грязь была страшная. Всѣ квартиры были заняты генералами, адъютантами, чиновниками штаба и разными офицерами; солдатъ въ простыхъ хатахъ стояло человѣкъ по десяти и болѣе. Наконецъ нашли мнѣ квартиру. Въ передней большой комнатѣ помѣщалось человѣкъ десять пѣхотныхъ солдатъ; при этой

комнатѣ былъ чуланчикъ, грязный-прегрязный, заваленный жидовскимъ хламомъ такъ, что чуть-чуть оставалось свободное мѣсто; меня туда помѣстили, но я и этому обрадовался, потому что было уже поздно вечеромъ.

На другой день явился я къ артиллерійскому генералу. Квартиру онъ занималъ въ какой-то корчмѣ. Прямо вошелъ я въ большую комнату. Тамъ находился генералъ, его адъютантъ, нѣсколько офицеровъ и двѣ дамы, одна молодая, другая постарше; послѣ узналъ я, что это были жена и дочь генерала; тутъ же готовили и завтракъ. Началъ я объяснять свое положеніе. Съ первыхъ же словъ генералъ нахмурился; не успѣлъ я кончить, какъ онъ закричалъ: «Какой же тебя чортъ занесъ сюда?.. Почему ты не справлялся по дорогѣ?..» Когда я сказалъ, что, замѣтивъ передвиженіе войскъ, справлялся и что даже кавалерійскій генералъ, къ которому я заходилъ, не могъ сказать ничего, а совѣтовалъ ѣхать въ Луцкъ, то онъ опять закричалъ: «Ты еще вздумалъ оправдываться!.. Ты видно по дорогѣ спалъ, да билъ баклуши? Рота твоя находится около Волковыска,—ступай туда!»—Ваше превосходительство, говорю, извозчики наняты комиссіей до Луцка и дальше не поѣдутъ; да и лошади у нихъ такъ устали, что едва дотащились сюда. Тутъ генералъ вышелъ изъ себя, кричалъ и топалъ ногами, наконецъ спросилъ: есть ли у меня какія-нибудь казенныя деньги?.. Когда я отвѣтилъ, что нѣтъ никакихъ, то онъ обратился къ адъютанту и сказалъ: «Ну, что вы прикажете дѣлать!.. Ступайте съ нимъ и какъ-нибудь распорядитесь». Все это время я стоялъ, что называется, ни живой, ни мертвый, и такого страху послѣ не испытывалъ, бывши даже подъ пулями и ядрами. Замѣтилъ я однакожь, что дамы смотрѣли на меня съ состраданіемъ. Впослѣдствіи я убѣдился, что не такъ бы поступили наши генералы Кутайсовъ и Костенецкій. Можетъ-быть они и погоняли бы, но навѣрное спросили бы: «Ѣлъ ли ты?» и пригласили бы

къ завтраку, тѣмъ болѣе, что это было на святой недѣлѣ. Да и то надо прибавить, что я не слишкомъ былъ и виноватъ. Передвиженія тогда дѣлались не гласно и ничего нѣтъ мудренаго что я не могъ о томъ развѣдать.

Съ адъютантомъ пришелъ я въ канцелярію. Онъ спросилъ меня, потребовалъ кое-какихъ бумагъ и потомъ сказалъ: «Не удивляйтесь, что генералъ такъ поступилъ съ вами. Вы видите, какая теперь во всемъ суматоха; отправить васъ не такъ-то легко; нужно вытребовать деньги изъ интенданства, что такъ же довольно трудно; между тѣмъ навѣдывайтесь въ канцелярію». Адъютантъ былъ очень богатый молодой человѣкъ и любилъ играть въ карты. Не только въ частныхъ домахъ, но и въ трактирныхъ, и въ офицерскихъ собраніяхъ онъ игралъ по цѣлымъ ночамъ. У него былъ собственный человѣкъ, почтенной наружности, который одѣвался какъ какой-нибудь баринъ. Часто этотъ человѣкъ, въ родѣ дядьки, у котораго хранились и деньги, увѣщевалъ его и представлялъ несообразность такого пристрастія. «Счастіе ваше», говорилъ онъ своему барину, «что вы всегда проигрываете и что игра небольшая: все это не составляетъ для васъ большого разчета; но подумайте, что еслибы вы обыграли какого-нибудь бѣдняка-офицера?.. Гдѣ была бы ваша совѣсть?»

Была святая недѣля; денегъ у меня оставалось нѣсколько мѣдныхъ рублей, а на нихъ долженъ былъ я жить и въ Луцкѣ и въ дорогѣ, ѣсть самъ и кормить солдата, а все вообще чрезвычайно вздорожало. Хотя мое положеніе тогда было и весьма печальное, но теперь, испытавши многое, удивляюсь, какъ я былъ тогда неопытенъ и слабъ, что не могъ выдерживать и, возвратившись на квартиру, упалъ на что-то въ родѣ кровати и заплакалъ.

Адъютантъ правду сказалъ, что не легко было меня отправить. Былъ я нѣсколько разъ съ нимъ въ интенданствѣ и

у самого генераль-интенданта Ланскаго. Пока вытребовали деньги и наняли извозчиковъ, прошло дней пять. О прогонахъ для себя я уже не хлопоталъ. Радъ былъ, что вырвался изъ Луцка и съ извозчиками шель пѣшкомъ до самаго мѣста расположенія роты около Волковыска. Къ тому же погода сдѣлалась прѣкрасная и дорога поправилась.

ГЛАВА II.

Квартіры около Волковыска, Лиды, Опшмянъ и движеніе до лагеря при Дриссѣ.

Рота наша была расположена тѣсно, въ плохой деревнѣ, кажется, верстахъ въ двадцати отъ Волковыска. Кромѣ прежнихъ офицеровъ, прибылъ еще къ намъ штабсъ-капитанъ, переведенный въ нашу роту изъ Молдавской арміи, и прикомандированы изъ 18-й бригады поручикъ и подпоручикъ. Всѣ они были очень хорошіе товарищи, особенно штабсъ-капитанъ — прекрасный и честный человекъ. Бригаднымъ командиромъ у насъ назначенъ былъ командиръ другой роты, и адъютантъ отошелъ къ нему: слѣдовательно, въ нашей ротѣ состояли, кромѣ ротнаго командира, штабсъ-капитанъ, два поручика и четыре подпоручика, или лучше сказать — три, потому что англичанина мы не считали своимъ... Штабсъ-капитанъ былъ человекъ, можно сказать, богатый и получалъ изъ дому порядочныя средства; прочіе же почти всѣ были недостаточныя, и хотя крайне нуждались во всемъ, но все-таки какъ-нибудь перебивались. Англичанинъ же во время моей командировки всѣ свои вещи пораспродалъ евреямъ за безцѣнокъ, все промоталъ и дошелъ до крайности. Въ добавокъ, дорогой потерялъ шинель и остался почти безъ сапогъ, такъ что ротный командиръ принужденъ былъ его обмундировать.

За провіантомъ я ѣздилъ нѣсколько разъ въ Волковыскъ,

на покупку же фуража отпускали деньги. Такъ какъ цѣны на фуражъ были высокія, то ротные командиры имѣли большую выгоду. Деньги на покупку фуража развозили комиссіонеры. Комиссіонеръ пріѣзжалъ въ богатой коляскѣ и обыкновенно останавливался у бригаднаго командира. Туда посылали за деньгами изъ другихъ ротъ офицеровъ. Ѣздилъ получать деньги обыкновенно я и, по приказанію ротнаго командира, изъ слѣдуемой суммы отдавалъ десятый процентъ комиссіонеру, что дѣлали вообще всѣ. Однажды я спросилъ у своего командира: за что же отдаютъ комиссіонерамъ столько денегъ? «А для того», сказалъ онъ, «чтобъ они хлопотали и намъ не было остановки за деньгами». Дѣла эти—давно минувшихъ дней и о нихъ теперь можно говорить: никто и ни съ кого не взыщетъ. Можно однакожь судить, какія всѣмъ командирамъ ротъ и комиссіонерамъ были выгоды. Офицеры же вообще жили чрезвычайно бѣдно, особенно пѣхотные. Не рѣдкость было встрѣтить офицера съ протертыми локтями у мундира и заплатами на колѣняхъ у панталонъ. Зная всеобщую бѣдность, позволено было шить мундиры изъ солдатскаго сукна и носить темляки, шарфы и экишнеты на киверахъ нитяные. Мы, артиллеристы, еще кое-какъ перебивались, а пѣхотные офицеры большею частію ѣли изъ одного котла съ солдатами.

Пріѣзжалъ смотрѣть нашу роту артиллерійскій генераль, однакожь, не Костенецкій, который назначенъ къ намъ на походъ въ Полоцкъ. Особенное вниманіе обращалъ онъ на исправность артиллеріи, конской упряжи и чтобы сухари и крупа были въ полномъ количествѣ въ полуфуркахъ.

Все предвѣщало скорую и тяжелую войну. Слышно было, что французы приближаются къ нашимъ границамъ, но положительнаго никто ничего не зналъ. За всѣмъ тѣмъ готовились къ продолжительному походу и придумывали средства, какъ бы лучше устроиться. Велѣно было имѣть экипажи ге-

нераламъ, полковымъ и бригаднымъ артиллерійскимъ командирамъ. Наши ротные командиры сдѣлали по зарядному ящику для всякихъ необходимыхъ вещей, которые всегда слѣдовали въ числѣ прочихъ при ротѣ. Для насъ, офицеровъ, ротный командиръ сдѣлалъ полуфурокъ, гдѣ было довольно помѣщенія для нашихъ вещей; но такъ какъ полуфурки послѣ находились обыкновенно верстъ за двадцать впереди или назади насъ, то мы для необходимыхъ вещей имѣли маленькіе чемоданчики и помѣщали ихъ на запасныхъ лафетахъ. У меня тоже былъ такой съ необходимымъ бѣльемъ; кромѣ того у меня еще были: подушка, одѣяло и тулупчикъ. Все это завертывалось въ коверъ и доставляло мнѣ большое удобство, особенно когда начались холода и я былъ раненъ. Пѣхотные офицеры имѣли на роту одну общую, много двѣ какихъ-нибудь лошади и на нихъ укладывали и навьючивали свои скромные пожитки.

Не помню, сколько именно времени мы простояли около Волковыска и когда передвинули насъ къ Лидѣ. Весь корпусъ былъ расположенъ на тѣсныхъ квартирахъ; намъ досталось стоять въ маленькой деревенькѣ. Здѣсь былъ огромный панскій домъ. Ротный командиръ помѣщался на дворѣ, во флигелѣ, а мы всѣ, офицеры, заняли одно большое гумно. Помѣщикъ былъ богатый панъ и добрый человекъ. Всѣ мы у него каждый день обѣдали. Богъ знаетъ, что у него было на умѣ, но съ нами онъ былъ ласковъ и привѣтливъ, несмотря на то, что прочіе паны и панки смотрѣли на насъ какъ-то странно. Былъ май мѣсяцъ; погода была прекрасная, садъ у пана—отличный. Мы простояли тамъ недѣли двѣ или три и провели весело время. Полученъ былъ приказъ всему корпусу собраться къ Лидѣ. Оттуда мы всѣмъ уже корпусомъ пошли къ Вильно, на Ольшаны. Провіанта и фуража негдѣ уже было покупать, а потому солдатъ велѣно было продовольствоваться изъ фуръ сухарями, а фуражъ брать, гдѣ най-

дется, подъ кванціи. Тутъ мы начали понемногу таскать, гдѣ случится, коровъ и свиней, и варили уже для солдатъ пищу въ котлахъ. Становились на самыхъ тѣсныхъ квартирахъ, почти на бивуагахъ, и такимъ образомъ пришли въ Ольшаны, гдѣ назначена была дневка. Во время дневки, рано поутру, нарядили меня съ нѣсколькими солдатами на панскій фольварокъ, находившійся вблизи, взять фуража подъ кванцію. Дѣйствительно, я тамъ нашелъ фуражъ, вытребовалъ подводъ десять, нагрузилъ ихъ сѣномъ и овсомъ и далъ кванцію; не знаю только, получили ли по ней что-нибудь. Только-что я возвратился, какъ былъ полученъ въ полкахъ и артиллерійскихъ ротахъ Высочайшій приказъ отъ 13-го іюня 1812 года, объявлявшій, что французы переправились у Ковно и открыли военныя дѣйствія.

Случилось такъ, что почти всѣ офицеры изъ бригады собрались въ одномъ мѣстѣ, и тутъ пошли разные толки. Общимъ голосомъ рѣшили на томъ, что мы идемъ къ Вильно, гдѣ соберется вся армія и будетъ сраженіе; что французы не такъ еще скоро переправятся чрезъ Нѣманъ и придутъ къ Вильно; что Наполеонъ собралъ несмѣтную армію почти со всей Европы. Полагали, что и насъ не мало; что Государь въ Вильно и самъ поведетъ насъ на французовъ. Въ ожиданіи чего-то необыкновеннаго, мы всѣ были рады и только потирали себѣ руки. О томъ же, что мы будемъ отступать, въ то время не приходило никому въ голову.

На другой день рано мы всѣмъ корпусомъ выступили изъ Ольшанъ, но не по Виленской дорогѣ, а куда-то въ сторону. До того времени стояла прекрасная лѣтняя погода, а тутъ съ самаго утра пошелъ небольшой теплый дождикъ. Дождь часъ отъ часу усиливался, а мы шли спокойно, ни о чемъ не думая. Вдругъ произошла суматоха, стали скакать назадъ и впередъ адъютанты и велѣно было прибавить шагу; стали говорить, что по большой дорогѣ отъ Вильно наступаютъ

французы, чтобы отрѣзать нашъ корпусъ. Впереди корпуса шелъ Псковскій пѣхотный полкъ, за нимъ легкая № 13-й рота, потомъ Московскій полкъ, далѣе Либавскій, за нимъ наша № 12 рота, за ней Софійскій полкъ, потомъ егерскіе полки, за ними наша батарейная рота, далѣе 24-я дивизія съ своею артиллеріею, драгунскій Иркутскій полкъ и конная артиллерійская рота полковника Никитина, еще сзади сухарныя фуры и разные обозы. За полками шли патронныя ящики, за артиллеріей—запасныя лафеты, дроги съ запаснымъ лѣсомъ и другими необходимыми для роты принадлежностями и кузница. Долго шли мы усиленнымъ маршемъ; дорога была проселочная и дурная и проходили лѣсомъ; дождь все усиливался. Наконецъ пришли къ рѣчкѣ Виліи, переправились по бревенчатому мосту и у самаго берега остановились въ селеніи, кажется, Дунашовѣ. Фуры и обозы остались назади и долго не приходили. Тутъ приказали шести орудіямъ нашей роты стать на нѣсколько возвышенномъ берегу рѣки, надъ самымъ мостомъ, и такъ какъ тотчасъ за мостомъ былъ лѣсъ, то—зарядить, на всякій случай, орудія картечью. Какъ извѣстно, картечь неловко разряжать, а потому пригрѣбили къ ней шнуры, чтобы легче было ее вытащить, если останется безъ употребленія. Полкъ и другія орудія нашей роты расположились тутъ же, подлѣ селенія, на бивуакахъ.

Рота наша прежде долго стояла на одномъ мѣстѣ въ Уральскѣ и въ такихъ походахъ давно не бывала. Всѣ были неопытны, начиная отъ ротнаго командира до солдата. Одинъ штабсъ-капитанъ, какъ бывалый въ такихъ случаяхъ, распорядился послать за жердями, соломой и дровами. Тутъ еще вдобавокъ къ дождю поднялся сильный вѣтеръ и стало довольно свѣжо. Провіанта и фуража не было, и наши собственные запасы остались при фурахъ. Не было ни сѣна, ни овса, а для людей—ни хлѣба, ни сухарей. Послали въ селеніе чего-нибудь достать, но не нашли ничего: все было раз-

тащено. Прошелъ слухъ, что французы напали на обозъ и захватили его. Хотя и велѣно было ротнымъ командирамъ отправить собственные обозы, но нашъ замедлил и бричка его со всеѣмъ имуществомъ и деньгами оставалась при обозѣ; онъ ходилъ и съ горя чуть не ломалъ себѣ руки. Приходилось намъ плохо: и холодно, и голодно. Разложили передъ навѣсами отъ дождя огни и кое-какъ обсушились, но ѣсть было нечего. Къ счастью, уже подь вечеръ прибылъ обозъ благополучно. Однакожь изъ него немного захватили французы, въ томъ числѣ нашей роты двухъ человекъ и двѣ подводы съ фуражомъ. Сзади обозовъ ѣхали маршанты; когда напали французы, то они бросились бѣжать и обгонять обозы, и до того перепугались, что для облегченія побросали съ повозокъ свои припасы. Такимъ образомъ наши солдаты, ѣхавшіе съ фуражомъ, подобрали и привезли почти полный мѣшокъ окороковъ, копченыхъ колбасъ, языковъ и проч. И тутъ уже мы запировали. Во избѣжаніе, чтобы на будущее время намъ не пришлось голодать, фуражъ разложили по орудіямъ, мѣшки съ овсомъ попривязали на зарядные ящики, взяли нѣскольго мѣшковъ сухарей и помѣстили ихъ на запасные лафеты и дроги; все же вообще фуры и обозы приказано было отправить впередъ корпуса.

Французы къ намъ не показались, и мы на другой день до свѣта поднялись въ походъ. Дождь не переставалъ; мы шли проселочной дорогою; дорога была дурная и грязная. Переходъ былъ тяжелый, останавливались для отдыха на самое короткое время и опять шли. Послѣ полудня погода начала разгуливаться, дождь пересталъ, и мы передъ самымъ вечеромъ остановились на ночлегъ въ полѣ. Съ одной стороны была рожь, съ другой—лугъ и трава, а вдали виднѣлись озера. Предъ походомъ мы запаслись косами, на каждыя два орудія по одной, и тутъ же ихъ пустили въ дѣло—накосили травы, сберегая малое количество оставшагося сѣна.

Было у насъ нѣсколько штукъ рогатаго скота, а потому варили кашу съ говядиной. Послѣ полудня услышали мы сзади пушечные выстрѣлы. Выстрѣлы все какъ будто приближались къ намъ и продолжались до самаго вечера; это были первые выстрѣлы, слышанные нами. Потомъ мы узнали, что сражался въ нашемъ арьергардѣ графъ Паленъ, удерживая при Михалишкахъ французовъ, напиравшихъ съ этой стороны на нашъ корпусъ. Французы старались отрѣзать и не допустить насъ соединиться съ арміей, которая отступала къ Свенцьянамъ, чтобы тамъ дать сраженіе.

День или два не было дождя; погода и дорога поправились, и мы шли хотя большими переходами, но покойно. Генералы большею частію ѣхали верхомъ при своихъ мѣстахъ, иногда по-одиночкѣ съ адъютантами, иногда по нѣскольку вмѣстѣ: они рѣдко уѣзжали впередъ. Генераль Дохтуровъ ѣхалъ тоже съ небольшою свитой, обыкновенно въ сюртукѣ и фуражкѣ, а во время дождя въ черной косматой буркѣ. Онъ какъ-то разъ расположился отдыхать подлѣ самой дороги на коврѣ, подъ деревомъ. Не знаю, спалъ ли онъ или такъ лежалъ, но его сочли спящимъ. Всѣ проходившіе, какъ офицеры, такъ и солдаты, единодушно говорили: «Тише, тише, не шумите: Дохтуровъ спитъ—не разбудите».—Если онъ не спалъ, то ему лестно было слышать такое общее къ нему вниманіе. Правду сказать, всѣ его любили за его кротость и доброту, а что онъ былъ храбрый и распорядительный генераль, это показали его дѣйствія въ главнѣйшихъ сраженіяхъ 1812 года.

Отъ послѣдней нашей дневки въ Ольшанахъ до самаго соединенія корпусовъ на Двинѣ, подъ Дриссой, нашъ корпусъ шелъ отдѣльно. Въ Ольшанахъ, читая манифестъ, думали, что идемъ къ Вильно для соединенія съ арміей, и надѣялись, что тамъ будетъ сраженіе или, по крайней мѣрѣ, будутъ по возможности удерживать непріятеля; а оказалось, что на другой же день французы начали отрѣзывать насъ по дорогѣ

изъ Ольшанъ, а потомъ опять черезъ день при Михалишкахъ. Распространился слухъ, что непріятель устремился между нашими корпусами, разъединилъ ихъ, и что они отступаютъ. Что же сдѣлалось съ нашими, цѣлы ли они, разбиты или отрѣзаны?—не было намъ извѣстно; носились только слухи, что непріятельская армія такъ многочислена, что намъ нѣтъ возможности не только разбить ее, но даже остановить. Грустны были для насъ такія извѣстія. Мы ясно видѣли, что уже не ретируемся, какъ слѣдуетъ, но отступаемъ или, лучше сказать, бѣжимъ предъ непріятелемъ и сами не знаемъ куда. Это подтверждалось нѣсколько разъ случавшимися тревогами, будто бы непріятель насъ обходить и отрѣзываетъ. Шли мы какъ-то цѣлую ночь и все время лилъ дождь; поутру отдохнули какихъ-нибудь часа два и опять пошли. Послѣ дождя погода разъяснилась, сдѣлалось чрезвычайно жарко и душно. Далеко уже за полдень мы остановились и велѣно было варить кашу. Въ сторонѣ, недалеко отъ насъ, была рѣчка; мы пошли туда купаться. Только-что успѣли войти въ воду, какъ ударили подъемъ. Пока одѣлись и пришли, корпусъ уже выступилъ,—не успѣли сварить и кашу. Тревогу подняли вслѣдствіе слуха, что непріятель близко и насъ обходить. Выслали стрѣлковыя команды въ сторону, откуда ждали нападенія. Въ это время начали собираться тучи, вдали загрѣмѣлъ громъ, показалась молнія и къ вечеру пошелъ сильный дождь, который продолжался почти всю ночь. Ночь была темная, а молнія только ослѣпляла людей. Дорога была проселочная и по ней во многихъ мѣстахъ—плотины и гати. Дорога эта, кажется, и въ сухое время была нехороша, а тутъ отъ дождей совсѣмъ испортилась; къ тому же колесами ее такъ разбили, что съ большимъ трудомъ могла двигаться артиллерія. На другой день тоже шелъ дождь; мы нѣсколько дней не просыхали и спали мокрые, но отъ непріятеля отдѣлались.

Одинъ разъ, въ хорошую погоду, проходили мы лѣсомъ. Лѣсъ былъ черный, дорога узкая; мѣстами лужи и большая грязь. Вдругъ дали знать, что впереди лѣса показались французы. Велѣно было остановиться и такъ какъ наша рота въ то время находилась на небольшой полянѣ въ лѣсу, то велѣно было очистить орудія и приготовиться къ дѣйствию. Вызвали стрѣлковыя команды, приказали имъ зарядить ружья и послали впередъ и по сторонамъ дороги въ лѣсъ. Адъютанты скакали взадъ и впередъ; проѣхалъ мимо насъ генералъ Дохтуровъ съ своимъ штабомъ и нѣсколькими генералами. Тревога произошла страшная. Офицеры наши и пѣхотные собрались въ кучки на полянѣ, гдѣ мы находились, и толковали, что будетъ съ нами.—Отрѣзаны мы и окружены неприятелями въ лѣсу?—дѣло выходить плохо.—Впереди колонны скакалъ мимо насъ какой-то полковой адъютантъ. Мы обратились къ нему съ вопросомъ: «Что тамъ такое?» А онъ скачетъ дальше, ничего не отвѣчая, только махнулъ рукой. Намъ вѣснь досадно стало.—«Вотъ, говорили, заважничаль, что навьючили на него какую-то новость, такъ и говорить не хочетъ.»—При выѣздѣ съ поляны въ лѣсъ была большая грязная лужа; адъютантъ подскакалъ къ ней, лошадь оступилась и онъ чрезъ голову лошади полетѣлъ въ лужу, да такъ, что почти весь туда спрятался съ головой. Во всякомъ случаѣ первую мыслью было бы пожалѣть его, а тутъ, съ досады на его невнимательность, сказали: такъ ему и надо. Когда же онъ началъ подыматься и карабкаться по грязи, то поднялся страшный хохоть. Смѣялись офицеры и солдаты; смѣялись кажется и тѣ, кто ничего не видалъ, а изъ подражанія другимъ. Смѣхъ и хохоть по всему лѣсу поднялся до того сильный и отразился такимъ сильнымъ эхомъ, что казалось произошло что-то страшное. Вдругъ видимъ впереди скачетъ генералъ Дохтуровъ съ своимъ штабомъ и такой встревоженный, какимъ мы никогда его не ви-

дѣли. Онъ спросилъ: «Что такое, что такое случилось?» До самой поляны, гдѣ мы стояли, никто ничего не зналъ; тутъ подошелъ къ нему одинъ полковникъ и разсказалъ случившееся. Дохтуровъ вздохнулъ и самъ засмѣялся, тѣмъ болѣе, что тревога была совершенно пустая. Обыкновенно посылались кавалерійскіе офицеры съ командами въ разѣзды впередъ и по сторонамъ. Одинъ изъ нихъ далъ знать, что впереди, вправо отъ нашей дороги, тоже изъ близлежащаго лѣса, показались французы въ огромномъ количествѣ и, завидѣвъ наши разѣзды, поворотили опять въ лѣсъ и тамъ засѣли. Разъяснилось впослѣдствіи, что подъ лѣсомъ крестьяне пасли большое стадо скота; завидѣвши разѣзды, они испугались, погнали стадо назадъ и спрятались въ лѣсу.

Изъ приведенныхъ случаевъ можно легко понять, въ какой тревогѣ мы были всегда отъ самыхъ Ольшанъ до Дриссы. Шли мы почти день и ночь, несмотря ни на дождь, ни на грязь, безъ регулярнаго распредѣленія отдыховъ. Варили ѣсть, когда случится: и по утру, и днемъ, и вечеромъ; рѣдкую ночь проводили на мѣстѣ. Обозы наши находились впереди корпуса верстъ за десять отъ насъ и болѣе. Отъ ротъ и полковъ нѣсколько солдатъ, при унтеръ-офицерѣ, шли впереди съ свитскими офицерами занимать мѣста для роздыховъ. Продовольствія для людей и лошадей не получали и купить негдѣ было. Сѣна для лошадей въ то время рѣшительно не было, а косили для нихъ траву, рожь и яровое, бывшее въ то время на корню. Овса давали понемногу изъ имѣвшагося въ запасѣ, который везли на лафетахъ и ящикахъ; но овса стало не надолго и кормили больше однимъ кошеннымъ. Людей кормили изъ фуръ и полуфурковъ сухарями и крупой; только офицеры, и то рѣдко, могли доставать по селеніямъ и деревнямъ свѣжій ржаной хлѣбъ, бѣлаго же почти не видали; говядины было довольно. Жители, зная о приближеніи нашей арміи, а вслѣдъ за нею французовъ, прятали какъ хлѣбъ,

такъ и все, что можно было спрятать, а скоть угоняли въ лѣса; коровы и свиньи уходили изъ лѣсу въ деревни и разгуливали по нимъ и по полямъ, а также овцы и разная домашняя птица; изъ этой живности кому что попало, тотъ то и бралъ. Настоящаго позволенія брать — не было, но этого начальство какъ будто не видало и не обращало вниманія.

Дожди были частые, послѣ ихъ погода разгуливалась и тогда была сильная жара, такъ что изъ мокраго платья солдатъ на походѣ, выходилъ паръ. Однажды мы въ такую сильную жару, въ полдень, проходили большое селеніе; отъ жары и усталости солдаты тащились, едва передвигая ноги. Впереди послышался сильный шумъ и визгъ; вышедши изъ селенія, мы увидѣли огромное стадо свиней; много людей изъ шедшихъ впереди полковъ, завидѣвши стадо и забывши усталость, бросились на него, окружили стадо и стали колоть штыками свиней; побѣжали и наши отъ орудій съ тесаками. Орудія и полки шли своимъ порядкомъ, а офицеры остановились и смотрѣли. Славная и смѣшная была охота: свиньи, когда ихъ начали колоть штыками, такъ разсвирѣпѣли, что бросались на солдатъ и сбивали нѣкоторыхъ съ ногъ. Происходилъ шумъ, кригъ, визгъ и смѣхъ, когда кто-нибудь изъ солдатъ падалъ. На шумъ прискакали генералъ Дохтуровъ и генералъ Капцевичъ съ своими свитами. Дохтуровъ послалъ адъютантовъ унять безпорядокъ, но они ничего не могли сдѣлать: за шумомъ, крикомъ и визгомъ никто на нихъ не обращалъ вниманія. Это продолжалось, пока переклоли свиней, разрѣзали на куски и повздѣвали на штыки. Немногія изъ стада могли прорваться. Генералы смотрѣли и не только не сдѣлали никакого замѣчанія на такой безпорядокъ, но даже замѣтно было на ихъ лицахъ удовольствіе, что люди, уставшіе, едва тащившіе ноги, отъ пустаго случая ободрились и въ полной амуниціи съ ружьями могли бѣгать, какъ ни въ чемъ не бывало.

На привалахъ и роздыхахъ останавливались близъ селеній или деревень. Какъ только усматривали, что передніе останавливаются, тотчасъ одни отвязывали котлы и шли за водой, другіе же—въ селеніе за дровами, а для бивуака и шалашей—за жердями и соломой. Всякій зналъ свое дѣло и исполнялъ его безъ дальнихъ приказаній. У насъ почти каждый день рѣзали на говядину скоть, котораго нѣсколько штукъ гнали за ротой. Войска располагались обыкновенно такимъ образомъ: на правомъ флангѣ въ первой линіи становились, лицомъ къ преслѣдующему непріятелю, полки Псковскій и Московскій, между ними легкая № 13 рота; во второй линіи, на сто сажень назадъ,—полки Либавскій и Софійскій и между ними наша № 12 легкая рота; потомъ лѣвѣе егерскіе полки 7-й дивизіи; далѣе такимъ же порядкомъ полки 24-й дивизіи съ ихъ артиллеріей; драгунскій полкъ располагался сзади, но большая часть изъ него была въ разѣздахъ; при драгунахъ была конная артиллерійская рота; для лошадей разбивали коновязь за орудіями; тутъ же строили и бивуаки для людей. Не успѣють отпречь и расположить лошадей, какъ уже горятъ огни, грѣютъ воду и варятъ пищу. Дѣлали изъ жердей козлы, связывая ихъ соломой вверху, на высотѣ въ ростъ человѣка; одну сторону переплетали поперечными жердями, прокладывали соломой, а среди разложены были огни. Таковы были наши бивуаки; но отъ дождей это была плохая защита, — можно было спрятать одну голову. Разбирали заборы, хлѣвы и гумна для дровъ, жердей и соломы; деревья же для дровъ не рубили, хоть иногда останавливались и близъ лѣсовъ, — ихъ трудно было растапливать. Для офицеровъ строили шалашъ на такихъ-же козлахъ, прикрывая соломой съ обѣихъ сторонъ. Во время сильныхъ дождей, козлы прикрывали сырыми кожами, которыхъ нѣсколько штукъ возили на запасныхъ дровахъ; онѣ же служили и прикрытіемъ дорогъ. Случалось, что

останавливались поздною ночью. Солдаты, изнуренные усталостию, бивуака не строили, а мы для себя покрывали только лафеты кожами, прятались туда отъ дождя и тамъ спали. У нашего штабсъ-капитана былъ собственный человекъ, плотный мущина и важной наружности. Всѣ наши деньщики были у него подъ командой и на немъ лежала обязанность строить для насъ помѣщеніе и распорядиться столомъ. Это былъ человекъ очень добрый и усердный. Онъ былъ дотога привязанъ къ намъ, молодымъ офицерамъ, что даже заботился о нашемъ бѣльѣ и за всѣмъ тѣмъ былъ предметомъ всегдашнихъ нашихъ шутокъ; правда, что при случаѣ онъ и самъ умѣлъ ловко шутить надъ нами. Денегъ у насъ почти ни у кого не было; водились—только у штабсъ-капитана и хотя онъ не жалѣлъ ихъ и готовъ былъ дѣлиться съ нами, но мы были довольно совѣстливы и не употребляли во зло его щедрости. Дядька нашъ (такъ мы звали его человекъ) обыкновенно по дорогѣ отправлялся въ селеніе или мѣстечко чего-нибудь купить, но приносилъ—и то рѣдко—свѣжаго ржанаго хлѣба и еще рѣже—бѣлаго.

Вообще походъ нашего корпуса отъ Лиды до Двины былъ самый пререгулярный. Хотя мы шли и цѣлымъ корпусомъ, но не слишкомъ большой массой и по мѣстамъ, гдѣ еще никто не проходилъ, а потому могли доставать кое-что и изъ провизіи. Овесъ у насъ скоро вышелъ и кормили лошадей кошеннымъ. Хотя такой кормъ и неслишкомъ питателенъ, но какъ лошади до того времени были въ хорошемъ состояніи, то мы дошли до Двины безъ всякой остановки и безъ изнуренія ихъ. Забота о продовольствіи людей и лошадей лежала единственно на ротномъ командирѣ; намъ совершенно не было до этого никакого дѣла. Вообще мы этотъ походъ переносили довольно равнодушно; одна была забота поѣсть и выспаться. Всѣ сознавались, что каждого одолѣвалъ сонъ. Какъ пройдутъ, бывало, цѣлую ночь, то всѣ чувствуютъ

себя очень тяжело, особенно на утренней зарѣ. Нельзя было усидѣть за дремотою ни на лошади, ни на лафетѣ. Случалось, что солдаты, идя, забывались и падали, что особенно было замѣтно въ пѣхотѣ. Одинъ упадетъ—задѣнетъ другаго, тотъ опять—двухъ, трехъ и такъ далѣе. Падали цѣлыми десятками съ ружьями со штыками; но при этомъ никогда не было несчастныхъ случаевъ. Мы, офицеры, тогда еще не приноровились спать на лафетахъ, но послѣ такъ привыкли, что отлично спали по цѣлымъ ночамъ.

Въ этомъ походѣ, не помню гдѣ именно, захваченъ былъ въ плѣнъ отрядъ французскихъ конно-егерей человекъ тридцать или сорокъ. Когда проходилъ корпусъ, то они лежали при корпусной квартирѣ, подлѣ дороги, большею частію подперли голову рукой и смотрѣли на насъ грозно съ гордымъ и презрительнымъ видомъ. Проходя, и мы останавливались и смотрѣли въ первый разъ на плѣнныхъ французовъ. Это былъ видный народъ, хорошо и опрятно одѣтый. Ни на одномъ изъ насъ, офицеровъ, не было такой одежды. Досадно было намъ смотрѣть на ихъ гордость; нѣкоторые изъ офицеровъ даже пробовали ихъ дразнить. Одинъ изъ адъютантовъ, кажется генерала Капцевича, подѣхалъ, и, видно тоже раздосадованный, сказалъ по-французски: «Смотрите вы молодцами, а отдались въ плѣнъ—не умѣли умереть!..» Тутъ надо было посмотреть, какъ они освирипѣли и принялись насъ бранить; а намъ было весело смотрѣть на ихъ беспильную злобу. Впослѣдствіи плѣнные французы смотрѣли уже не такъ грозно и мы не съ презрѣніемъ, но съ сожалѣніемъ смотрѣли на несчастныхъ.

Такимъ образомъ нашъ 6-й корпусъ увернулся отъ французовъ безъ всякой потери и благополучно прибылъ къ Двинѣ, близъ Дриссы. Тамъ, въ укрѣпленномъ лагерѣ, мы застали всѣ корпуса первой арміи. Въ самомъ лагерѣ нашъ корпусъ не останавливался, а прошелъ черезъ лагерь, пере-

правился чрезъ Двину по устроеннымъ мостамъ и расположился въ нѣкоторомъ разстояніи, при какой-то большой рѣкѣ. При этомъ случаѣ осталось у меня въ памяти, что спускъ на мостъ былъ очень крутъ и мы спускали орудія съ помощію людей.

ГЛАВА III.

Лагерь при Дриссѣ и походъ до Витебска и Смоленска.

Подъ Дриссой стояли мы нѣсколько дней. Полученъ былъ приказъ послать пріемщиковъ за полученіемъ провіанта и фуража изъ запасныхъ магазиновъ. Ротный командиръ отрядилъ меня съ требованіемъ. Верстахъ въ двухъ отъ нашего лагеря, на правомъ берегу Двины, были выстроены изъ досокъ огромные лабазы. Въ нихъ помѣщались сухари, мука, крупа и овесъ, сѣно было тутъ-же въ огромныхъ скирдахъ. Заявивши требованіе главному комиссіонеру, я съ его подписью отправился къ подрядчикамъ, которыми было сдѣлано заготовленіе. Принявши все по требованію, я тутъ же узналъ отъ знакомыхъ мнѣ пріемщиковъ другихъ корпусовъ, прибывшихъ нѣсколькими днями раньше, что подрядчики не только охотно выдаютъ продовольствіе натурой, но даютъ охотно еще и за продовольствіе впередъ. Я объ этомъ сказалъ ротному командиру и по вторичному требованію получилъ слишкомъ пятьсотъ рублей ассигнаціями. Посланъ я былъ въ третій разъ и не только получилъ провіанта и овса сколько можно было помѣстить на орудіяхъ и ящикахъ, но и еще рублей пятьсотъ. Изъ этого я заключаю, что подрядчиками не было заготовлено слѣдуемаго количества и они давали деньги. Когда армія выступила изъ лагеря при Дриссѣ, не успѣвъ разобрать заготовленнаго въ магазинахъ, которые потомъ сожгли, то кромѣ казны, заплатившей подрядчикамъ вѣроятно сполна, потеряли и подрядчики все то, что

раздали деньгами. Въ это-же время я ѣздилъ и въ городъ Дриссу достать чего-нибудь для офицеровъ, но уже прежде прибывшими войсками въ немъ было все закуплено и я ничего не могъ достать.

Вся армія выступила изъ дрисскаго лагеря по дорогѣ въ Полоцкъ. Нашъ корпусъ слѣдовалъ сзади на одинъ переходъ. Отрядили изъ нашего корпуса Либавскій и Софійскій полки, нашу роту, Иркутскій драгунскій полкъ и конно-артиллерійскую роту полковника Никитина вправо отъ большой дороги къ городу Диснѣ. Шли всю ночь, а на развѣтѣ остановились и расположились въ верстѣ или немного болѣе отъ него. Не успѣли отдохнуть, какъ ротный командиръ послалъ меня въ г. Дисну, находившійся на другой сторонѣ Двины, съ нѣсколькими солдатами и лошадьми достать чего-нибудь изъ фуража. Пожелалъ со мною идти и нашъ поручикъ. Переправясь чрезъ Двину на паромѣ, прибыли мы въ городъ и застали тамъ всѣхъ жителей въ страшной суматохѣ: они ожидали французовъ, шедшихъ по другой сторонѣ рѣки. Объявилъ я городничему, что посланъ изъ отряда за провіантомъ и фуражемъ. Городничій сказалъ, что провіанта нѣтъ, а у одного еврея есть запасъ овса, который можно взять, и приказалъ дать мнѣ нѣсколько телѣгъ и мѣшковъ. Приказавши людямъ насыпать овесъ, сами мы зашли въ трактиръ, который находился тутъ же, чрезъ дорогу; велѣли подать закуску и принялись играть на билліардѣ. Когда фейерверкеръ пришелъ сказать, что набрали овса и готовы къ отѣзду, то мы ихъ отправили, а сами продолжали играть. Играли мы долго и дотогу доигрались, что забыли обо всемъ. Въ это время въ трактиръ вбѣжалъ нашъ гусаръ и сказалъ: «Господа, уходите.... Французы уже въ городѣ....» Мы выскочили второпяхъ и, услышавъ выстрѣлы, бросились бѣжать къ парому. Хотя паромъ былъ и близко отъ насъ, но прямо нельзя было пройти, а нужно было

дѣлать порядочный обходъ берегомъ. Въ нашихъ глазахъ съ одной стороны гусары всходили на паромъ, а съ другой стороны подѣзжали къ нимъ французскіе кавалеристы и стрѣляли изъ пистолетовъ. Я успѣлъ добѣжать къ парому во время, поручикъ же отсталъ и когда подѣзжалъ—паромъ началъ уже отчаливать отъ берега; онъ прыгнулъ и только грудью попалъ на паромъ, но его подхватили. При этомъ бывшіе у него послѣдніе два рубля серебромъ выпали изъ бокового кармана и упали въ воду. Тутъ прибыло на берегъ нѣсколько орудій нашей конной артиллеріи, картечными выстрѣлами отогнали французовъ и мы спокойно переправились. Паромъ тотчасъ зажгли. Французы засѣли въ прибрежныхъ домахъ и стрѣляли изъ карабиновъ по артиллеріи, а артиллерія отвѣчала ядрами. Поручикъ пошелъ къ мѣсту, гдѣ стоялъ отрядъ, а я изъ любопытства остался при дѣйствовавшей артиллеріи. Здѣсь я въ первый разъ услышалъ свистъ пуль и такъ какъ онѣ показались мнѣ неслишкомъ страшными, то я и оставался тутъ до самаго вечера. Когда я возвратился къ мѣсту, гдѣ стоялъ отрядъ, то уже стемнѣло. Ни роты, ни отряда не засталъ я на мѣстѣ, стояли же мы на чистомъ и твердомъ выгонѣ, погода была сухая, а потому отъ нашей стоянки не осталась никакихъ слѣдовъ. Это меня озадачило и я не зналъ куда мнѣ идти... Подумавши, пошелъ наугадъ. Шелъ я или лучше сказать бѣжалъ довольно долго. При пасмурной погодѣ сдѣлалось совершенно темно. Однакожь я набрелъ на какую-то тропинку и зашелъ въ прегустой кустарникъ. Долго я шелъ и бѣжалъ, самъ не зная куда; нѣсколько разъ садился отдышаться и прислушиваться; наконецъ услышавъ отдаленный шумъ, бросился опять бѣжать и набѣжалъ на какія-то подводы. Я окликнулъ и оказалось, что подводы наши съ овсомъ. Обрадовался я чрезвычайно и такъ какъ порядочно усталъ, то залегъ на мѣшки, укрываясь солдатскою шинелью и спалъ до

самого утра. Отрядъ соединился съ корпусомъ на большой дорогѣ.

Подошли къ Полоцку и останавливались около него; я ѣздилъ туда и досталъ только немного бѣлаго хлѣба. Подвигаясь къ Витебску по большой дорогѣ, мы узнали, что около Бѣшенковичей, въ сторонѣ отъ большой дороги, навалено много провіанта и фуража, вывезеннаго изъ Бѣшенковичей. По обыкновенію, отправили меня съ нѣсколькими людьми и лошадьми за нимъ. У насъ былъ обычай: когда на походѣ посылали за фуражемъ, то отпрягали отъ зарядныхъ ящиковъ нѣсколько подеѣльныхъ лошадей и на нихъ накладывали мѣшки съ овсомъ или сѣно въ вязанкахъ. Проезжая проселочной дорогой чрезъ какое-то селеніе, забралъ я нѣсколько возовъ. Жители нигдѣ не противились такимъ заборамъ, зная, что сзади идутъ французы и если не мы, то заберутъ непріатели. Приближаясь къ Бѣшенковичамъ, я встрѣтилъ своего артиллерійскаго начальника, генерала Костенецкаго, прибывшаго къ намъ въ корпусъ въ Полоцкѣ. Онъ, справившись куда я ѣду, сказалъ: «Ступайте, тамъ на берегу рѣки вы найдете довольно овса и муки.» Дороги спрашивать не было надобности—по ней были слѣды, особенно отъ муки, которую таскали мужики окрестныхъ селеній. Были такіе изъ нихъ, что шли въ однѣхъ рубашкахъ, а муку, набитую въ штаны, за неимѣніемъ мѣшковъ, тащили на плечахъ. Подѣхавъ къ Бѣшенковичамъ, мы услышали ружейную перестрѣлку. Въ полуверстѣ отъ рѣки, противъ Бѣшенковичей, были навалены въ кучахъ мука и овесъ. Французы были въ Бѣшенковичахъ и стрѣляли по нашимъ егерямъ, засѣвшимъ на берегу съ нашей стороны; непріательскія пули, хотя изрѣдка, но долетали до кучъ. Несмотря на то, нѣсколько мужиковъ продолжали брать муку. Я велѣлъ солдатамъ набивать мѣшки. Скоро мы увидѣли, что егеря наши свернулись въ колонну и отступаютъ. Ко мнѣ подѣхалъ

штабъ-офицеръ и сказалъ: «Совѣтоваль бы вамъ поскорѣй убираться; мой баталіонъ отступаетъ и никого уже не остается противъ города.» Съ тѣмъ онъ и уѣхалъ. Жаль мнѣ было расстаться съ овсомъ и, несмотря ни на что, я остался и поѣхалъ только тогда, когда уже нагрузилъ свои мѣшки.

Ѣхать пришлось намъ по самому берегу Двины, въ этомъ мѣстѣ довольно возвышенному и крутому. Противоположный, лѣвый берегъ опускался полого съ возвышенностями къ рѣкѣ, а потому французскій лагерь на огромномъ пространствѣ былъ у меня совершенно въ виду, какъ на ладонѣ, отъ Бѣшенковичей до какихъ-то заводовъ на берегу и дальше ихъ. День былъ жаркій; французы купались въ рѣкѣ и мыли бѣлье. Замѣтивъ обозъ, они подымались и смотрѣли на насъ и такъ какъ въ этомъ мѣстѣ рѣка была не широка, то я находился въ большомъ затрудненіи. Еслибы вздумалось имъ какимъ-нибудь образомъ перебраться чрезъ рѣку, то я отдалъ бы приказъ, какъ только будетъ оттуда замѣчено движеніе,—лошадей отпрягать, бросать воза и самимъ спастись въ рожь, которая была тогда въ полномъ своемъ ростѣ. Не миновавъ еще расположенія непріятельскихъ лагерей, замѣтилъ я по дорогѣ селеніе, прилетавшее къ рѣкѣ; приближаясь къ селенію, я увидѣлъ торчашія изъ ржи пикеты, а людей и лошадей не было видно. Я опять смутился: наши это или французы? Потомъ подумалъ, что еслибы это были французы, то не выставили бы пикетъ, и съ осторожностью поѣхалъ впередъ. Оказалось, что это былъ нашъ уланскій пикетъ. Въ селеніи, на площадкѣ у господскаго дома, стояли наши уланы. Я расположился тутъ же у корчмы, чтобы дать отдохнуть людямъ и лошадямъ. Не успѣли отпречь лошадей, какъ уланы тронулись въ походъ. Подѣхалъ ко мнѣ офицеръ и сказалъ тоже, что и баталіонный командиръ егерей: чтобъ я поскорѣе убирался—позади всѣ пикеты сняты и французы готовятся къ переправѣ у Бѣшенковичей. Ула-

ны ушли, а я остался отдыхать. Дворъ господскій былъ пустъ, жителей осталось мало; большая часть изъ нихъ, со скотомъ и прочимъ имуществомъ, убралась въ близлежащей дѣсь; въ корчмѣ остался только еврей. Онъ сказалъ мнѣ: «Я вамъ совѣтовалъ бы позабирать все, что осталось въ панскомъ дворѣ. Тамъ есть и коровки, и куры, и индюки, — чтобъ не достались французамъ.»—Я послушался его совѣта, велѣлъ взять нѣсколько коровъ, наловили куръ и съ десятокъ индѣекъ, нашли яицъ, масла и смѣтаны. Отдохнувъ, мы пустились въ обратный путь и, проѣхавъ нѣсколько верстъ отъ селенія, увидѣли передовой нашъ отрядъ. Орудія батареинной роты были сняты съ передковъ и стояли поперекъ дороги. Бывшій тамъ генералъ Костенецкій, завидѣвъ меня съ обозомъ, подозвалъ къ себѣ и спрашивалъ, что я видѣлъ назади. Я ему рассказалъ и, между прочимъ, передалъ, что слышалъ отъ уланскаго офицера о переправѣ французовъ. — «Хорошо, сказалъ онъ, ступайте; корпусъ расположенъ недалеко.»—Отправивши обозъ, я остался полюбонитствовать. Генералъ Костенецкій училъ собравшихся у орудій офицеровъ и фейерверкеровъ, какъ дѣйствовать картечью при наступленіи непріятеля, особенно непріятельской кавалеріи. «Въ такомъ случаѣ, говорилъ онъ, не слѣдуетъ наводить орудій по діонстру, — при этомъ онъ подошелъ и взялъ въ руки правило, — а для скорости должно смотрѣть сзади и направлять по самому орудію.»—Говоря это, онъ началъ поворачивать лафетъ направо и налѣво, приговаривая: «Вотъ такъ, вотъ такъ.»—Тутъ не одинъ я подумалъ: хорошо учишь, да мало найдется такихъ, чтобы съ такою легкостью могли бросать батареинный лафетъ.

Прибывъ къ ротѣ, встрѣченъ я былъ офицерами съ большою радостію за такую рѣдкую провизію. Двѣ подводы съ овсомъ принужденъ былъ однакожь бросить. Переѣзжая оврагъ, я такъ приблизился къ рѣкѣ и къ купавшимся на дру-

гой сторонѣ французамъ, что можно бы было добросить до нихъ камень, а тутъ сломалось колесо, почему какъ сломанный возъ, такъ и слѣдовавшій за нимъ принужденъ былъ бросить, отложивши лошадей. Во все это время я былъ верхомъ на лошади. Свою верховую лошадь имѣлъ только штабель-капитанъ; прочіе офицеры не имѣли. Офицеру для фуражировки назначена была заводная лошадь и такъ какъ большею частію посылали меня одного, то я и располагалъ ею, какъ своею собственностью.

Рано поутру корпусъ тронулся въ походъ. Въ правой сторонѣ отъ насъ, за рѣкой, слышна была пушечная канонада, которая продолжалась до самаго вечера. То сражался графъ Остерманъ подь Остривномъ. На другой день тоже слышны были выстрѣлы и, по мѣрѣ того какъ мы подходили къ Витебску, они приближались. Дошли до насъ слухи, что удерживаютъ французовъ, чтобы дать время нашему корпусу присоединиться къ арміи. Послѣ полудня дали намъ привалъ, не доходя Витебска, и уже когда совсѣмъ смерклося, мы пришли въ городъ и заняли мѣсто въ распоряженіи арміи. На слѣдующее утро опять выстрѣлы и такъ близко, что намъ видѣнъ былъ дымъ. Несмотря на то, ротный командиръ послалъ меня въ Витебскъ достать чего-нибудь, и я накупилъ тамъ сахару, чаю, табуку и бѣлаго хлѣба. Суматоха въ городѣ была страшная. Случилось мнѣ проходить мимо лобазовъ надь Двиной, гдѣ складывались пенька, ленъ и другіе продукты, для отправки водой въ Ригу. Въ лобазяхъ товаровъ тогда не было, а они завалены были ранеными въ сраженіи. Передь входомъ стояла лужа красной воды, которую выливали фельшера изъ тазовъ при обмывкѣ ранъ; тутъ же выбрасывали отрѣзанныя руки и ноги, которыя растаскивали собаки, а изнутри раздавались крики и стоны. Страшно какъ-то было мнѣ смотрѣть на это, однакоже я заглянулъ въ лобазъ. Онъ весь былъ наполненъ ранеными; тамъ ихъ

.....

перевязывали и отрѣзывали руки и ноги; стоны и крики были страшные. Это я увидѣлъ въ первый разъ и въ такомъ количествѣ, что и человѣку привычному къ такимъ видамъ тяжело было бы смотрѣть.

Возвратившись къ ротѣ, я услышалъ, что ожидаютъ въ армию князя Багратіона и что завтра должно быть сраженіе, а можетъ-быть еще и сегодня пожалуютъ французы. Выстрѣлы все приближались и видны были впереди, не далеко отъ насъ; не смотря на это у насъ варили пищу. Погода была жаркая и мы, поѣвши, только было расположились отдохнуть, какъ приказано подыматься въ походъ. Прошли порядочное разстояніе и уже поздно ночью расположились на ночлегъ. На походѣ насъ никто не беспокоилъ.

Такъ продолжался нашъ походъ до Смоленска. Отъ самой Дисны, какъ въ Полоцкѣ, такъ и въ Витебскѣ, по дорогѣ мы не получали никакого продовольствія. Нашъ корпусъ шелъ уже съ другими корпусами въ большой массѣ, а потому и фуражъ доставать было затруднительнѣе. Но какъ въ это время сѣно было уже скошено и стояло по лугамъ больше въ стогахъ, то, завидя ихъ, отпрягали отъ зарядныхъ ящиковъ лошадей, подѣзжали къ нимъ, вязали сѣно въ вязанки, перекидывали чрезъ сѣдла, догоняли орудія и на походѣ складывали на лафеты, такъ-что и орудій не было видно. Овесъ, забранный въ Дриссѣ, вышелъ и довольствовались лошадей однимъ сѣномъ; изрѣдка попадался въ полѣ овесъ въ снопахъ. Людямъ подвозили сухари и крупу изъ полуфурковъ. Говядины имѣли довольно; кромѣ прежде забраннаго скота, удавалось еще и тутъ что нибудь схватить. Къ Смоленску пришли поздно вечеромъ и расположились на возвышенности, не доходя предмѣстья. Вскорѣ узнали, что пришелъ давно ожидаемый князь Багратіонъ и обѣ арміи соединились. Это обстоятельство чрезвычайно всѣхъ обрадовало. Думали: больше не будемъ отступать и война приметъ другой оборотъ.

ГЛАВА IV.

Дѣйствія арміи около Смоленска и сраженіе при немъ.

Присланъ былъ приказъ послать въ Смоленскъ съ требованіями для полученія провіанта и фуража. Меня опять послали за тѣмъ и другимъ. Провіантъ и фуражъ были сложены въ огромныхъ магазинахъ и скирдахъ около бастиона; ассигновку производилъ генераль-интендантъ Канкринъ. Интендантство находилось за Днѣпромъ, на другой сторонѣ города, въ предмѣстіи, за Молоховскими воротами, въ довольно большомъ деревянномъ домѣ. Какъ домъ, такъ и площадь предъ домомъ были заняты пріемщиками со всѣхъ полковъ: пѣхотныхъ, кавалерійскихъ, гвардейскихъ, артиллерійскихъ ротъ и другихъ командъ. Домъ былъ набитъ офицерами; съ трудомъ можно было добраться въ комнату, гдѣ посреди́нѣ за столомъ засѣдалъ генераль Канкринъ съ своимъ присутствіемъ. Со всѣхъ сторонъ справа, слѣва и чрезъ головы, подавали ему требованія. Не было никакого порядка; всѣ кричали, что солдаты и лошади умираютъ съ голоду и просили скорѣйшей ассигновки. Канкринъ просилъ соблюдать порядокъ, сердился и угрожалъ, что бросить присутствіе, но ничего не помогало. Сначала прочитывалъ требованія, а потомъ хваталъ перо и подписывалъ: «отпустить половину» или «четвертую часть означеннаго въ требованіи.»

Получивши ассигновку, отправился я въ магазины. Тамъ тоже была страшная суматоха, но комиссіонеры и подрядчики сами употребляли всѣ усилія, какъ бы поскорѣе сбить съ рукъ свои запасы, и тутъ было меньше остановки. Отправивши все принятое съ командою, пошелъ я по городу. Жители были въ страшной тревогѣ. Лавки, магазины и рынки были наполнены товарами и разными продуктами. Товары

отдавали въ убытокъ за всякую предлагаемую цѣну; каждый старался сбыть съ рукъ свои продукты. Никто не зналъ, чѣмъ кончится дѣло, но все знали, что Вильно, Полоцкъ, Витебскъ, Могилевъ и другія мѣста въ рукахъ непріятеля; что тамъ все берутъ и грабятъ и что такая же участь можетъ постигнуть и Смоленскъ. Накупилъ я для ротнаго командира и штабсъ-капитана сахару, чаю, табаку, бѣлаго хлѣба и другихъ запасовъ; на свою же долю и для другихъ офицеровъ мало чего довелось купить—не было денегъ.

Получивши въ первый разъ изъ магазиновъ недостаточную ассигновку, на другой день опять отправился съ требованіемъ. Въ интенданствѣ суматоха была, кажется, еще большая. Нужно только представить, сколько было полковъ, артиллерійскихъ ротъ и другихъ командъ и отъ всѣхъ были особые приѣмщики. Трудно было добраться до присутственнаго стола. Между тѣмъ время проходило для насъ довольно весело; встрѣчались съ знакомыми и однокашниками разныхъ командъ.

Въ присутствіи Канкринъ почти на лету подхватывалъ требованія, не просматривая подписывалъ: «Отпустить по сему. Канкринъ.» Онъ, впрочемъ, замѣчалъ нѣкоторымъ: «Да вы уже получали?» а тѣ увѣряли, что они пришли только въ первый разъ. Такъ какъ Канкринъ первоначально давалъ ассигновку на половину или четвертую часть того количества, которое значилось въ требованіи, то на другой же день являлись тѣже самые офицеры съ новыми требованіями, а иные въ одинъ день по два раза. Я самъ въ теченіи первоначальнаго нашего пребыванія подъ Смоленскомъ былъ три раза съ требованіемъ. На этотъ разъ я долженъ былъ часа два проталкиваться къ столу. Было уже за полдень, Канкринъ обратился къ офицерамъ: «Прошу васъ, господа, дайте мнѣ сколько-нибудь покою. Я тоже человекъ и по сію пору ничего еще не ѣлъ.» А офицеры все свое: сдѣлайте милость,

подпишите, да подпишите.—Такииъ образомъ производилась ассигновка и пріемъ провіанта и фуража; небыло никакого порядка. Да и то надо сказать, что всякій требовалъ и бралъ то, что было необходимо, какъ въ настоящее время, такъ и въ запасъ. Лишняго никто не сталъ бы и брать, потому что некуда было съ нимъ дѣваться. Провіантомъ наполнили фуры и полуфуры; овса могли взять въ запасъ небольшое количество кавалеристы, а больше артиллерійскія роты, имѣя возможность помѣстить его на зарядныхъ ящикахъ и лафетахъ. И за всѣмъ тѣмъ въ легкой ротѣ, наприимѣрь, нельзя было помѣстить больше тридцати четвертей, т. е. дней на шесть. Послѣ уже, на походѣ отъ Смоленска, былъ учрежденъ лучшій порядокъ. Когда подходилъ изъ губерній какойнибудь транспортъ, то дѣляли его по корпусамъ и уже въ корпусной квартирѣ назначали сколько кому слѣдовало получить. Походомъ отъ Смоленска получали провіантъ и фуражъ въ маломъ количествѣ: на легкую роту выдавали четвертей по пяти овса, по нѣсколько четвертей крупъ и сухарей. Случалось иногда давали въ роту по одному или по два быка на говядину и по нѣсколько ведеръ водки.

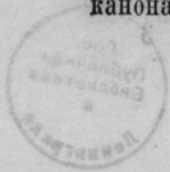
Въ Смоленскѣ сошло насъ нѣсколько знакомыхъ офицеровъ; одинъ, увидѣвъ по дорогѣ винный погребъ, предложилъ зайти и распить бутылку вина. Потребовали бутылку дешевенькаго. Подошелъ къ намъ хозяинъ и началъ говорить: «Что же это будетъ и куда мнѣ дѣваться съ моимъ имуществомъ. Сдѣлайте милость, господа, рекомендуйте меня вашимъ знакомымъ. Хоть бы что-нибудь сбыть.» И принялся самъ откупоривать бутылки и угощать насъ дорогими винами. Такъ было и по другимъ мѣстамъ и лавкамъ. Трактиры, кофейни и рестораны тоже были набиты офицерами, тамъ не успѣвали удовлетворять требованій: къ тому же открылась и картежная игра. Пили и играли безъ расчета. У кого были деньги, тотъ имѣлъ въ виду: можетъ-быть завтра убьютъ, такъ все

пропадетъ. Хотя можно сказать, что большая часть офицеровъ были бѣдняки, но много было и богачей. Въ арміи былъ цвѣтъ молодежи со всей Россіи. Въ Смоленскѣ всё запаслись необходимымъ, а кто имѣлъ средства, то и предметами роскоши. Подъ конецъ не только раскупили все, особенно продовольственные продукты, но и продавали ихъ по цѣнамъ уже чрезвычайно высокимъ. За бѣлый хлѣбъ, который продавали прежде по десяти копѣекъ ассигнаціями, платили по рублю; табакъ двухрублевый продавали по десяти рублей; въ такой же соразмѣрности продавались и прочіе продукты.

Во весь нашъ походъ отъ Лиды до Дриссы и оттуда до Смоленска, несмотря на дурную сначала погоду и трудные переходы, всё до послѣдняго солдата были бодры и веселы. Больныхъ и отсталыхъ было не болѣе, какъ и въ обыкновенныхъ походахъ; лошади были въ хорошемъ тѣлѣ и не изнурены. Досадно и непріятно было только то, что мы все отступаемъ; подъ конецъ начали даже роптать на главнокомандующихъ, но какъ всё было извѣстно, что непріятель несравненно превосходитъ насъ числомъ войскъ, то сносили терпѣливо. Надѣялись, что, по соединеніи съ княземъ Багратиономъ, силы наши уравниются и тогда мы ударимъ на непріятеля.

Объявили походъ на Рудню и разнесся слухъ, что идемъ атаковать непріятеля. Этому извѣстію чрезвычайно всё обрадовались. Пошли къ Руднѣ, оттуда пошли куда-то направо, потомъ опять назадъ, а тамъ обратно въ Смоленскъ. Погода была жаркая и переходы очень утомительные. Начали говорить, что бродимъ безъ толку и сами не зная куда и зачѣмъ, а тутъ еще пронесся слухъ, что главнокомандующіе между собою не поладили. Всё стояли за князя Багратиона и начали обвинять Барклай-де-Толли, особенно при тяжкомъ обратномъ походѣ къ Смоленску. Когда, подходя, услышали канонаду и разнесся слухъ, что Наполеонъ обманулъ нашихъ

и французы напали на Смоленскъ и вѣроятно уже взяли его. то явно начали роптать. Приближаясь къ Смоленску, слышали непрерывную сильную канонаду. Остановились мы довольно поздно, на возвышенности, гдѣ стояли и прежде. Тутъ же узнали, что генералъ Раевскій хотя и съ большими усиліями, но отстоялъ Смоленскъ; это извѣстіе нѣсколько успокоило умы.

На другой дежь, 3-го августа, день достопамятной Смоленской битвы, задолго еще до свѣта, приказано было генералу Дохтурову съ 6-мъ корпусомъ занять городъ и готовиться къ сраженію. Нашей бригады батарейная рота заняла бастіонъ, легкую № 13 роту поставили у Молоховскихъ воротъ. Наша № 12 рота, перешедши мостъ и поднявшись въ городъ на гору, остановилась; тутъ простояли мы недолго, воротили насъ назадъ и разставили по берегу рѣки Днѣпра, около имѣющихся тамъ бродовъ, въ разныхъ мѣстахъ по четыре орудія. Мнѣ съ другимъ офицеромъ досталось стать на правой сторонѣ, противъ оврага Красненскаго предмѣстія, и для прикрытія намъ дали роту Софійскаго полка; съ нами былъ и нашъ ротный командиръ. Въ Красненскомъ предмѣстіи были полки Либавскій и Софійскій; прочіе полки, какъ нашей 7-й дивизіи, такъ и 24-ой нашего же корпуса съ артиллеріей, были разставлены вокругъ Смоленска. Съ нашей позиціи видны были: городская стѣна противъ Красненскаго предмѣстія до самаго бастіона и самый бастіонъ, наши корпуса, расположенные сзади на возвышенности, и тамъ же, впереди ихъ, выстроенныя артиллерійскія роты. На лѣвой сторонѣ тоже видна была возвышенность съ кладбищенскою церковью и артиллерія, расположенная на этой возвышенности, виднѣнъ былъ мостъ и городская стѣна по рѣкѣ Днѣпру.

Съ восходомъ солнца направо отъ насъ, въ концѣ Красненскаго предмѣстія, открылась ружейная перестрѣлка. Перестрѣлка начала распространяться вокругъ города. На нашихъ

глазахъ началась пушечная канонада съ бастіона, но въ кого стрѣляли — намъ за горой не было видно. Что же было дальше за бастіономъ и что тамъ дѣлалось, этого мы совсѣмъ не знали. Слышна была только всеобщая стрѣльба. Ружейная перестрѣлка то приближалась къ намъ, то удалялась. Дѣйствующихъ лицъ за строеніями и садами мы не видѣли, а видѣли только дымъ отъ выстрѣловъ да пули, которыя просвистывали около насъ. Такъ продолжалось довольно долго; мы стояли спокойно и приготовились дѣйствовать. Солдаты, какъ наши, такъ и пѣхотные, въ ближайшихъ домахъ набрали горшковъ, накопили по огородамъ картофеля и варили его на берегу рѣки. Одинъ изъ нашихъ пѣхотныхъ солдатъ взялъ въ плѣнъ француза и притащилъ его къ намъ. Французъ этотъ, молодой еще человекъ, былъ въ чрезвычайномъ страхѣ и смотрѣлъ помутившимися глазами. Подступили къ нему офицеры и солдаты. Я и еще одинъ пѣхотный офицеръ знали немного по французски и начали его спрашивать, но онъ только ворочалъ глазами. Съ трудомъ допросились мы, что онъ изъ корпуса Нея и родомъ изъ Лангедока. Солдаты предлагали ему картофель, а онъ только безумно улыбался. Едва могли его успокоить; кажется, онъ думалъ, что его живаго будутъ ѣсть. Тутъ многіе говорили: «Если между славными и храбрыми наполеоновскими солдатами много такихъ, такъ не очень же страшны французы.»

Было уже далеко за полдень, когда вдругъ на бастіонѣ и кругомъ города очень усилилась пушечная пальба. Начали стрѣлять наши батареи съ возвышенности, правѣе насъ, и батареи на кладбищѣ, съ лѣвой стороны. Ружейная перестрѣлка на форштатѣ начала быстро приближаться и пули посыпались на насъ. По берегу рѣки, по форштатской дорогѣ и по садамъ, расположеннымъ по горѣ, начали тѣснить нашу пѣхоту къ крѣпостной стѣнѣ, а съ горы, противъ нашихъ орудій, стали спускаться непріятельскія колонны. Тутъ нашъ

ротный командиръ приказалъ дѣйствовать и мы начали стрѣлять ядрами и гранатами изъ двухъ пушекъ и двухъ единоговъ. Потомъ, когда наша пѣхота подошла почти къ самымъ стѣнамъ, а французы спускались съ горы, мы стрѣляли картечью. Французы поставили на горѣ батарею. Первое пушенное ими ядро ударило передъ нами въ рѣку и брызги поднялись фонтаномъ; за тѣмъ другое ядро ударило въ близлежащій домъ и отбило въ немъ уголь. Это были первыя ядра, дѣйствія которыхъ довелось мнѣ видѣть. Признаюсь, я почувствовалъ какое-то сотрясеніе въ колѣнахъ. Ядра непріятельскія визжали около насъ непрерывно,—мы тоже дѣйствовали. Пули ружейныя свистѣли кругомъ, такъ—какъ мы стояли на берегу рѣки, подъ большими вербами, то сбиваемыя съ нихъ вѣтки и листья сыпались на насъ. Свистъ пуль, въ сравненіи съ визгомъ ядеръ и клочкотаніемъ гранатъ, показался мнѣ тогда ничтожнымъ. Пушечная и ружейная пальба кипѣла кругомъ стѣнъ Смоленска. Стрѣляли наши батареи съ возвышенностей справа и слѣва отъ насъ, а по нимъ—французы. Такъ-какъ эти батареи были на довольно дальнемъ разстояніи, то много гранатъ разрывалось высоко въ воздухъ и оттуда раздавались звуки отъ разрыва, а съ правой стороны отъ насъ изрѣдка просвистывали осколки отъ нихъ. Такъ продолжалось довольно долго. Съ нашей стороны французы подались назадъ и стрѣльба сдѣлалась гораздо слабѣе и почти затихла. Въ городѣ началъ показываться дымокъ отъ гранатъ, которыя туда бросали. По сторонамъ нашихъ орудій были заборы изъ плетня; я съ товарищемъ моимъ пошелъ посмотреть, какъ пули попробовали ихъ, но не успѣли сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ пуля пролетѣла между моими рукой и ногой, палецъ лѣвой руки какъ-будто обожгло, а панталоны пробило. Между тѣмъ пальба, какъ ружейная, такъ и пушечная, все продолжалась вокругъ го-

рода, хотя и не такая сильная; батареи съ возвышенностей тоже не переставали стрѣлять.

Начинало уже вечерѣть и тутъ-то поднялась самая усиленная стрѣльба. Гранаты рвало надъ городомъ. Французы сильно потѣснили нашихъ опять съ форштата; колонны ихъ начали спускаться съ горы противъ насъ и въ оврагъ противъ бастіона и напирали по большой форштатской дорогѣ. Наша пѣхота отступила подъ самыя стѣны; одинъ нашъ баталіонъ притѣснили къ рѣкѣ и онъ бросился въ бродъ. Показавшаяся на самомъ берегу, противъ насъ, густая толпа французовъ выстрѣлила залпомъ въ насъ и въ наше прикрытіе, этимъ залпомъ у насъ ранило и убило людей больше, чѣмъ во весь день. Наше прикрытіе стало стрѣлять въ нихъ изъ ружей, а мы картечью и нѣсколькими выстрѣлами ихъ разѣяли. Наши войска прижались къ самой стѣнѣ, а французы заняли оврагъ и стрѣляли въ нихъ. Въ это время уже почти стемнѣло, а потому огонь отъ выстрѣловъ блисталъ, какъ иллюминація. Мы стрѣляли изъ орудій въ оврагъ картечью; подѣхало еще нѣсколько орудій, по дорогѣ отъ моста, и тоже стали стрѣлять въ оврагъ. Наша пѣхота, расположившаяся подъ стѣной до самаго бастіона, стрѣляла оттуда; стѣна была какъ будто въ огненной, сверкающей полосѣ. Наконецъ французы не выдержали и ушли. Много легло ихъ въ этотъ разъ въ Красненскомъ предмѣстьи, особенно въ оврагѣ. Вскорѣ городъ запылалъ со всѣхъ сторонъ; пожаръ былъ страшный и все освѣтилось. Сраженіе кончилось и мы остались почевать на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ.

Подъ Смоленскомъ въ первый разъ я былъ въ сраженіи. Оно показалось мнѣ не слишкомъ страшнымъ. Я ожидалъ чего-то большаго. Съ дѣтства любилъ я читать книги о военныхъ дѣйствіяхъ. Сначала попались мнѣ книги, бывшія у моего отца, подъ заглавіемъ: «Троянская брань», «Жизнь и дѣянія принца Евгенія Савойскаго», потомъ походы Суворо-

ва и тому подобныя книги. Въ дѣтствѣ особенно сильное впечатлѣніе производила на меня книга: «Троическая брань», гдѣ Гекторъ въ одинъ день собственною рукой убивалъ грековъ тысячами. Слыша про храбрость французскихъ войскъ, я думалъ, что будутъ драться не только штыками, но прикладами, руками и зубами. Здѣсь же только стрѣляли и подавались взадъ или впередъ. Не было съ нашей стороны ни кавалерійскихъ атакъ, ни рукопашныхъ схватокъ; только свистѣли пули, визжали ядра и особенно непріятель былъ неправильный визгъ гранатныхъ осколковъ.

Вообще военные писатели, даже и новѣйшіе, пишутъ такъ о военныхъ дѣйствіяхъ, что, читая ихъ, дѣлается страшнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ бываетъ. Природа человѣка имѣетъ свои предѣлы: отъ излишней боли—люди лишаются чувствъ, отъ сильнаго страха—падаютъ въ обморокъ; а тутъ не было ничего подобнаго; можетъ-быть у кого нибудь и стучали зубы, но это трудно было замѣтить. Къ тому же боязнь показать себя трусомъ передъ другими заглушала страхъ. Въ первый разъ видѣнные мною плѣнные французы показались мнѣ грозными; потомъ плѣнные подъ Витебскомъ и въ другихъ мѣстахъ смотрѣли уже скромно, а подъ Смоленскомъ и того скромнѣе. Первую атаку французы повели какъ будто нерѣшительно, во вторую атаку предъ вечеромъ, надо сказать правду, бросались быстро и живо и отгѣснили нашихъ къ стѣнѣ и рѣкѣ, но, дошедши до оврага, остановились, какъ одурѣлые, не двигаясь ни назадъ, ни впередъ. Огонь нашей пѣхоты былъ живой и быстрый, и такъ какъ наша артиллерія стрѣляла еще картечью съ двухъ сторонъ, то уронъ ихъ здѣсь вѣроятно былъ огромный.

Наступила ночь, сраженіе прекратилось, городъ пылалъ и освѣщала окрестности. Ротный командиръ, бывшій съ нами почти все время, уѣхалъ къ другимъ орудіямъ. Орудія зарядили картечью, часовыхъ поставили съ зажженными пальни-

ками, прикрытіе тоже было съ заряженными ружьями на случай ночнаго нападенія. Мнѣ и товарищу моему показалось скучно сидѣть у орудій цѣлую ночь и мы взошли въ ближайшую избу. Хозяевъ въ ней мы не нашли и она была совсѣмъ пустая, стояла лишь одна кровать, на которой лежало нѣсколько соломы, и мы завалились спать не раздѣваясь. День предъ сраженіемъ провели мы въ утомительномъ походѣ; ночью пришлось отдохнуть немного, а тутъ цѣлый день пробыли въ сраженіи, а потому и не мудрено, что насъ одолѣла усталость и мы скоро и вѣрно заснули. Долго ли мы спали—незнаю, только мы оба проснулись отъ голоса, который раздался въ дверяхъ избы: «Господа офицеры! господа офицеры!»—Мы вскочили съ кровати. Послѣ, когда мы сознались другъ другу, то вышло, что намъ обоимъ этотъ голосъ показался голосомъ нашего неугомоннаго генерала Костенецкаго. мы подумали, что онъ объѣзжаетъ артиллерию и, не нашедши при орудіяхъ офицеровъ, пошелъ ихъ отыскивать и при этомъ ужъ конечно достанется намъ. Товарищъ мой толкалъ меня, а я—его, заставляя идти впередъ и имѣя въ виду: какъ бы только лицомъ къ лицу генерала поставить товарища, а самому пользуясь темнотою улизнуть. Наконецъ я осмѣлился спросить: «кто тамъ?»—Это я, хозяинъ дома, услышали мы въ отвѣтъ, пришелъ навѣстить свой домишко, да и ваши уже собираются въ походъ.—Вышедши, узнали мы отъ фейерверкеровъ, что приказано уходить, что они насъ искали и не могли найти. Собрались мы скоро и вышли на большую дорогу. По ней тянулись войска изъ Смоленска это былъ нашъ корпусъ и мы присоединились къ нему. Было еще темно, когда мы проходили по Петербургскому предмѣстію. Выйдя на разсвѣтъ за городъ, мы проходили мимо расположенныхъ на возвышенности корпусовъ, не участвовавшихъ въ дѣлѣ. Офицеры выходили и смотрѣли на насъ съ завистію, а мы шли гордо, поднявши головы.

ГЛАВА V.

Движеніе отъ Смоленска до Вородина.

Прошедши версть десять, мы остановились для отдыха. Подлѣ стояла небольшая каменная церковь съ каменной же оградой; въ ней отпѣвали убитаго генерала Балла, командовавшаго егерской бригадой въ нашей дивизіи, и вмѣстѣ съ нимъ и его адъютанта. Всѣ отзывались о генералѣ Баллѣ, какъ о добромъ старикѣ и храбромъ генералѣ. Положили ихъ въ одну могилу, безъ гробовъ, какъ были въ мундирахъ, чѣмъ-то накрыли, закидали землей и насыпали бургоръ. Спустя много времени послѣ того и бывъ уже въ отставкѣ, случилось мнѣ проѣзжать мимо этой церкви. Я остановился и зашелъ взглянуть на знакомую мнѣ могилу, но не нашолъ и признаковъ ея. На привалѣ сошлись мы вмѣстѣ съ пѣхотными офицерами и, недосчитавшись многихъ, съ грустью вспоминали о потерянныхъ товарищахъ и знакомыхъ. Кромѣ генерала Балла убитъ былъ изъ нашего корпуса генералъ Скалонъ, командовавшій драгунскимъ Иркутскимъ полкомъ. Много было убито и ранено штабъ, оберъ-офицеровъ и солдатъ; изъ нѣкоторыхъ полковъ выбыло безъ малаго на половину. Въ нашей ротѣ были потери небольшія, такъ какъ передки отъ орудій и зарядные ящики съ лошадьми и прислугой были защищены домами, а подъ выстрѣлами оставались только люди, бывшіе при орудіяхъ.

Толковали о прошломъ дѣлѣ.—Что-жь это такое? начали говорить. Бродили мы около Смоленска безъ толку, чуть не отдали его даромъ, потомъ—какъ насмѣхъ—послали одинъ нашъ корпусъ защищать городъ въ то время, какъ прочая армія стояла спокойно на возвышенностяхъ; а послѣ и всеѣмъ оставили его....—«Да это, просто, измѣна....» отозвались

было нѣкоторые, но ихъ остановили. Когда же замѣтили, что опять отступаемъ, то неудовольствіе и ропотъ начали явно обнаруживаться даже между простыми солдатами. Въ то время офицеры говорили и судили про начальниковъ открыто, нисколько не стѣсняясь; на бивуакахъ офицерскіе разговоры слышали деньщики и отчасти солдаты, слышанное передавали другимъ, и такимъ образомъ хорошіе и дурные толки распространялись быстро. Нападали больше всего на Барклай-де-Толли.

Простоявши около церкви почти до вечера, тронулись въ походъ; шли всю ночь и предъ разсвѣтомъ остановились. Сѣна для лошадей достали на походѣ, которое и погрузили на лафеты, но овесъ почти весь вышелъ во время переходовъ отъ Смоленска къ Руднѣ и изъ имѣвшихся запасовъ почти ничего не оставалось. Немного отдохнувши, ротный командиръ послалъ меня впередъ съ двумя солдатами гдѣ нибудь найти овса. Долго мы ѣхали, прежде чѣмъ прибыли въ большое село, гдѣ на довольно широкой улицѣ стоялъ кирасирскій отрядъ, готовый къ походу, а изъ господскаго дома напротивъ смотрѣлъ изъ открытаго окна какой-то генералъ. Завидѣвъ меня, онъ позвалъ къ себѣ въ домъ, спрашивалъ откуда я, далеко ли армія и зачѣмъ я ѣду впередъ?—Когда я ему объяснилъ, что ѣду достать овса, то онъ, подведя меня къ огню, сказалъ: — Видете тамъ въ сторонѣ фольваркъ—въ немъ вы можете достать овса. Я оттуда довольствовалъ весь отрядъ, взялъ съ собою въ запасъ и за всѣмъ тѣмъ еще остается много.—Пріѣхавъ въ фольваркъ, до котораго отъ дороги было не болѣе одной версты, отыскалъ я управляющаго и сказалъ ему, что посланъ собирать овесъ для корпуса и потребовалъ отъ него подводъ и мѣшковъ. Онъ мнѣ объявилъ, что овесъ есть, можно достать возовъ и мѣшковъ, но лошадей нѣтъ,—всѣ отправлены съ господскимъ имуществомъ. Когда я сказалъ, что безъ лошадей

можно обойтись и что я пошлю за полковыми, то онъ обрадовался, тотчасъ послалъ за мѣшками и возами и далъ людей для насыпки и нагрузки; скоро все было сдѣлано. При этомъ удобномъ случаѣ онъ угостилъ меня прекраснымъ завтракомъ. Нагрузивши возовъ десять и отодвинувъ ихъ немного въ сторону отъ магазина, послалъ я сказать ротному командиру, чтобъ онъ прислалъ лошадей. Погода была прекрасная, я гулялъ въ саду, гдѣ было много разныхъ фруктовъ. Мы давно ихъ не видали и тутъ я не только вполнѣ насытился ими, но и сдѣлалъ порядочный запасъ. Долго я ждалъ лошадей, время было уже за полдень; я начиналъ свучать, тѣмъ болѣе, что подошла армія, и когда узнали, что есть овесъ, нагрянули не только офицеры, но больше сами ротные артиллерійскіе командиры съ командами и мѣшками. Веякій старался сколько-нибудь захватить; произошла давка, шумъ, крикъ, споры. Подѣхалъ гвардейскій артиллерійскій полковникъ; я его очень хорошо зналъ, потому что былъ у него въ командѣ юнкеромъ. Онъ сказалъ: «Позвольте, господа, посторонитесь, нужно набрать для гвардіи.»—Для гвардіи, подхватили нѣкоторые, гдѣ можно поживиться, тамъ вы первые, а когда дойдетъ до дѣла, то вы назади...—И почти всѣ въ одинъ голосъ напали съ разными выдумками и остроумствами, такъ что полковникъ принужденъ былъ убраться, ничего не получивъ. Полковникъ этотъ, когда я былъ у него въ командѣ, былъ для меня добръ, я хотѣлъ было предложить ему воза два, да не видѣлъ, какъ онъ уѣхалъ. Съ оставшимся у меня однимъ солдатомъ я не отходилъ отъ возовъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ лошадей. Подходили многіе кони и спрашивали: «что это такое?» Я говорилъ, что это овесъ, забранный для корпусной квартиры. Нѣкоторые отходили молча, а другіе говорили: «Для корпусной квартиры... видно ваша корпусная квартира жирно кушаетъ» и тому подобное. Къ счастью, подѣхалъ нашъ бригадный командиръ.

съ офицеромъ и нѣсколькими солдатами; такъ какъ онъ опоздалъ, то и не надѣялся что-либо получить и досадовалъ. Я сказалъ ему, что набралъ овса для роты поутру, ожидаю лошадей и боюсь, что его отнимутъ. Онъ, полушутя, сказалъ: «Дай мнѣ пару воевъ, такъ я сохранию остальные.» Я съ радостію на это согласился. Тутъ векорѣ прибыли наши лошади и благополучно увезли овесъ, къ тому-же и разстояніе до мѣста, гдѣ расположилась армія, было небольшое.

Овсомъ мы болѣе всего дорожили и трудно было его доставать; сѣно находили по лугамъ и селеніямъ, а потому въ немъ и не нуждались; въ провіантѣ для людей тоже не затруднялись; для говядины ловили и забирали рогатый скотъ, овецъ и свиней. Жители не только не противились, но даже предлагали брать, говоря:—«Берите, батюшки, берите, родные, чтобы не досталось французу.»—Когда отступали отъ Смоленска, то по дорогѣ въ полѣ было много гороху; онъ тогда поспѣвалъ и солдаты, завидѣвъ, бросались рвать его. Однажды, когда солдаты бросились рвать горохъ, случившійся тутъ хозяинъ—мужичокъ приглашалъ ихъ и приговаривалъ: «Рвите, батюшки, кушайте на здоровье!..» Нѣкоторые изъ солдатъ отвѣчали ему:—Спасибо, добрый человекъ. Когда-бъ не позволилъ, то мы не посмѣли бы и тронуть!—а другіе смѣялись.

Не припомню, на который день выходили мы на большую московскую дорогу въ какомъ-то селѣ. Въ то же самое время по ней шли войска, бывшія въ сраженіи подъ Валутинымъ. Съ ними тянулся и огромный обозъ съ ранеными въ лазаретныхъ фурахъ и подводахъ. Оттуда раздавались крики, стоны и брань. Нѣкоторые изъ раненныхъ умирали въ фурахъ и ихъ выбрасывали по дорогѣ. Особенно наше вниманіе обратилъ на себя израненный, умирающій юнкеръ, положенный около дороги; никого при немъ не было. Многие

останавливались взглянуть на него, и я тоже подошелъ; но никто не могъ ему помочь. Молодое, прекрасное и благородное лицо его покрыто было блѣдностью и на немъ уже обозначались предсмертныя страданія. Это зрѣлище произвело на меня такое впечатлѣніе, что когда впоследствии сынъ мой поступилъ на службу юнкеромъ, то до самаго его производства въ офицеры мнѣ часто представлялся этотъ несчастный и меня страшила мысль, что и сынъ мой можетъ дойти до такого ужаснаго положенія. Мнѣ казалось даже, что мой сынъ имѣлъ съ нимъ сходство въ лицѣ.

Дальше мы шли уже всей арміей. У Соловьева мы переправились чрезъ Днѣпръ и, не доходя нѣсколько верстъ до Дорогобужа, остановились. Такъ какъ двигалась огромная масса войскъ вмѣстѣ, то продовольствіе для лошадей доставать было трудно. Останавливались обыкновенно подлѣ селеній. Для дровъ и соломы разбирали заборы, сараи и клуны. На походѣ къ Дорогобужу случилось, собственно съ нами, довольно комическое происшествіе: армія остановилась ночевать на полѣ, гдѣ хлѣбъ былъ уже снятъ, а на мѣстѣ расположенія нашей роты, около зарядныхъ ящиковъ, была небольшая впадина или котловина; на ней росла трава и не большой кустарникъ. Погода была жаркая, во время похода была страшная пыль и такъ-какъ намъ это мѣстечко показалось свѣжимъ и очень пріятнымъ, то мы и расположились спать подъ кустами, не дѣлая бивуака. Только-что мы заснули нашли тучи, поднялась гроза и пошелъ дождь. Сначала мы укрывались кое-какъ, но дождь полилъ до того сильный, что вся котловина наполнилась водой, мы очутились въ водѣ и вымокли до послѣдней нитки. Намъ ужъ сдѣлалось прохладно, особенно предъ утренней зарей. Не было дровъ, чтобъ разложить огонь и обогрѣться; мы мокрые продрогли и не знали что дѣлать. Одинъ изъ офицеровъ, чтобы согрѣться, предложилъ выпить водки. Водка у насъ не была

въ употребленіи; нѣкоторые пили, но понемногу, а я и со-
всѣмъ не пилъ; но тутъ съ другими и я немного прогло-
тилъ водки и почувствовалъ, какъ по всему тѣлу разлилась
какая-то пріятная теплота. Мы выпили еще и еще и нако-
нецъ совершенно опьянѣли. Командиръ позвалъ, не знаю
ужь за чѣмъ, одного офицера и что-то ему приказывалъ, а
тотъ, какъ мы узнали послѣ, сказавши ему какую-то гру-
бость, ушелъ. Командиръ позвалъ меня и опять что-то при-
казывалъ, но я, не дослушавши его приказанія, отошелъ не-
много и, кажется, упалъ. Это удивило ротнаго командира, —
онъ не зналъ, что такое случилось; но штабсъ-капитанъ, хо-
тя и самъ пилъ, но видно осторожнѣе, объяснилъ ему въ
чемъ дѣло. Командиръ пожалъ плечами, приказалъ сдѣлать
бивуакъ и насъ тамъ уложили спать. Къ счастью до самаго
полудня армія не выступала, погода сдѣлалась хорошая и мы
имѣли время проспать. Я проснулся съ головою болью, —
это былъ первый подобный случай въ моей жизни. Можетъ-
быть, кто-либо и осудитъ насъ за такой поступокъ, но и по
настоящее время я смотрю на это происшествіе какъ на
шалость, или еще вѣрнѣе — неосторожность; даже нашъ коман-
диръ, при всей своей серьезности и строгости, оставилъ это
приключеніе безъ замѣчанія, зная, что пить не было у насъ
въ обыкновеніи.

Когда мы остановились подлѣ Дорогобужа, то по всѣмъ ли-
ніямъ объѣзжали главнокомандующіе Барклай-де-Толли и
князь Багратионъ. Пронесся слухъ, что они осматриваютъ
войска, предполагая дать тутъ сраженіе. Къ этимъ слухамъ
мы такъ уже привыкли, что мало имъ вѣрили, а между тѣмъ
неудовольствіе и ропотъ усиливались. Негодовали единствен-
но на Барклая-де-Толли и не только возлагали на него вину,
но еще прибавляли много небывалаго. Высшіе офицеры об-
виняли его въ нерѣшительности, младшіе — въ трусости, а
между солдатами носилась молва, что онъ нѣмецъ, подкуп-

лецъ Бонапартомъ и измѣняетъ Россіи. Обвиняли его за то, что даромъ отдалъ Смоленскъ, что пошелъ отъ него по петербургской дорогѣ и тѣмъ чуть не отдалъ всю армію въ руки Наполеона. Особенно неприятное впечатлѣніе произвело извѣстіе, что Барклай-де-Толли поссорился съ княземъ Багратиономъ, котораго всѣ превозносили до небесъ. Корпусными начальниками мы всѣ были довольны. Духъ между солдатами и офицерами былъ самый воинственный. Французовъ ни сколько не боялись и, хотя всѣмъ было извѣстно, что французы гораздо насъ многочисленнѣе, однакожъ всѣ съ нетерпѣніемъ желали съ ними сразиться.

Во время стоянки мнѣ случилось ѣхать на фуражировку; я поѣхалъ въ Дорогобужъ. Тамъ на одномъ дворѣ, въ створѣ отъ большой дороги, нашли на сѣновалѣ сѣно; навьючивъ его на лошадей, вышли мы на большую дорогу уже вечеромъ; по ней проходила армія. Дождавшись своего корпуса и роты, я приказалъ сложить сѣно на орудія. На выходѣ изъ города по обѣимъ сторонамъ улицы догорали дома и летѣли искры; мы проходили съ опасеніемъ и осторожностью, чтобы какъ-нибудь искра не попала въ сѣно и не случилось бы несчастія. Когда вышли изъ города, то сдѣлалась большая темнота; въ это время Барклай-де-Толли проѣзжалъ съ небольшой свитой мимо полковъ и я самъ слышалъ, какъ въ толпѣ солдатъ кто-то сказалъ: «Смотрите, смотрите, вотъ ѣдетъ измѣнщикъ!» Это было сказано съ прибавкою солдатской брани. Этого Барклай-де-Толли не могъ не слышать и какъ должно быть оскорбительно было ему слышать подобные незаслуженные упреки. . . . Больше подъ вліяніемъ другихъ и самъ я не слишкомъ хорошо думалъ и говорилъ о немъ и за то до настоящаго времени совѣсть моя какъ будто меня упрекаетъ. За всѣмъ тѣмъ скажу, что еслибы онъ вздумалъ дать всѣми желанное сраженіе, то войска, несмотря на довѣріе къ корпуснымъ командирамъ и другимъ генераламъ,

при малѣйшемъ неблагопріятномъ оборотѣ сраженія, могли бы это приписать измѣнѣ Барклая-де-Толли и не только потеряли бы сраженіе, но и разбѣжались бы. Настало время, когда другой главнокомандующій былъ положительно необходимъ.

Подходя къ Вязьмѣ, я поѣхалъ туда впередъ, купилъ кое-какой провизіи, бѣлаго хлѣба и вяземскихъ пряниковъ. Пришедши въ Вязьму, армія остановилась вблизи ея. Пришли съ разныхъ мѣстъ транспорты съ продовольствіемъ и велѣли послать приѣмщиковъ. Я отыскалъ интендантство. Передняя большая комната набита была офицерами, посланными за приѣмкой. Дверь въ другую комнату была заперта; говорили, что тамъ Канкринъ и никого къ себѣ не пускаетъ. Поднялся шумъ и крикъ:—«Да что это такое? Позапирались и спятъ, а люди и лошади пропадаютъ съ голоду!» Шумъ до того увеличился, что Канкринъ, отворивъ дверь и придерживая ее рукой, сказалъ:—«Господа, уймитесь, не то-сейчасъ дамъ знать главнокомандующему. Провіанту и фуражу дѣлается расчетъ, и онъ будетъ выданъ по корпусамъ; вы извольте отправляться и получать его отъ корпусныхъ комиссіонеровъ, а здѣсь ничего не получите.»—Несмотря на это, всѣ протянули къ нему руки съ требованіями, а онъ твердилъ:—«Здѣсь ничего не получите, говорю вамъ, обратитесь въ корпусныя квартиры.»—Я стоялъ впереди, протягивая руку съ требованіемъ, и сказалъ: «Сдѣлайте милость, ваше превосходительство, подпишите. Наша рота откомандирована къ гвардіи.»—Самъ не знаю, съ чего мнѣ пришло въ голову сказать это. Всѣ обратили на меня глаза, такъ что я сконфузился. Однакожь Канкринъ выхватилъ у меня требованіе, тутъ же схватилъ съ окна перо, написалъ что-то на требованіи и сказалъ: «ступайте». Въ требованіи, кромѣ провіанта, означено было тридцать четвертей овса. Овесъ былъ въ транспортѣ изъ Орловской губерніи, въ вѣдѣніи какого-

то дворянина. Увидѣвъ требованіе, дворянинъ тотчасъ же отсчиталъ мнѣ требуемое количество. Отправивши подводы съ бывшими при мнѣ людьми, пошелъ я къ нему на квартиру росписаться въ полученіи тридцати четвертей овса. Разбирая мою подпись, господинъ, отпустившій овесъ, тутъ же прочиталъ и ассигновку Канкрина, написанную весьма нечотко; въ ней значилось: «Отпустить три четверти. Канкринъ». Это должно быть онъ написалъ, чтобы только отдѣлаться отъ меня; я и самъ второпяхъ не разобралъ ассигновки. «Какъ же это такъ?..» началъ говорить дворянинъ. Я его увѣрилъ, что это видно Канкринъ написалъ по ошибкѣ; а такъ какъ овесъ былъ уже отправленъ и вернуть его, конечно, мнѣ не хотѣлось, то недоразумѣніе тѣмъ и кончилось. Хотя это дѣло и не совсѣмъ было чисто, но такія продѣлки были тогда въ ходу и считались какимъ-то удальствомъ. Въ ротѣ я былъ младшимъ офицеромъ и считался ротнымъ квартирмейстеромъ; слѣдовательно съ самаго начала компаніи до Бородинскаго сраженія, гдѣ я былъ раненъ, на мнѣ лежала обязанность добывать продовольствіе и приемка его изъ магазиновъ и другихъ запасовъ, а потому къ этимъ дѣламъ я уже порядочно попривыкъ. Кромѣ тридцати четвертей овса, мы получили еще и по общей ассигновкѣ изъ корпусной квартиры три четверти количества, которое было назначено на легкія роты. Получили также нѣсколько четвертей сухарей и крупъ, по два вола и по нѣсколько ведеръ воды.

Пришли мы въ Царево-Займище и тутъ прибылъ въ армію фельдмаршалъ Кутузовъ. Приѣзду его всѣ чрезвычайно обрадовались, такъ что доходило до энтузіазма. Рассказывали послѣднія его дѣйствія въ Молдавіи, какъ онъ уморилъ голодомъ турокъ; припоминали разные случаи его жизни, его чудесныя раны, подвиги при Суворовѣ и другіе до французской войны; жалѣли о немилости къ нему Государя послѣ

Аустерлицкаго дѣла, неудачу котораго приписывали австрійцамъ и ставили ему въ похвалу, что онъ былъ мастеръ ухаживать за дамами. Простые солдаты вскорѣ начали говорить:—«Не успѣлъ прѣхать старикъ Кутузовъ, какъ ужъ пошли другіе распорядки.»—При отступленіи отъ Смоленска аріергардъ нашъ имѣлъ четыре дѣла съ французскимъ авангардомъ, но не слишкомъ сильно удерживалъ его, такъ-что армія, отступая, принуждена была идти безъ разбора и днемъ, и ночью. Фельдмаршалъ усилилъ аріергардъ, который каждый день по возможности удерживалъ французовъ, и армія регулярно по утру подымалась, днемъ имѣла привалъ а вечеромъ въ свое время останавливалась на ночлегъ, что продолжалось до самаго Бородина; солдаты это замѣтили, называли другими порядками и были очень довольны.

Съ прибытіемъ Кутузова все какъ-будто встрепенулось; начали говорить, что Кутузова нарочно прислали, чтобъ онъ далъ генеральное сраженіе, на что Барклай-де-Толли не могъ осмѣлиться, и что Кутузовъ ищетъ только выгодной позиціи. Было извѣстно, что французская армія превосходитъ нашу числомъ, что Наполеонъ могучій воинъ, генералы у него опытные, войска храбры, а главное—отъ непрерывныхъ побѣдъ въ Европѣ и отъ нашего отступленія—увѣрены въ успѣхѣ. Мы, идя впереди, конечно могли легче доставать продовольствіе, къ тому же имѣли запасы въ Дриссѣ и Смоленскѣ и въ небольшомъ количествѣ подвозили по дорогѣ; но и французы не нуждались. Для продовольствія лошадей въ то время, въ іюлѣ и августѣ, вездѣ было довольно сѣна, хлѣбныхъ и овсяныхъ немолоченныхъ сноповъ, что для лошадей составляло хорошій кормъ; жители не могли угнать всего скота изъ деревень, мы не могли забрать съ собою всѣхъ остатковъ даже изъ тѣхъ деревень и селеній, которыя были расположены по большой дорогѣ, а тѣмъ болѣе въ сторонѣ отъ дороги версты за три

или четыре, а потому и для французовъ было довольно говядины; сухари и хлѣбъ имъ тоже подвозили. Что французы въ то время не могли нуждаться въ продовольствіи, это можно заключить изъ того, что, проходя въ октябрѣ и ноябрѣ тѣми же мѣстами, гдѣ они хозяйничали въ продолженіи цѣлаго лѣта, мы не нуждались ни въ чѣмъ и даже около Смоленска и Краснаго была возможность простоять нѣсколько дней. Къ тому же не только французскіе офицеры, но и солдаты имѣли деньги, чего у насъ не водилось, а съ деньгами, несмотря ни на какія обстоятельства, все-таки можно всегда чего-нибудь достать. Можетъ-быть мы и имѣли предъ французами преимущество въ продовольствіи, но относительно обмундировки въ сравненіи съ ними мы были оборванцы.

Французы ломились на насъ бодро и смѣло. Всѣ мы знали, что сраженіе будетъ страшное, но не унывали. Голова моя была наполнена воспоминаніями изъ военныхъ книгъ, особенно «Троянская брань» не давала мнѣ покоя; мнѣ очень хотѣлось побывать въ большомъ сраженіи, испытать, что тамъ можно чувствовать, и послѣ рассказывать, что и я былъ въ такой-то битвѣ. Смоленское сраженіе меня не удовлетворило; молодые годы и воображеніе требовали по больше простору и дѣйствія.

ГЛАВА VI.

Бородинское сраженіе.

Августа 22 числа, перешедши селеніе Бородино, наша рота со всей бригадой расположилась на правой сторонѣ избранной позиціи, подлѣ роши, не далеко отъ рѣчки Калочи. Пришли мы послѣ полудня и слѣдующій день простояли тамъ же. Слышны были пушечные выстрѣлы гдѣ-то въ аріергардѣ, но такъ какъ они слышались почти каждый день, то мы и не

обращали на нихъ вниманія. Отъ нечего дѣлать, мы, офицеры, сначала гуляли въ рошѣ, потомъ направились къ рѣкѣ Калочи, увидѣли за ней большой господскій деревянный домъ и рѣшились изъ любопытства побывать въ немъ. Тамъ уже хозяйничали солдаты. Вошедши чрезъ садовое крыльцо въ залу, увидѣли мы два разбитыхъ зеркала, одно — на полу, другое — на стѣнѣ; стулья и столы были разбросаны по комнатѣ и большею частію поломаны; диваны и кресла ободраны; одинъ солдатъ колотилъ палкою хрустальную люстру и забавлялся, глядя какъ летѣли осколки. — «Зачѣмъ ты это дѣлаешь?» спросили мы. — «Да такъ, ваше благородіе, чтобъ не доставалось французу.» Во всѣхъ другихъ комнатахъ было такое же разрушеніе. Добрались мы до комнаты, гдѣ помещалась библіотека. Часть книгъ была на полкахъ, а большая часть разбросана по полу. Мы соблазнились книгами: все равно, пропадать же имъ, думали мы, и принялись перебирать и собирать ихъ. Тутъ кстати случился нашъ деньщикъ съ мѣшкомъ и мы нагрузили его книгами. Возвращаясь на бивуакъ, мы встрѣтили какого-то генерала. — «Что это у васъ такое?» спросилъ онъ. Мы сказали, что набрали книгъ въ оставленномъ господскомъ домѣ. — «Напрасно господа!.. Худой примѣръ — брать чужое. Лучше отошлите назадъ.» — Такимъ образомъ мы и остались съ носомъ. Все что относилось до продовольствія людей и лошадей — позволялось брать, но строго было запрещено брать что-либо изъ вещей.

Поутру въ субботу, 24 числа, заняли мы настоящую позицію, противъ селенія Бородина, между деревней Горками съ правой стороны и люнетомъ или батареей на возвышеніи съ лѣвой; батарея эта занята было корпусомъ генерала Раевского. Вскорѣ загорѣлся домъ, гдѣ мы брали книги. Говорили, что зажгли его нарочно, чтобы не засѣли тамъ французы.

Съ самаго прибытія къ арміи фельдмаршала Кутузова, рас-

пространился слухъ, что будетъ генеральное сраженіе. Теперъ не было никакого сомнѣнія, что настала рѣшительная минута, чего съ нетерпѣніемъ ожидали и желали всѣ, отъ генерала до солдата, тѣмъ болѣе, что безпрестанное отступленіе наскучило до крайности. Всѣ въ одинъ голосъ роптали: «Когда-бы насъ разбили—другое дѣло, а то даромъ отдають Россію и насъ только мучать походами.»—Таковъ былъ общій голосъ.

Собственно наша позиція была слѣдующая: селеніе Бородино находилось впереди насъ, совершенно въ виду; по правую сторону его, за рѣчкой Калочи, покатая возвышенность была видна на большое разстояніе; влѣво было видно почти такъ же далеко, какъ и вправо; открывалась и часть большой дороги за Бородиномъ; къ самымъ Горкамъ примыкали полки 7-й дивизіи: Псковскій и Московскій, при нихъ легкая артиллерійская рота № 13-й, потомъ полки Либавскій и Софійскій и при нихъ наша № 12 рота; егерскіе полки были расположены гдѣ-то особо; батарейная рота нашей бригады занимала батарею у Горокъ и также другую, по дорогѣ къ Бородину; далѣе къ лѣвету примыкала 24-я дивизія съ своей артиллеріей. По правую сторону нашей позиціи, за деревней Горками, видны были наши войска. Какъ расположено было лѣвое крыло нашей арміи—намъ, за возвышеніемъ, гдѣ былъ люнетъ, не было видно.

Приготовлялись къ сраженію, но приготовленій у насъ только и было, что ослабили заряды въ ящикахъ, отправили назадъ запасные лафеты, дроги и очистили орудія. По обыкновенію, лафеты у насъ были нагружены чѣмъ попало: мѣшками съ овсомъ, сухарями, торбами, скребницами и сѣномъ. Особенно дорожили мы овсомъ, давая его лошадямъ только въ экстренныхъ случаяхъ. Такъ какъ намъ нечего было дѣлать, то артиллеристы и пѣхотные офицеры собирались въ кружки и толковали о предстоящемъ дѣлѣ. Всѣ предпола-

гали, что будетъ славное дѣло. Наполеонъ и его солдаты— не шутка! Ну, да какая надобность! какъ-будто мы и не видали ихъ?... Постоимъ и мы за себя... Бой подъ Витебскомъ, бой подъ Смоленскомъ, гдѣ мы сражались цѣлый день, слухи о Валутинскомъ дѣлѣ невольно наводили на мысль: немного-же взяли тамъ французы, хотя всегда были въ большинствѣ противу насъ числѣ; да и старикъ Кутузовъ, если бы не былъ увѣренъ въ успѣхѣ, то не далъ бы сраженія.—Но, выхваляя одного, грѣшили мы противъ благороднаго Барк-лая-де-Толли. Тогда дѣла были темны, послѣ все разъяснилось и онъ получилъ отъ потомства воздаяніе за свои заслуги. Съ самаго пріѣзда Кутузова какъ будто все переродилось: водворилась какая-то надежда и увѣренность. При томъ мы сроднились съ мыслью о смерти, мало кто думалъ изъ этой войны выйти цѣлымъ: не сегодня, такъ завтра убьютъ или ранятъ. Въ подобныхъ толкахъ проходило время.

Въ полдень послышались пушечные выстрѣлы, рѣдко слѣдовавшіе одинъ за другимъ, и за Бородиномъ, по большой дорогѣ, показалась наша кавалерія. Она шла на рысяхъ. «Ну, говорили, видно порядочно прижали сердечныхъ дружковъ!» И мы съ минуты на минуту ожидали увидѣть французовъ. Но французовъ мы не видали, а слышали только чаще и чаще повторявшіеся выстрѣлы, которые объяснились потомъ тѣмъ, что французы напали на Шевардинскій редутъ. Подѣхалъ къ нашему корпусу фельдмаршалъ и сѣлъ на складное кресло спиной къ непріятелю между 7-й и 24-й дивизіей. До этого времени я не видалъ Кутузова, а тутъ все мы насмотрѣлись на него въволю, хотя слишкомъ близко и не смѣли подойти къ нему. Склонивши голову, сидѣлъ онъ въ шюртукѣ безъ эполетъ, въ фуражкѣ и съ казачьей нагайкой чрезъ плечо. Генералы и штабъ-офицеры изъ его свиты стояли по сторонамъ, ординарцы, вѣстовые и нѣсколько спѣшившихся казаковъ расположились позади. Нѣкото-

рые изъ его молодыхъ адъютантовъ и ординарцевъ тутъ же усѣлись въ кружокъ, достали карты и играли въ штоссъ, а мы смотрѣли и смѣялись.

Пальба безпрестанно усиливалась. Фельдмаршалъ все сидѣлъ въ одномъ положеніи; часто подѣзжали къ нему офицеры; онъ, казалось, что-то коротко говорилъ, былъ серьезень, но лицо имѣлъ покойное. Изъ престарѣлаго вождя какъ будто исходила какая-то сила, воодушевлявшая смотрявшихъ на него. Полагаю, что это обстоятельство отчасти входило въ число причинъ, почему армія наша, меньшая числомъ, потерявшая увѣренность въ успѣхѣ при безпрестанномъ отступленіи, могла со славою выдержать битву съ непобѣдимымъ до того времени неприятелемъ. Какія думы должны были занимать фельдмаршала?... Сразиться вблизи Москвы съ великимъ полководцемъ, не зная послѣдствій рѣшительнаго боя!... Говорятъ, когда усилилась пальба, Кутузовъ отрывисто сказалъ: «не горячись, пріятель!»

Ночь настала холодноватая, небо то покрывалось облаками, то очищалось. Поужинавши у запаснаго лафета, обыкновеннаго нашего пріюта, гдѣ хранились и припасы, мы полѣзли въ свой бивуакъ или шалашъ. Иначе нельзя назвать жилище, гдѣ мы, шесть офицеровъ, могли только лечь на солому, другъ подлѣ друга; мы могли тамъ и сидѣть, но встать на ноги и выпрямиться было невозможно: такимъ невысокимъ было сдѣлано наше жилье; одинъ лишь ротный командиръ помѣщался особо. Полагали, что завтрашній день будетъ рѣшеніе кровавой задачи и, разумѣется, объ этомъ только и толковали. «Не можетъ быть, говорили, чтобъ изъ такого дѣла всѣ мы вышли живы и невредимы? Кому-нибудь изъ насъ да надо же быть убитымъ или раненымъ.» Нѣкоторые возражали: «Не можетъ быть, чтобы меня убили, потому что я не хочу быть убитымъ....» Другой замѣчалъ: «меня только ранять...» Одинъ молодой, красивый подпоручикъ ска-

заль, указывая въ открытую лазейку бивуака: «Смотрите, видите ли вы тамъ, на небѣ, большую звѣзду? Когда меня убьютъ, я желалъ бы, чтобы душа моя переселилась туда.» Этотъ офицеръ дѣйствительно былъ убитъ, но тамъ ли его душа?... Однакожь по настоящее время, какъ только взгляну на крайнюю звѣзду Большой Медвѣдицы, я вспоминаю о своемъ юномъ сослуживцѣ. Я доказывалъ, что въ сраженіи обыкновенно изъ десяти убиваютъ одного, а ранятъ двоихъ; слѣдовательно, изъ насъ шестерыхъ долженъ быть убитымъ одинъ или ни одного, а раненъ будетъ кто-нибудь непременно. «И неужели я именно тотъ десятый, который долженъ быть убитымъ?» говорили иные. Всѣ мы были люди молодые, я-же моложе всѣхъ. Одинъ только штабсъ-капитанъ былъ старше насъ. Этотъ добрый, благородный человѣкъ служилъ въ прусской и турецкой кампаніяхъ и только въ двѣнадцатомъ году былъ переведенъ къ намъ въ роту. Онъ сказалъ: «Полно вамъ разсуждать... молитесь Богу, да спите, а тамъ Его святая воля.» И мы, хотя были и не безъ грѣшковъ, однакожь славно заснули, какъ говорится, сномъ праведниковъ.

25-го числа, рано утромъ, слышно было нѣсколько выстрѣловъ на лѣвомъ флангѣ, но весь день прошелъ покойно, по крайней мѣрѣ для насъ. Послѣ обѣда мнѣ пришлось ѣхать на фуражировку; для людей же нашихъ сухарей и говядины было довольно. Въ это время носили по бивуакамъ икону Смоленской Божіей Матери. Въ продолженіи трехъ или четырехъ дней нашей стоянки подъ Бородиномъ, фуражъ былъ подобранъ по ближайшимъ деревнямъ и мнѣ нужно было ѣхать, кажется, верстъ за десять. По дорогѣ, искавши фуража, заходилъ я въ нѣкоторые помѣщичьи дома. Всѣ они были пусты и опустошены подъ всеобщимъ предлогомъ—не доставайся французамъ. Возвратился я изъ фуражировки около полуночи, засталъ всѣхъ спящими, закусилъ на скорую руку, тоже залегъ спать и спалъ богатырскимъ

сномъ. Никогда, кажется, не спалъ я такъ пріятно и никогда не былъ такъ здоровъ, какъ въ двѣнадцатомъ году. Сухари, крупа, говядина и рѣдка были нашею ежедневною пищею отъ самаго Смоленска, а эта пища самая здоровая и необременительная; прочихъ роскошей мы не знали; чай пили очень рѣдко. Рѣдко имѣли свѣжій ржаной хлѣбъ, а бѣлый и того рѣже. Но безъ табаку не могли обойтись. Курили табакъ самый простой, малороссійскій, и за тотъ съ радостью платили маркитантамъ по восьмидесяти копѣекъ ассигнаціями, что по тогдашнему жалованью много для насъ значило. Молодость, безпрестанное движеніе на свѣжемъ воздухѣ, веселое общество, душевное спокойствіе, какая-то особенная снисходительность высшаго начальства къ намъ, молодымъ офицерамъ, что переходило и на низшихъ начальниковъ—все это располагало насъ къ пріятному настроенію. Въ нашемъ корпусѣ всѣ, отъ начальника дивизіи генерала Капцевича и начальника артиллеріи генерала Костенецкаго, до корпуснаго командира генерала Дохтурова,—были люди благородные и добрѣйшіе. Кто бы могъ сказать, хотя про Дохтурова, что онъ съ кроткой, спокойной, доброй фізіономіей не соединялъ душу героя? Рѣдкій день намъ не случалось его видѣть и во все время только одинъ разъ видѣли его встревоженнымъ, впрочемъ, отъ совершенно пустаго случая, и одинъ разъ сердитымъ. При отступленіи отъ Мало-Ярославца къ полотнянымъ заводамъ, онъ всю ночь ѣздилъ по корпусу и кричалъ. Тутъ досталось и на мою долю. Если, бывало, начальники иногда и взыскивали, то всегда съ какой-то отеческой добротой. Разъ вотъ что случилось. При отступленіи отъ Смоленска, не помню на какомъ переходѣ, былъ чрезвычайно жаркій день и пыль страшная; нельзя было смотрѣть безъ жалости на солдатъ и офицеровъ,—такъ лица ихъ были обезображены потомъ и пылью. Далекое уже за полдень приказано было арміи остановиться для отдыха, гдѣ

кто шель. Пѣхота составила ружья, а мы свернули съ доро- ги и остановились, не отпрягая лошадей, около небольшой роши. Впереди была рѣчка и на ней мостикъ. Человѣкъ пять изъ насъ сбросили шпаги и что было лишняго на лафеты и побѣжали къ рѣчкѣ купаться. Бѣжали кто кого перегонить. Я подтолкнулъ кого-то и чуть не сшибъ его съ ногъ, а одинъ офицеръ, считавшійся между нами порядочнымъ шалуномъ, вскочилъ на плечи другому офицеру. Въ это время случайно взглянули мы направо и увидали, что въ кустахъ сидятъ и смотрятъ на насъ: нашъ дивизионный генераль Капцевичъ, дивизионный 24-й дивизию, старикъ Лихачевъ, и другіе гене- ралы съ порядочною свитою адъютантовъ. Разумѣется, мы сконфузились, сняли фуражки и ждали выговора. Лихачевъ, посмотрѣвъ на насъ, ласково спросилъ: «Что, господа, вѣр- но купаться?»—«Точно такъ, ваше превосходительство.» Пре- старѣлый генераль взволнованнымъ голосомъ сказалъ: «Съ Богомъ, съ Богомъ, господа!» а у самого слезы показались на глазахъ. Вѣроятно, онъ подумалъ о счастливой молодости, которая, не смотря ни на что, не унываетъ. Да, бывало промокнешь, прозябнешь, недоѣшь и недоспишь, но все было ничемъ. До настоящаго времени я съ наслажденіемъ вспоминаю о двѣнадцатомъ годѣ, какъ о времени счастли- вомъ. Мало беспокоились о томъ, что не сегодня, такъ завтра убьютъ или ранятъ, хотя этого и каждый день ожидали.

На разсвѣтъ 26 числа, въ понедѣльникъ, на лѣвой сторонѣ отъ насъ, грянулъ пушечный выстрѣлъ.—«Ого! начинаютъ!»—отозвался кто-то изъ офицеровъ.—«Не пора-ли подыматься?»—«Нѣтъ, рано еще, сказалъ штабсъ-капитанъ, —до насъ еще дѣло не такъ скоро дойдетъ, можно и полежать.» Это замѣчаніе, слышанное мною сквозь сонъ, было для меня очень пріятно, потому что я поздно возвратился изъ фуражировки и теперь мнѣ страхъ какъ хотѣлось спать. Выстрѣлы начали усиливаться и приближаться. Фельдфебель подошелъ къ бивуаку и

объявилъ, что приказано запрягать лошадей и строиться. Тогда штабсъ-капитанъ сказалъ:—«Ну и запрягайте!»— а самъ все лежалъ. Подошелъ къ намъ нашъ дядька, т. е. слуга штабсъ-капитана. «Вставайте-ка,—сказалъ нашъ хлѣбодаръ,— вишь, долежались, что ужъ ядра падаютъ на батарею.»—«Хорошо, встанемъ, а ты смотри, чтобы было намъ чего поѣсть...» сказали офицеры.—«Да это уже не ваша печаль. И безъ васъ знаемъ свое дѣло.» Одѣвшись, выползли мы изъ кучки и принялись за оставшуюся отъ ужина холодную говядину и всегдашнюю рѣдкку. Водки мы почти не пили, но послѣ, когда настала осень и холода, то научились пить и водку.

Пальба усиливалась, особенно на лѣвомъ флангѣ и люнетѣ. Собственно, противъ нашей позиціи стрѣляла непріятельская батарея, стоявшая лѣвѣе Бородина, но такъ—какъ она была еще довольно далеко, то ядра и гранаты долетали до насъ большею частію рикошетомъ.

За нѣсколько дней до прихода къ Бородину дали въ нашу роту человекъ двадцать или тридцать изъ ополченья, въ замѣнъ выбывшихъ изъ строя солдатъ въ сраженіи подъ Смоленскомъ и заболѣвшихъ въ походѣ. Ихъ помѣстили большею частію въ обозъ, къ фурамъ, а фурлейтовъ изъ обоза взяли вмѣсто ѣздовыхъ. Изъ этихъ ополченцевъ офицеръ взялъ къ себѣ одного вмѣсто деньщика. Это былъ старичокъ, который служилъ въ Москвѣ какой-то старой барышнѣ, подавалъ ей самоваръ и варилъ кофе.—«Ну, что-жь, ты бы намъ подаль кофе!» сказали офицеры. Барышнѣ варилъ, а намъ и не хочешь».—Вмѣсто отвѣта старый ополченецъ заплакалъ.—«Чего-же ты плачешь?...»—спрашивали его. «Какъ же мнѣ не плакать, мои батюшки? Какъ посмотрю я на васъ: какіе вы молоденькіе, какіе вы пригоженькіе, да ведутъ-то васъ на убой, мои родные...»—«Отчего же непре-

мѣнно на убой?» — спрашивали мы. — «Да какъ же, мои батюшки, вѣдь тамъ до смерти бьютъ....» заключилъ онъ.

Поѣвши и закуривъ трубки, мы вышли. Орудія были сняты съ передковъ. Впереди сошлись мы съ офицерами своихъ полковъ, стоявшихъ направо и налево въ баталіонныхъ колоннахъ. Разсматривали, на сколько было возможно, позиціи, разговаривали, шутили и смѣялись. Когда пролетало ядро надъ головами, говорили: «прощай, кланяйся нашимъ, что стоятъ назади....» другой, бывало, скажетъ: «до пріятнаго свиданья,» и фуражку подниметь. Когда ядро летѣло рикошетомъ или катилось, обезсиленное, по землѣ, то кричали, чтобъ сторонились и береглись. Одинъ изъ нашихъ канонировъ посторонился къ лафету, да неловко, такъ что ядро, по видимому обезсиленное, съ рикошета попало ему въ бокъ. Онъ всталъ безъ посторонней помощи, но вдругъ скорчился; его повели назадъ, но онъ не дошелъ и до перевязочнаго пункта — умеръ. Такую еще силу имѣеть ядро даже на землѣ. Бывали случаи, когда пролетитъ близко ядро, то кто-нибудь кивнетъ головою или пожметъ; тогда насмѣшкамъ не было конца. А признаться, чувство страха невольно побуждало склонить голову или нагнуться, но стыдъ всегда удерживалъ. Деньщики пока бродили сзади батарей. Одинъ изъ нихъ, молодой паренъ изъ рекрутъ, такъ кивнулъ головой, что у него и киверъ офицерскій свалился съ головы. Мы всегда ходили въ фуражкахъ, а кивера наши подъ чахлами носили деньщики; это дѣлалось для того, чтобъ они не мялись.

О нашемъ ротномъ командирѣ, подполковникѣ, много говорить не стану. Человѣкъ онъ былъ, что называется, тяжелый. Онъ ходилъ по батарѣ одинъ взадъ и впередъ, заложивши за спину руки. Подполковникъ былъ порядочный эгоистъ, думалъ только о себѣ, а до офицера, будь онъ голдепъ или холодепъ, — ему и надобности нѣтъ... Рота, правда, была у него исправна и хорошо обучена.

Между-тѣмъ пушечная пальба усиливалась. Вдругъ въ Бородинѣ началась ружейная трескотня, такъ-что дымъ отъ выстрѣловъ началъ покрывать селеніе. Вскорѣ поднялась суматоха на выходѣ изъ Бородина, около моста, хотя это было въ виду у насъ и довольно близко, такъ что около насъ просвистывали ружейныя пули, однако за дымомъ, пылью и отчасти туманомъ трудно было разсмотрѣть, что тамъ дѣлается. Стояло насъ въ кучкѣ до десяти офицеровъ и артиллерійскихъ, и пѣхотныхъ. Одинъ изъ пѣхотныхъ офицеровъ опустился на колѣни и свалился на землю безъ крика и вздрагиванья, даже въ лицѣ не замѣтили перемѣны. Мы заключили, что въ него попала пуля. Послѣ довольно продолжительнаго осмотра замѣтили на вискѣ, подъ волосами, небольшое кровавое пятно. Пуля пробила ему високъ и зашла въ мозгъ. Офицеры взглянули одинъ на другаго и почти въ одинъ голосъ сказали: «вотъ славная смерть»; потомъ, такъ какъ люди были еще свободны, приказали отнести убитаго.

Скоро узнали, что непріятель вытѣснилъ изъ Бородина расположенный тамъ егерскій гвардейскій полкъ; что егеря 24-й дивизіи ударили на непріятеля въ штыки, прогнали его за рѣчку и разломали мостъ. Мнѣ, артиллеристу, показалось, что гвардейцы слишкомъ скоро оставили Бородино, но пѣхотные офицеры судили о нихъ строже; егерей-же 24-й дивизіи расхвалили. Всякое дѣйствіе и атака тутъ же получали оцѣнку; даже удачный артиллерійскій выстрѣлъ не оставался безъ замѣчанія. Не знаю, на сколько была справедлива оцѣнка, но долженъ замѣтить, что между арміею и гвардіею было мало ладовъ. Гвардію, какъ отборное войско, разумѣется, больше берегли и доставляли ей больше удобствъ, но это-то и порождало зависть и недоброжелательство.

Послѣ занятія Бородина непріятель ближе подвинулъ свои батареи и сталъ стрѣлять ядрами и гранатами. Впереди шла сильная ружейная перепалка и пули во множествѣ летали

къ намъ. Мимо насъ проходила къ Бородину толпа ратниковъ съ носилками подбирать раненыхъ. Когда пролетали ядра, ратники мотали головами направо и налево, клялись, крестились, а нѣкоторые становились на колѣни. Это была большая потѣха для солдатъ и какиж тутъ не было остротъ... — «Блажайся ниже, борода!.. Сними шапку!.. Крестись большимъ крестомъ!.. Бей поклоны, дуракъ!»—и тому подобное.

Подумаешь, одинъ и тотъ же русскій народъ мужикъ и солдатъ, а какая между ними разница. Одинъ не скрываетъ внутренняго инстинкта самохраненія, а другой удерживается и стыдится показать свою слабость. Правда, что тогда были и солдаты обстрѣленные; многимъ было за двадцать лѣтъ на службѣ. Нѣкоторые знали Суворова, были въ Аустерлицкомъ сраженіи, Прусской и Финляндской кампаніяхъ. Такимъ солдатамъ кланяться предъ ядромъ не приходилось: не въ первый разъ встрѣчались съ ними.

Вскорѣ загремѣла сильная канонада на люнетѣ. Нашей ротѣ велѣно было взять шесть орудій на передки и идти къ Бородину. Спустившись съ возвышенности, мы повернули влево и, надъ довольно крутымъ, хотя и небольшимъ оврагомъ, выстроились правымъ крыломъ къ Бородину, а лѣвымъ къ сторонѣ люнета, снялись съ передковъ и приготовились. Вскорѣ показались огромныя непріятельскія колонны; онѣ шли прямо и стройно со стороны Бородина на люнетъ. Солнце ярко свѣтило и блескъ отъ ружейныхъ стволовъ прямо отражался намъ въ глаза. Хотя батарея непріятельская, со стороны Бородина, порядочно осыпала насъ ядрами, но мы на это не смотрѣли; все наше вниманіе обращено было на колонны, по которымъ тотчасъ-же началась жесточайшая пальба. Стрѣляли мы, стрѣляли батареи лѣвѣе насъ, стрѣляли изъ люнета и изъ-за люнета. Ружейныхъ выстрѣловъ не было уже слышно, ихъ заглушала канонада. Непріятельскія колонны шли безъ выстрѣла. Кажется, одни только

Наполеоновскіе войска и могли наступать такимъ образомъ. За то сколько ихъ и легло на этомъ пути! Помѣръ приближенія къ люнету въ колоннахъ начало темнѣть и потомъ все скрылось въ дыму и пыли, такъ—что пострѣлявъ еще въ колонны почти уже на угадъ, мы поворотили свои орудія противъ непріятельскихъ. Какъ отступали французы отъ люнета—мы не видали, но конечно не такъ уже стройно, какъ наступали. Вскорѣ стало извѣстно, что непріятель былъ на люнетѣ, что его оттуда прогнали и даже прошелъ слухъ, что захватили Мюрата или какого-то генерала. Это былъ моментъ, когда нѣсколько нашихъ генераловъ бросились отбивать люнетъ. Съ ними бросился и нашъ начальникъ артиллеріи, незабвенный графъ Кутайсовъ, молодой, прекрасный, благородный. Онъ палъ въ общей свалкѣ. Мы очень объ немъ жалѣли, потому что всѣ его любили и онъ любилъ насъ не менѣе. Онъ, обыкновенно, говаривалъ: «Всѣмъ я доволенъ своими артиллеристами, одна бѣда: какъ только ночной походъ, ни одного офицера не видно—всѣ спятъ и гнѣзда свили себѣ на орудіяхъ.» Отчасти это была правда. Изъ нашей роты нѣсколько людей и лошадей были убиты и ранены, самыя же орудія, ротный командиръ, штабсъ-капитанъ, поручикъ и я остались невредимыми.

Вскорѣ мы замѣтили, что противъ нашего люнета и отъ него, по направленію къ Бородину, въ огромномъ количествѣ подъѣзжаетъ, строится и начинаетъ стрѣлять непріятельская артиллерія. Подскакавшій къ намъ свитскій офицеръ нашей дивизіи сказалъ, что намъ приказано идти къ люнету и довести насъ туда. Хотя мы стояли и близко отъ него, но за овражкомъ намъ нельзя было проѣхать прямо, а потому, взявъ на передки наши шесть орудій, взѣхали обратно на возвышеніе, гдѣ стояли вначалѣ, и оттуда повернули вправо къ люнету. Не доѣзжая его, переѣхали мы чрезъ небольшую впадину и построились у самага люнета, примкнувъ

лѣвымъ флангомъ къ правой сторонѣ его, а правымъ—къ впадинѣ. Во впадинѣ, позади люнета, на самомъ люнетѣ и впереди его, лежали наши и непріятельскіе трупы, перемѣшавшись, и въ такомъ количествѣ, что не было возможности ихъ объѣхать. Мы ѣхали прямо, тѣмъ болѣе, что торопились. Особенно много было тѣлъ во впадинѣ и во рву люнета; тутъ же валялись ружья, тесаки, кивера, и по всему было видно, что здѣсь происходила порядочная рукопашная схватка. На самомъ люнетѣ орудій не было.

Занявъ назначенную позицію, мы сняли съ передковъ зарядные ящики, поставили ихъ немного подъ прикрытіемъ праваго крыла люнета и приготовились дѣйствовать. Противъ насъ стояла линія непріятельскихъ орудій; вправо они протягивались къ Бородину и былъ виденъ конецъ ихъ, влѣво же конца имъ не было видно за люнетомъ. Орудія ихъ были уже въ полномъ дѣйстви. Французы насъ, кажется, сначала не замѣтили и дали намъ, хотя и не совсѣмъ, но довольно спокойно выстроиться и приготовиться. Погода стояла чистая и ясная, съ небольшимъ вѣтромъ, такъ что дымъ отъ выстрѣловъ совершенно разносило. Не могу опредѣлить, на какомъ именно разстояніи были мы отъ непріятельскихъ орудій, но мы могли наблюдать всѣ ихъ движенія; видѣли, какъ заряжали, какъ наводили орудія, какъ подносили пальники къ затравкамъ. Вправо отъ насъ, на возвышеніи, стояла наша артиллерія и дѣйствовала; внизу, надъ оврагомъ, гдѣ мы прежде стояли, была тоже наша артиллерія, въ числѣ которой находились другія шесть орудій нашей роты; съ лѣвой стороны отъ насъ тоже гремѣла артиллерія, но намъ за люнетомъ ее не было видно. Вообще, что дѣлалось на нашемъ лѣвомъ флангѣ—мы ничего не видали. Слышался оттуда только гулъ отъ выстрѣловъ до того сильный, что ни ружейныхъ выстрѣловъ, ни криковъ сражавшихся, ни стоновъ раненыхъ не было слышно. Команду

также нельзя было слышать и чтобъ приказать что-нибудь у орудій, нужно было кричать; все сливалось въ одинъ гулъ. Пока мы готовились, у насъ убили одного человѣка, выбили косякъ у колеса и оторвало ногу у лошади, съ которой успѣли, однако, снять хомутъ и привязать ея къ передку. Послѣ было уже не до хомутовъ.... Какъ только мы открыли огонь, на насъ посыпались непріятельскія ядра и гранаты; они уже не визжали протяжно, а только и слышно было надъ головой, направо и налево, вж... вж... вж.... Къ счастью, позиція наша была такого рода, что впереди насъ тянулась легкая возвышенность, такъ что линія направленія нашихъ орудій только проходила чрезъ нее и непріятельскіе снаряды больше били въ возвышенность и съ рикошета перелетали чрезъ насъ, гранаты же разрывало далеко назадъ. Еслибы не это обстоятельство, насъ уничтожили бы, кажется, въ полчаса времени. Положеніе нашихъ батарей съ правой стороны, за впадиной на возвышеніи, было еще ужаснѣе. Артиллерійская батарейная рота, стоявшая тамъ во время нашего пріѣзда, скоро поднялась назадъ. На мѣсто ея построилась другая. Покуда она снималась съ передковъ и выстроилась, сотни ядеръ полетѣли туда. Людей и лошадей стало, въ буквальномъ смыслѣ, коверкать, а отъ лафетовъ и ящиковъ летѣла щепа. Въ то время, когда разбивались орудія и ящики, никакого треска слышно не было, — ихъ какъ будто какая-то невидимая рука разбивала. Сдѣлавъ изъ орудій выстрѣловъ по пяти, рота эта снялась; подъѣхала на ея мѣсто другая — и опять та же исторія. Смыслились въ короткое время роты три. И въ нашей ротѣ, несмотря на ея выгодную позицію, много было убито людей и лошадей. Людей стало до того мало, что трудно было дѣйствовать у орудій. Фейерверкеры исправляли должность канонировъ и подносили снаряды. У одного орудія разбило ось и лафетную доску; орудіе упало и людьми отъ него пополнили не-

достатокъ при другихъ и тѣмъ немного поисправились. У насъ уже оставалось мало снарядовъ, но подѣхали другіе ящики, которые такъ же скоро были разстрѣяны; послали вновь за снарядами и, благодаря распорядительности артиллерійскаго начальства, ихъ привезли немедленно. Общее распоряженіе артиллеріей было, кажется, неудовлетворительно. Люнетъ, на которомъ было достаточно мѣста для 18 батареинныхъ орудій, гдѣ они имѣли бы довольно хорошее прикрытіе во все время, не былъ занятъ; впрочемъ, можетъ быть по причинѣ его разрушеннаго состоянія туда нельзя было поставить орудій, но въ этомъ нѣкогда было удостовѣриться. Но что могли сдѣлать роты, которыя ставили поодиночкѣ на холму, по правую сторону отъ насъ, противъ пятидесяти или даже ста орудій? Еслибы поставить вдругъ три или четыре роты и разомъ открыть огонь, то можно бы ожидать успѣха. Мѣста тамъ было достаточно для нихъ, да и артиллеріи въ резервѣ, говорятъ, было довольно. Вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ были подобныя артиллерійскія распоряженія. Не даромъ фельдмаршалъ жалѣлъ о смерти генерала Бутайсова. Въ непріятельской артиллеріи тоже замѣтно было сильное разстройство. Видно было, какъ и у нихъ орудія ворочались на бокъ и многія убирались назадъ.

Пѣхота, кажется, большею частію стояла сзади насъ; видна была только часть ея въ ложбинѣ, въ овражкѣ и въ прикрытіи нашемъ, за люнетомъ, да и дѣлать ей тутъ было нечего. Когда же встрѣчалась надобность въ пѣхотѣ, она какъ будто изъ земли выростала: гдѣ выстрѣлить, гдѣ въ штыки ударить. Кавалеріи намъ совсѣмъ не было видно, да нѣкогда было и разсматривать, гдѣ кто стоитъ. Особенно что дѣлалось на лѣвой сторонѣ—мы ничего не видали. Изъ генераловъ былъ у насъ на батареѣ нашъ Костенецкій. Онъ объѣзжалъ батареи; постоять, что-нибудь скажетъ или прикажетъ ротному командиру и дальше. У насъ онъ сказалъ сво-

имъ звучнымъ голосомъ:—«Смотрите, господа, зарядовъ даромъ не терять, не торопиться и каждый выстрѣлъ наводить.»—И надо сказать правду, это выполнялось въ точности. Говорятъ, на одной батарее у Костенецкаго убило лошадей. Онъ равнодушно выкарабкался изъ подъ нея, снялъ мундштукъ и сѣдло, которое положилъ себѣ на плечи. Когда командиръ роты предложилъ ему солдата, онъ сказалъ: «Не надо, солдатъ нуженъ вамъ; я и самъ донесу сѣдло.» Такимъ образомъ Костенецкій обходилъ батареи пѣшкомъ съ сѣдломъ на плечахъ. Такъ рассказывали; самъ я не видалъ этого, но отъ него можно было ждать подобной выходки. Генералъ Костенецкій былъ грознаго вида, сильный и храбрый, какъ левъ, но характеръ у него былъ очень добрый. Доброту его испыталъ почти каждый изъ насъ на себѣ. Случалось иногда, что онъ вспылитъ, но всегда кончалось ничѣмъ; всё это знали и мало отъ его вспышекъ тревожились. Мы прозвали его странствующимъ рыцаремъ. Гдѣ бы онъ ни послышалъ перестрѣлку, въ авангардѣ или арьергардѣ, непременно туда явится. За нимъ ѣздилъ человекъ съ хлѣбомъ и кускомъ холодной говядины; гдѣ вздумается ему, тамъ онъ остановится, поѣсть и выспится. Канонада, между тѣмъ, продолжалась съ обѣихъ сторонъ своимъ порядкомъ. Въ это время на правой сторонѣ Бородина, за рѣкой Калачи, показалась наша кавалерія въ порядочныхъ массахъ; она направилась прямо на Бородино. Я подошелъ къ штабсъ-капитану и говорю ему:—«Смотрите, вотъ наши идутъ на французовъ.»—«Да, точно, наши идутъ въ атаку», отвѣчалъ онъ; «посмотримъ, что-то будетъ.» Солнце свѣтило ярко; движенія нашей кавалеріи было совершенно у насъ въ виду. У неприятеля была замѣтна суматоха; французскіе солдаты, находившіеся впереди, на правой сторонѣ Бородина, бѣжали къ нему, а изъ него выходили въ полѣ и чрезъ нѣсколько времени образовалось нѣсколько каре; блескъ отъ ружей от-

ражался къ намъ. Кавалерія наша пошла скорѣй, потому быстро устремилась впередъ. Это такъ заняло меня, что я забылъ о своей батарее. Мгновенно пришла мнѣ мысль—всѣ каре выстрѣлять, кавалерія бросится и сомнетъ ихъ, а тамъ и намъ будетъ легче. Но на дѣлѣ вышло не такъ: кавалерія подскочила на ружейный выстрѣлъ и вдругъ поворотила и пустилась назадъ, такъ-что каре и не выстрѣлили.—«Видѣли?» сказалъ подошедшій нашъ штабсъ-капитанъ.—«Вотъ вамъ и атака!...»—При этомъ мы имъ прочитали порядочную нотацию. Впрочемъ, можетъ быть, мы и напрасно ихъ бранили. Могли ли мы знать настоящія причины такихъ дѣйствій. Мы могли судить только наглядно.

Вдругъ французская артиллерія страшно, усиленно загремѣла. Нашъ ротный командиръ велѣлъ зарядить и стрѣлять картечью. Намъ отвѣчали тѣмъ же. При первыхъ выстрѣлахъ ударило меня какъ будто палкой по лѣвой ногѣ; я присѣлъ и увидѣлъ порядочной величины картечь, но уже на излетѣ; она моей ноги не пробила, а только зашибла. Значить, мы были на близкомъ разстояніи отъ непріятеля, когда изъ орудій въ орудія могли стрѣлять картечью. Почти вслѣдъ за тѣмъ я упалъ подлѣ орудія безъ всякаго сознанія и боли тоже безъ всякаго сознанія очутился впереди зарядныхъ ящиковъ. Вторымъ ударомъ меня совершенно ошеломило. Когда я опомнился и сѣлъ, то почувствовалъ рѣзкую боль въ лѣвой сторонѣ лица; приложилъ я руку къ щекѣ и на рукѣ оказалась земля и кровь. Въ первое мгновеніе показалось, что мнѣ всю щеку сорвало. Очувствовавшись, я увидѣлъ, что меня обдало землей отъ рикошета съ ногъ до головы. На мундирѣ и панталонахъ земля налипла комками и кромѣ того землей разбило мнѣ носъ и губы до крови. Спустя нѣсколько минутъ, я почувствовалъ тупую боль въ лѣвой ногѣ у колѣна. За всѣмъ тѣмъ хотѣлъ было встать и идти опять къ орудіямъ, но не могъ подняться и упалъ отъ

боли въ ногѣ. Мнѣ послѣ говорили, что ядро упало впереди орудія, при которомъ я стоялъ, съ рикошета обдало меня землей, потомъ ударило снизу въ лафетную доску, разбило ее и осколкомъ дерева ударило меня по ногѣ; отъ удара я упалъ, потомъ вскочилъ, пробѣжалъ къ ящикамъ и опять упалъ. Какъ это все случилось—самъ я рѣшительно ничего не могъ припомнить. Тотчасъ-же за мной картечь ударила подполковника и его увезли. Послѣ узнали, что ему картечь ударила въ лѣвую челюсть, разбила ее и, пройдя около горла на правую сторону, остановилась въ шеѣ за кожей, откуда ее легко вынули. Рана была тяжелая, однако не смертельная. Подполковникъ пріѣхалъ уже на другой годъ, послѣ Свѣтлаго Праздника, въ роту около Вильно, гдѣ мы остановились формироваться; рана его больше года не зажи-вала.— Я былъ въ недоумѣніи, что мнѣ дѣлать? Идти на-задъ—не могу; чтобъ отвести меня—людей осталось мало, хотя два орудія изъ шести лежали уже на боку; а между тѣмъ канонада съ нашей стороны почти затихла. Я рѣшился обождать. Вѣрно, думаю, наши скоро пойдутъ назадъ и меня посадятъ на лафетъ.

Не успѣлъ я кончить своихъ разсужденій, какъ произошла у орудій суматоха. Бросились брать орудія на передки и тутъ же изъ за люнета показалась толпа нашихъ егерей, въ раз-стройствѣ перемѣшавшихся съ артиллеристами. Вслѣдъ за ними гнались французскіе кирасиры въ каскахъ съ конскими хвостами. За всѣмъ тѣмъ два орудія успѣли взять на пе-редки, а два цѣлыхъ орудія и два съ разбитыми лафетами и передками окружили и захватили французы. Наши спаса-лись кто какъ могъ, вертись между орудій, а французы го-нялись за ними съ палашами, почти окруживъ ихъ. При этой суматохѣ зарядные ящики поворотили въ беспорядкѣ назадъ, но изъ нихъ нѣсколько захватили. Все это происходило во-кругъ меня; мнѣ не къ кому было обратиться,—всѣмъ думалъ о

себѣ, — и я больше на рукахъ успѣлъ дотащиться до ложбины и тамъ, поскользнувшись на запекшуюся кровь, повалился между трупами. Все разбѣжалось и какъ будто затихло. Оставался я тутъ не долго. Полежавъ немного, я сѣлъ; въ это время съ правой стороны, изъ за люнета, показался конный артиллерійскій фейерверкеръ съ лошадыю въ поводу. Увидѣвъ меня, онъ сказалъ: «Садитесь, ваше благородіе, на лошадь.... нашихъ тамъ сбили.» Горько было мнѣ узнать, что нашихъ сбили, однако, слава Богу, вышло послѣ не совсѣмъ такъ. Вблизи отъ меня упала граната и горѣла подлѣ нашего солдата, у котораго часть внутренностей была наружи, значить онъ находился въ положеніи безнадежномъ, но какія усилія употреблялъ несчастный, чтобъ отползти подальше — страшно было смотрѣть. Я прислонился за убитаго, гранату разорвало и меня не задѣло.

Это кажется было послѣднее занятіе нашего люнета. Непріятельскія ядра начали летать чаще и чаще по направленію уже отъ люнета къ Горкамъ. Въ это время попалась мнѣ на глаза толстая палка или коль, должно-быть отъ носилокъ для раненыхъ. Я подползъ къ ней, взялъ ее и очень обрадовался, что съ помощію ея могъ идти, хотя и съ большимъ трудомъ. Нога моя почти одеревенѣла, особенно больно было въ изгибѣ колѣна. Немного подумавъ, потащился я назадъ. Мимо меня проскакалъ свитскій офицеръ, чуть ли не г. Липранди, и сказалъ мнѣ: «Не ходите, тамъ уже французы; пробирайтесь туда....» и, махнувъ мнѣ рукой, онъ ускакалъ. Побрелъ я туда, куда махнулъ мнѣ рукой свитскій офицеръ, и подъ выстрѣлами поровнялся съ люнетомъ. Въ ложбинѣ, къ которой вначалѣ примыкали наши орудія, увидѣлъ я прилегшую нашу пѣхоту; чрезъ нее съ шумомъ летѣла картечь и била въ противоположную возвышенность, такъ что пыль взвивалась. Идти дальше — нельзя было, проползти еще можно было какъ-нибудь. Я остановился. Вдо-

бавокъ преогромное ядро или граната съ порядочную шапку пролетѣло мимо самыхъ моихъ ногъ, ударило недалеко въ землю и, сдѣлавъ огромную рытвину, понеслось дальше. Тутъ сробѣлъ я и потерялся. Опершись на палку и повѣся голову, стоялъ я и не зналъ, что и придумать. Въ эту минуту я испыталъ то, чего дотога времени не испытывалъ. Страшно было быть при орудіяхъ во время перестрѣлки. Куда ни помотришь—тамъ ранять, тамъ убьютъ человѣка, да еще какъ убьютъ!... почти разрывало ядрами; тамъ повалить лошадь, тамъ ударить въ орудіе или ящикъ; безпрестанно предъ орудіями рветъ и мечетъ рикошетами землю; направо, на возвышенности, на нашихъ глазахъ разноситъ артиллерію, а про визгъ ядеръ и говорить нечего. Ротный командиръ былъ на лошади, а у насъ у каждого изъ офицеровъ было по два орудія. Убьютъ лошадь, убьютъ или ранять человѣка—нужно сдѣлать распоряженіе замѣнить ихъ; нужно смотрѣть, чтобы не было остановки въ снарядахъ; нужно обратить вниманіе, какъ ложатся снаряды и приказать какъ наводить орудія. Начиная отъ штабсъ-капитана почти каждый выстрѣлъ повѣряли сами офицеры и могу сказать, что все исполняли свое дѣло какъ слѣдуетъ. Значитъ страхъ не былъ таковъ, чтобы забывали свои обязанности и не исполняли ихъ по мѣрѣ возможности. Тутъ приходила мнѣ мысль, что пожалуй ни при осадѣ города Трои, ни на Куликовомъ полѣ не было такихъ страстей. Тамъ въ рукопашномъ бою можетъ-быть и больше убивали людей, но по крайней мѣрѣ видны были наносимые удары; а тутъ каждое мгновеніе долженъ ожидать, что разорветъ тебя ядро въ пухъ и прахъ. Опершись на палку, стоялъ я въ такомъ безвыходномъ положеніи. Кругомъ французы, со всѣхъ сторонъ ядра.... Вспомнилъ я о Богѣ и думаю: «Господи! неужели мнѣ здѣсь назначено умереть?» и кажется заплакалъ. Въ двадцать лѣтъ съ небольшимъ, при здоровьи, умереть не

хочется. Мгновенно у меня въ головѣ какъ будто просвѣтлѣло и явилась рѣшимость Богъ дастъ, — поплетусь прямо къ Горкамъ, по направленію непріятельскихъ выстрѣловъ. Между тѣмъ выстрѣлы какъ будто пріутихли, но и тутъ еще не было конца моимъ испытаніямъ. Только что началъ я взбираться на возвышенность, какъ показалась, прямо противъ меня, по направленію отъ Горокъ къ люнету, длинная и густая линія кавалеріи; это были уланы, съ значками на пикахъ; сперва я не узналъ—наши это или непріатели, но потомъ замѣтилъ, что у нихъ съ правой стороны два нашихъ зарядныхъ ящика и кивера не наши. Первое мгновенное побужденіе было бѣжать въ сторону. Мнѣ показалось, что уланы ѣхали не очень быстро и еслибъ не больная нога, то при моемъ ростѣ и легкости, никогда бы имъ меня не догнать, да и гнаться за мной не пришло бы имъ въ голову. Нечего было дѣлать, я легъ на землю и, странная вещь, не потерялся нисколько, былъ въ полномъ сознаніи; думаю: «скотъ меня не стануть, но растопчуть лошадыми». Я положилъ обѣ руки на голову, чтобы защитить ее отъ конскихъ копытъ, имѣя въ виду, что если попадетъ подкова по затылку,—тогда конецъ, а если только помнутъ, то все же я могу остаться живъ. Хотя это было похоже на то, что утопающій хватается за соломенку, однакоже я такъ и сдѣлалъ. Только что кончилъ я свое разсужденіе, какъ раздался ружейный залпъ и пули просвистѣли надо мной; не понимаю, какъ ни одна изъ нихъ не задѣла меня. Послѣ, когда я уже былъ въ отставкѣ, разказывалъ я объ этомъ случаѣ въ пріятельскомъ кругу; теперешній мой сосѣдь, подполковникъ, служившій тогда поручикомъ въ Софійскомъ пѣхотномъ полку, вскочилъ со стула и вскричалъ: «это мы... это мы лежали... это мы ихъ такъ поподчивали!...» Значить, это былъ Софійскій полкъ. Потомъ раздался другой залпъ впрямую отъ французовъ. Пѣхота наша была на-сторожѣ; куда

ни обращался непріятель, вездѣ встрѣчалъ ее. Я поднялъ голову и увидѣлъ, какъ нѣсколько всадниковъ валяются съ лошадей, какъ заднія лошади спотыкаются и падаютъ чрезъ переднихъ, а съ уланы валяются кивера. Но вдругъ уланы правымъ крыломъ начали заѣзжать и я рассчиталъ по направленію, принятому ими, что зарядные ящики должны непремѣнно переѣхать чрезъ меня. Опустивъ голову, я опять до того потерялся, что даже не употребилъ никакого усилія, чтобы сколько-нибудь откватиться въ сторону. По счастью, ящики не задѣли меня и проѣхали не болѣе, какъ на одинъ шагъ отъ моей головы. Кавалерія непріятельская въ замѣшательствѣ, словно угорѣлая, промчалась, оставивъ люнетъ въ правой сторонѣ. Наша кавалерія тотчасъ же ударила на непріятельскихъ улановъ.

Возблагодаривъ Бога, я всталъ и побрелъ по возвышенности, гдѣ мы ночевали. Вся она была изрыта ядрами, кое-гдѣ торчали остатки нашихъ бивуаковъ. Въ правой сторонѣ отъ меня шли и строились наша пѣхота и артиллерія въ длинную линію. Снаряды непріятельскіе опять стали сыпаться по мѣсту, гдѣ я шелъ, по остаткамъ нашихъ бивуаковъ, направляясь на наши строившіяся линіи. Мысль, что я только что избавился отъ явной смерти, возродила во мнѣ увѣренность, что эти ядра уже не для меня; я о нихъ не думалъ и ковьялялъ преспокойно къ Горкамъ. Пришедши къ оврагу, отдѣлявшему возвышенность отъ Горокъ и большой дороги, я спустился туда бокомъ и тамъ, совершенно свободный отъ выстрѣловъ, перевелъ духъ. Выбраться изъ оврага было гораздо труднѣе, и тутъ пришлось работать больше руками.

Такимъ образомъ добрался я до большой дороги. Вся она уставлена была подбитыми орудіями и ящиками, лазаретными фурами и разными повозками. Раненные тащились въ безпорядкѣ, иныхъ несли на носилкахъ. Тутъ же дѣлали опа-

раціи и перевязки. Клади раненыхъ въ фуры и повозки, которыхъ много нагнали предъ сраженіемъ. По дорогѣ во множествѣ валялись безчувственные и мертвые. Я встрѣтился съ польскимъ уланскимъ офицеромъ въ штабъ-офицерскихъ эполетахъ; онъ былъ безъ кивера. Мундиръ на немъ былъ такой, какой я замѣтилъ на скакавшихъ на меня уланахъ; воротникъ былъ отложенъ; на шеѣ, около плеча, видѣлась глубокая сабельная рана, изъ которой струилась кровь. Раненаго поляка велъ нашъ солдатъ. Онъ заговорилъ со мною первый и между прочимъ сказалъ: «Это меня такъ рубнулъ, псяюха, мой своякъ; я свалился съ коня и меня взяли въ плѣнь».

У дороги стояла разстроенная артиллерійская рота. Оказалось, что эта рота нашего корпуса, 24-й дивизіи. Ротному командиру терли какими-то спиртами почти почернѣвшую ногу. Ядромъ ударило ему въ стремя и зашибло ногу. Тутъ же пріютили и меня. Фельдшеръ обтеръ землю съ моего лица, обмылъ запекшуюся кровь и примочилъ ногу. Меня даже подкрѣпили пищей.

Когда я отдохнулъ и вышелъ на дорогу, нѣсколько солдатъ изъ нашей роты стояли съ пушечнымъ передкомъ, съ двумя лошадьми и съ тремя или четырьмя зарядными ящиками изъ бывшихъ при люнетѣ. Я приказалъ отыскать кого-нибудь изъ офицеровъ; мнѣ скоро дали знать, что немного впереди находится штабъ-капитанъ съ поручикомъ. Онъ былъ съ двумя орудіями, нѣсколькими зарядными ящиками и малымъ числомъ людей. Объяснилось, что тотчасъ послѣ меня ранили нашего подполковника и что послѣ его отъѣзда изъ за люнета бросились прямо на наши орудія разстроенные егеря, а вслѣдъ за ними устремилась французская кавалерія. Можетъ-быть, успѣли бы увезти и всѣ четыре цѣлыя орудія нашей роты, но егеря такъ сблизись между орудій, что помѣшали взять ихъ на передки, а вслѣдъ за тѣмъ французы

почти окружили орудія. Штабсъ-капитанъ, увертываясь отъ французовъ, сорвалъ съ себя шпагу; поручика окружили, прокололи ему палашами въ двухъ мѣстахъ спину и лѣвую руку, и вѣрно положили бы на мѣстѣ, еслибы не подскакалъ французскій офицеръ, который, взявъ у него шпагу, махнулъ ему идти къ сторонѣ французовъ. Нашъ поручикъ пошелъ, однако, къ своимъ и благополучно спасся отъ французовъ. Было нѣсколько случаевъ и съ солдатами. Одинъ здоровый солдатъ изъ Малороссовъ, вздумавшій отбиваться банникомъ, былъ исколотъ. Другой, уроженецъ Минской губерніи, закричалъ: «Я естемъ Полякъ!» Его пощадили и велѣли идти къ французамъ, онъ такимъ образомъ и отдѣлся. Одинъ егеръ маленькаго роста, съ голосомъ совершенно дѣтскимъ, но очень хорошей и исправный солдатъ, когда его окружили, упалъ на спину, барахтался руками и ногами и такъ кричалъ своимъ пискливымъ голосомъ, что сколько кавалеристы не понуждали лошадей своихъ подѣхать къ нему,—все было напрасно: лошади отскакивали назадъ; вскорѣ подскочили наши кавалеристы и отогнали французовъ. Одинъ ѣздовой съ заряднымъ ящикомъ только-что поверотилъ назадъ, какъ его окружили французы. «Я — рассказывалъ онъ — упалъ на шею лошади и поводья спустилъ. Ударили меня по спинѣ плашмя разъ и другой,—я не шевелюсь; потомъ ткнули меня въ задъ палашомъ такъ больно, что я подпрыгнулъ и закричалъ. Лошади, испугавшись, бросились, пробились сквозь французовъ и я ускакалъ. Слышно было только, что хохочуть, шельмы». Много было происшествій въ подобномъ родѣ. Вскорѣ нашлись и другія наши шесть орудій; у нихъ были попорчены станины у лафетовъ и много колесъ. Поручика, бывшаго при орудіяхъ, ударило картечью въ офицерскій знакъ, въ самый орелъ,—офицерскіе знаки были тогда довольно большіе,—и хотя не пробило его, но вогнуло такъ, что придавило грудную кость; офицеръ этотъ долго страдалъ

грудью. Бѣдному подпоручику, который желалъ помѣстить свою душу на звѣзду, оторвало обѣ ноги, гораздо выше колѣна, и мы вскорѣ узнали, что онъ умеръ на перевязочномъ пунктѣ. Другаго подпоручица спасъ фельдфебель; замѣтивъ ядро или гранату, онъ схватилъ его за руку и только что сказалъ: «берегитесь», какъ самъ былъ пораженъ въ голову и его кровью и мозгомъ обрызгало подпоручика.

Наша рота потеряла два цѣлыхъ орудія, два подбитыхъ, два передка и нѣсколько зарядныхъ ящиковъ. Одинъ подпоручикъ былъ убитъ, подполковникъ тяжело раненъ, одинъ офицеръ исколотъ палашами, два контужены. Остались невредимыми штабсъ-капитанъ и одинъ подпоручикъ; людей и лошадей потеряли наполовину.

Со времени нашего удаленія съ позиціи канонада начала замѣтно затихать. Стало вечерѣть и пальба почти затихла. Наши войска остались на прежней позиціи. Такъ кончился для насъ достопамятный день 26-го августа.

ГЛАВА VII.

Отъ Бородина до Тарутина.

Поручикъ, которому повололи спину и лѣвую руку, послѣ перевязки могъ ходить, а же лежалъ. Такъ какъ мы были бесполезны при ротѣ, то хлопотали какъ бы уѣхать впередъ въ Москву. Мы нашли на дорогѣ полуобломанную простую телѣгу, исправили ее, запрягли въ нее раненую съ прострѣленнымъ плечомъ лошадь, которая хотя и была крѣпкая, но хромала и съ трудомъ везла; въ телѣгу положили соломы, а на нее меня. Поручикъ сѣлъ около и мы, когда почти стемнѣло, отправились въ путь. Къ Можайску пріѣхали поздно. Въ Можайскѣ на площади, по улицамъ и около города горѣли огни. Около нихъ находились все раненые. Пору-

чикъ попытался было зайти въ нѣкоторые дома, чтобы найти пріютъ, но они все были заняты. Не найдя тамъ мѣста, мы расположились у огня, разведеннаго ранеными около города. Когда еще мы подъѣзжали къ Можайску, то слышны были стоны и крики, а теперь отъ холоднаго воздуха раны больше разболѣлись и всю ночь слышны были раздрающіе душу вопли, стоны и брань нѣсколькихъ тысячъ несчастныхъ. Большая часть ихъ лежала, но довольно много бродило вокругъ тусклыхъ огней, какъ тѣни. Ночь была ужасная; такія ночи никогда не забываются. У меня тогда сильно разболѣлась, къ тому же еще оказалась лихорадка, въ головѣ шумъ и боль. Спать я не могъ, а когда нѣсколько забывался, то мнѣ представлялось, что какъ будто кто молоткомъ стучитъ въ голову.

Армія ночью проходила изъ-подъ Бородина чрезъ Можайскъ. На разсвѣтѣ поднялись и мы въ дорогу. Изъ Можайска отправляли раненыхъ; по улицамъ валялись умиравшіе и мертвые. Дорогой тоже объѣзжали обозы съ ранеными; нѣкоторые изъ нихъ тянулись, а другіе останавливались на привалахъ, гдѣ дѣлались перевязки. Умершихъ, какъ на дорогѣ, такъ и на привалахъ, тамъ же и оставляли.

Когда мы проѣзжали какое-то селеніе, то нагналъ насъ нашъ дивизионный генералъ Капцевичъ съ адъютантомъ. Поравнявшись съ нами, генералъ обратился къ адъютанту и сказалъ: «Это наши, такой-то роты?» — «Точно такъ, — отвѣчалъ адъютантъ, — одинъ изъ нихъ немного поглотъ, а другой такъ... только контужень». Это было сказано такимъ тономъ, что при моемъ болѣзненномъ состояніи показалось мнѣ чрезвычайно горько. Я подумалъ, что ужъ лучше бы мнѣ оторвало совсѣмъ ногу, тогда, по крайней мѣрѣ, возбудилъ бы къ себѣ состраданіе. Генералъ Капцевичъ подъѣхалъ и съ участіемъ разспрашивалъ поручика. Адъютантъ его былъ сердитъ на офицеровъ нашей роты. Когда мы квар-

тировали еще около Луцка, тамъ у одного помѣщика была дочь и этотъ адъютантъ, подъ видомъ знакомства съ нашимъ ротнымъ командиромъ, ѣздилъ къ помѣщику довольно часто и поговаривали, что онъ имѣетъ на панну виды. Тамъ это замѣтили и ему чрезъ нашего подполковника отказали довольно обидно отъ дома. Мы узнали, пустили это въ ходъ и за то адъютантъ на насъ сердился. Послѣ мы узнали, что когда потребовали представленій къ награждѣ за сраженіе и когда представленія были готовы и отправлены къ дивизионному командиру для дальнѣйшаго хода, то этотъ адъютантъ, разсматривая представленія, сказалъ: «Не слѣдуетъ представлять къ награждѣ офицеровъ этой роты—они потеряли четыре орудія». Капцевичъ замѣтилъ: «Потеряли, но не даромъ» и представилъ. Проѣхавъ еще нѣсколько, увидѣли расположенную армію, нашли свою роту и остановились отдохнуть. Ротою остался командовать штабсъ-капитанъ, такъ какъ нашъ ротный командиръ, подполковникъ, раненный уѣхалъ съ поля сраженія и мы не скоро съ нимъ увидѣлись. Штабсъ-капитанъ сидѣлъ съ писаремъ у огня и составлялъ подробные списки объ убитыхъ, раненыхъ и вообще о всѣхъ потеряхъ. Потомъ начали представленіе объ отличившихся офицерахъ. Такъ какъ всѣ одинаково участвовали въ дѣлѣ, а штабсъ-капитанъ былъ человекъ добрый, то, чтобы никто не былъ обиженъ, онъ представилъ всѣхъ вообще къ награждѣ по старшинству, при чемъ означилъ и раненыхъ. Когда пришла моя очередь и меня въ представленіи означили контуженнымъ въ ногу, я вспомнилъ презрительныя слова адъютанта о моей контузій; это мнѣ такъ показалось больно, что я просилъ не только тутъ не упоминать о контузій, но и не писать о ней въ формулярномъ спискѣ. Впрочемъ, такой еще тогда былъ въ арміи духъ. Про малыя раны и контузій говорили—«пустяки»; надо, чтобы порядочно прострѣлили—это рана; а контузій звали—конфузіей и по-

лучить контузію считалось чѣмъ-то обиднымъ, а потому о контузіяхъ больше молчали. Для возбужденія же сожалѣнія или состраданія нужно было, чтобъ оторвало руку или ногу или по крайней мѣрѣ прострѣлили съ разбитіемъ костей.

Въ это время явился и подпоручикъ, котораго мы звали Англичаниномъ. Въ Смоленскѣ онъ встрѣтилъ какого-то господина, знакомаго съ его семействомъ; этотъ господинъ далъ ему триста рублей. Съ деньгами онъ остался въ трактирѣ и пробылъ тамъ все время, пока ходили къ Руднѣ, и все промоталъ и проигралъ; не только ничего изъ платья, но и сапогъ не купилъ. Отъ Смоленска до самаго Бородина, несмотря ни на выговоры, ни на угрозы ротнаго командира, онъ пропадалъ по нѣсколькимъ днямъ, такъ что ротный командиръ нѣсколько разъ хотѣлъ его представить въ числѣ безъ вѣсти пропавшихъ. Во все время, проведенное нами около Бородина, мы его не видали; въ сраженіи онъ съ нами тоже не былъ. Когда же рѣчь зашла о представленіи къ наградѣ, онъ приставалъ къ штабсъ-капитану, чтобъ и его помѣстили въ представленіи. Офицеры говорили, что этого не слѣдуетъ дѣлать, такъ какъ никто его не видалъ и никто даже не знаетъ, гдѣ онъ пропадалъ. Англичанинъ же увѣрялъ, что хотя онъ не былъ при ротѣ, но когда французы отбили одну батарею и прогнали нашу пѣхоту, то онъ схватилъ солдатское ружье, бросился къ пѣхотѣ, остановилъ ее, ударилъ на французовъ и прогналъ ихъ. Офицеры смѣялись, не смѣялся только штабсъ-капитанъ и пресерьозно сказалъ: «Вашъ подвигъ такой, что мое представленіе будетъ для васъ мало значить, а потому совѣтую вамъ обратиться къ бывшему тамъ генералу или самому корпусному командиру». При этомъ съ нами сидѣло еще нѣсколько пѣхотныхъ офицеровъ, всѣ такъ и покатались со смѣху. Англичанинъ нашъ ушелъ и не слышно было, чтобъ онъ обращался къ кому-нибудь за представленіемъ. Это была вспышка веселости, общее же настроеніе

ніе было тяжелое и грустное, къ тому же и погода сдѣлалась непріятная. Кончивши дѣла, офицеры усѣлись у огня объѣдать. Передъ глазами нашими вмѣсто прекрасной, стройной роты, были только остатки ея. Много было колесъ съ выбитыми косягами и спицами, лафеты были съ расколотыми станинами, ящики и передки съ помятыми крышами и выбитыми боками, на лафетахъ лежали хомуты съ выбывшихъ лошадей. Поколотый поручикъ перевязывалъ свои раны; контуженный—натиралъ чѣмъ-то грудь и жаловался на боль. Мы примачивали ногу какими-то спиртами. Ходило нѣсколько солдатъ, какъ нашихъ, такъ и пѣхотныхъ, съ обвязанными руками. Вообще легко раненые предпочитали оставаться при своихъ командахъ и не хотѣли идти въ обозъ къ раненымъ. Разсказывали разные случаи, что съ кѣмъ случилось особеннаго, а больше вспоминали, какъ кого убили или ранили; жалѣли о многихъ фейерверкерахъ и солдатахъ, изъ которыхъ нѣкоторые были ротными любимцами. Мы особенно было жаль подпоручика, которому оторвало ноги. Хотя всѣ полагали, что онъ не останется живъ, въ чемъ вскорѣ и удостовѣрились, но всѣ единогласно просили написать его въ представленіи; ему уже послѣ смерти присудили въ награду золотую шпагу за храбрость. Жалѣли особенно двухъ братьевъ, офицеровъ Либавскаго полка. Одинъ служилъ майоромъ, другой—штабсъ-капитаномъ. Одинъ былъ убитъ наповаль, другой, не доѣхавъ до Москвы, умеръ отъ раны. Это были прекрасные люди и единственные дѣти богатаго отца. Они имѣли нѣсколько человекъ собственной прислуги, а также и вьючныхъ лошадей. Былъ у нихъ самоваръ, водились всегда бутылка рому, вино и кофе. Еще съ начала кампаніи я какъ-то проговорился при нихъ, что люблю кофе; они тотчасъ же потащили меня къ себѣ и напоили имъ. Послѣ, когда только варили кофе, то присылали за мной. Вообще, они очень меня любили.

Въ одномъ мѣстѣ со мной, въ Петербургѣ, куда я первоначально поступилъ на службу и гдѣ насъ находилось человекъ пятьдесятъ, былъ юнкеръ; мать его, вдова небогатаго военного чиновника, имѣла свой домикъ, получала небольшой пенсіонъ и этимъ жила. Въ единственномъ своемъ сынѣ, она, какъ говорится, души не чаяла. Кромѣ того, что сынъ ея каждый праздникъ отлучался къ ней, и сама она часто забѣжала его навѣщать. Всѣ мы знали эту почтенную и ласковую даму. Часто привозила она сыну лакомства, которыми онъ дѣлился съ нами. Независимо отъ этого, всѣ мы его любили за его добрый нравъ. Учился онъ хорошо и по экзамену былъ назначенъ къ производству. Матери хотѣлось оставить его на службѣ въ Петербургѣ, о чемъ она и просила; но ей сказали, что сынъ ея очень молодъ, къ тому же небольшого роста, это бросится въ глаза начальству и потому можетъ повлести замѣчаніе. Особенно боялись тогдашняго строгаго военного министра, графа Аракчеева, обращавшаго вниманіе на наше заведеніе. Такимъ образомъ сынъ ея поступилъ въ дѣйствующую бригаду и въ Бородинскомъ дѣлѣ, въ ту минуту, когда онъ наводилъ орудіе, ему сорвало ядромъ черепъ. Когда я узналъ объ этомъ, то подумалъ, какъ часто судьба или предъопредѣленіе странно, несправедливо распоряжается людьми. У моихъ родителей, кромѣ меня, еще было три сына; лишись они меня, имъ было бы чѣмъ утѣшиться, а тутъ мать лишается единственнаго утѣшенія!... И какое множество подобныхъ жертвъ было въ этотъ кровавый день.

Чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе произвела на меня стоявшая недалеко отъ насъ лошадь; это была статная и добродѣзная кобыла, находившаяся въ ротѣ около десяти лѣтъ; ей оторвало ядромъ нижнюю челюсть; съ нее сняли хомутъ и пустили на волю. Она шла за ротой, останавливалась съ лошадьми и стояла, повѣсивъ голову. Мнѣ очень было

жаль смотрѣть на страдальцу, зная, что единственнымъ исходомъ ея страданій была голодная смерть. Дѣйствительно, лошади эта нѣсколько переходовъ шла за ротой и, какъ слышала я послѣ, отстала только около Москвы.

Отдохнувши, собрались мы ѣхать дальше. Сдѣлалась у меня лихорадка и жаръ; нога до того разболѣлась, что я едва доѣхала до привала, а тутъ уже не знала, какъ и ѣхать. Нога сильно распухла и особенно болѣла въ изгибѣ колѣна. Если, бывало, дорогой встряхнуть гдѣ-нибудь повозку, то ногу какъ будто ножами рѣзало. Меня сажали такъ, чтобы туловище мое и правая нога были на повозкѣ, а больную, лѣвую ногу сугонными покроями привязывали къ боку повозки, такъ что она только покачивалась и мнѣ было легче. У поручика болѣли раны на спинѣ; онѣ хотя были и довольно большія, но не глубоки, — удары палашей пришлось какъ-то вдоль; у него тоже ломило проколотую руку. Когда онъ пріѣхалъ на другой годъ къ намъ въ роту, то у него два пальца на рукѣ оказались сведенными до самой ладони и это ему было тѣмъ досаднѣе, что онъ хорошо игралъ на гитарѣ. Впрочемъ, несмотря на свои раны, поручикъ могъ свободно ходить и ѣздить.

Поздно вечеромъ мы остановились въ какой-то деревнѣ. Меня внесли въ грязную, черную и жаркую избу и положили на лавкѣ. Припоминаю, что въ избѣ было много народа и горѣла лучина. Представлялись мнѣ разныя галлюцинаціи и все въ самомъ тяжеломъ и отвратительномъ видѣ. Особенно одну я помню, которую и теперь вспоминаю съ содраганіемъ. Въ городѣ, въ которомъ я учился, была огромная торговая баня, курная и черная; я иногда въ нее ходилъ. Тутъ мнѣ представилось, что я въ этой банѣ, что въ ней очень жарко, что люди тамъ не парились, а были привѣшены къ потолку сухіе, черные, съ страдальческими лицами; что ихъ

коптятъ на ветчину, что и меня слѣдуетъ туда же подвѣсить, и многое другое въ такомъ же родѣ.

На другой день меня вынесли на рукахъ, уложили въ повозку, а ногу подвязали покромками. Къ счастью моему, деньщикъ мой захватилъ подушку, одѣяло и тулупчикъ и имъ меня прикрыли. Не знаю, сколько времени мы ѣхали; замѣтилъ я, однакожь, что поручикъ началъ обо мнѣ беспокоиться. Онъ примкнулъ къ какому-то остановившемуся обозу съ ранеными и позвалъ доктора. Докторъ, не снимая меня съ повозки, осмотрѣлъ и нашелъ поврежденіе въ колѣнномъ суставѣ. Примочили мнѣ ногу и дали чего-то проглотить. При этомъ я замѣтилъ, что докторъ, обратившись къ поручику, какъ-то сомнительно покачалъ головою. Послѣ уже сказалъ мнѣ поручикъ, что докторъ ему объявилъ, что мнѣ худо и что въ ногѣ можетъ сдѣлаться воспаленіе; но тогда онъ ничего не говорилъ, чтобы не тревожить меня. Отдохнувши, поѣхали мы опять по дорогѣ къ Москвѣ. Раненая наша лошадь начинала приставать. Деньщики наши шли пѣшкомъ и одинъ изъ нихъ, идя съ боку, правилъ лошадью. Поручикъ тоже большею частію шелъ около повозки. Вечеромъ подѣхали мы къ Москвѣ; у заставы была военная команда, нѣсколько офицеровъ и, кажется, какой-то генералъ. Насъ остановили и, послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ поручикомъ, пропустили. Было уже поздно; ѣхали мы по какой-то улицѣ; вездѣ было пусто и мы не знали, гдѣ остановиться. Наконецъ, подлѣ одного большого дома, поручикъ замѣтилъ старичка и обратился къ нему. Тотъ съ радостію отворилъ ворота, взялъ лошадь за узду и подвелъ къ крыльцу дома. — «Пожалуйте, пожалуйста, батюшки!» Поручикъ пошелъ въ домъ, но вскорѣ воротился и сказалъ, что тамъ убрано великолѣпно—но холодно и сыро. — «Намъ бы какой-нибудь уголокъ, только бы потеплѣе». — «Такъ пожалуйста въ людскую. Тамъ можетъ-быть

амъ лучше понравится». Мы остались въ людской. То была большая, чистая и теплая комната. Въ домѣ оставались только старикъ со старухой для присмотра за домомъ, а господа уѣхали изъ Москвы и забрали все, что было можно. Для меня принесли хорошій тюфякъ, уложили и укрыли одеялами, предлагали поѣсть; но я не могъ. Поручикъ долго съ ними разговаривалъ и спрашивалъ; но мнѣ было не до того, и о томъ, что говорили, не осталось никакихъ воспоминаній. Когда я сталъ засыпать, то опять что-то грезилось, но послѣ я заснулъ покойно и, проснувшись, почувствовалъ себя немного лучше.

Переночевавъ, потащились мы опять. Себя я совершенно предоставилъ въ распоряженіе поручика. Онъ зачѣмъ-то старался добраться до Петровскихъ казармъ и спрашивалъ попадавшихся изрѣдка людей. Я прежде раза два былъ въ Москвѣ на короткое время, мало ее зналъ, а тутъ и совсѣмъ не понималъ, гдѣ мы ѣдемъ. На все я мало обращалъ вниманія. Припоминаю, что по улицамъ было пусто; ворота и двери въ домахъ были заперты. Осталось, однакожь, въ памяти, что ѣхали мы долго, мостовая была скверная и тряская; ѣзда по камнямъ чрезвычайно меня безпокоила.

Подъѣзжая къ казармамъ, намъ начали попадаться раненые солдаты; они бродили по улицамъ. Подъѣхавъ къ воротамъ, мы остановились. Поручикъ послалъ спрашивать и искать мѣста, гдѣ бы пріостановиться, а я лежалъ на повозкѣ. Дворъ заваленъ былъ ранеными; нѣкоторые изъ нихъ лежали, нѣкоторые сидѣли, а другіе прохаживались. Снаружи, около воротъ и около ограды, тоже лежали и сидѣли раненные. Всѣ они были съ обвязанными головами, подвязанными руками и на костыляхъ. Тутъ обратилъ на себя мое вниманіе солдатъ, шедшій съ подвязанною рукою, другою же поддерживалъ полу шинели; въ ней было навалено нѣсколь-

ко штофовъ съ водкой. Штофы бились, осколки стекла звенѣли и изъ полы шинели струилась водка. Его вскорѣ окружили и принялись пить прямо изъ штофовъ, передавая ихъ изъ рукъ въ руки. Замѣтилъ я также одного пѣхотнаго солдата небольшого роста съ подвязанною рукой, но вертляваго. Онъ горячо спорилъ съ стоявшимъ на костылѣ кавалерійскимъ солдатомъ, увалистымъ малороссомъ. Я только могъ разобратъ, что его упрекалъ пѣхотинецъ.—«Вы,—говорилъ онъ,—конница, не по правдѣ дѣйствуете и вы давите пѣхоту!...» И такъ какъ тутъ было больше пѣхотинцевъ и поддерживали пѣхоту, то и побѣда осталась на ихъ сторонѣ, а кавалеристъ неловко огрызался. Пѣхотинецъ, вѣроятно, замѣтивъ меня на повозкѣ въ артиллерійской фуражкѣ и деньщиковъ въ такихъ же шинеляхъ, подхватилъ:—«Вотъ ужъ артиллеристы, такъ дай Богъ имъ здоровья! Настоящіе наши защитники!...» Тутъ и другіе подхватили:—«Что правда, то правда». Вообще въ это время, какъ пѣхота, такъ и кавалерія оказывали артиллеристамъ особенное расположеніе.

Не скоро возвратившись, поручикъ сказалъ, что казармы набиты ранеными офицерами и солдатами,—ездѣ суматоха, что онъ нигдѣ не могъ добиться толку, и мы задумались: что намъ дѣлать? Въ это время подошелъ къ намъ не молодой уже, высокаго роста офицеръ гарнизонной артилеріи. Онъ мнѣ показался порядочно подпившимъ.—«О чемъ вы, господа, задумались?» спросилъ онъ. Поручикъ объявилъ, что не знаетъ, гдѣ остановиться, ездѣ все занято.—«Сдѣлайте одолженіе, пожалуйте ко мнѣ; у меня будетъ довольно мѣста для васъ; помѣщу и вашу лошадку, и сѣна дамъ»... И онъ потащилъ насъ къ себѣ, въ большой трехъ-этажный корпусъ съ окошками на площадь. По лѣстницамъ и корридорамъ на третій этажъ меня почти несли деньщики и самъ офицеръ. Онъ заботился и кричалъ, чтобы несли осторожно. Когда меня тащили туда по корридору, изъ внутрен-

нихъ комнатъ было отворено нѣсколько окошекъ и изъ нихъ смотрѣли на насъ нѣсколько дамъ старыхъ и молодыхъ, съ самымъ тревожнымъ видомъ, такъ что мнѣ было ихъ жаль. Положеніе ихъ, повидимому, было самое критическое: онѣ не знали, куда имъ дѣваться и что съ ними будетъ.

Въ третьемъ этажѣ нашъ проводникъ толкнулъ ногой въ дверь, и мы очутились въ довольно большой свѣтлой комнатѣ съ перегородкой; мебели въ ней было немного, и то самая простая. На кровати лежалъ молодой офицеръ; при нашемъ входѣ онъ не поднялся.—«Ахъ, ты эдакій трутень!» закричалъ нашъ проводникъ,—«взошли господа раненые офицеры, а онъ лежитъ!» Затѣмъ онъ схватилъ его за ногу и сбросилъ на полъ. Хотя мы и просили его, чтобъ онъ не беспокоился, и говорили, что мы привыкли спать на полу, что для насъ довольно соломы или сѣна, но онъ и слышать не хотѣлъ. Онъ поручику уступилъ свою, а мнѣ отдалъ постель молодого офицера и еще напустился на него такъ, что тотъ, проворчавши что-то, ушелъ. Потомъ онъ велѣлъ помѣстить нашу лошадь и деньщиковъ, а самъ побѣжалъ, чтобы приготовить намъ чай и обѣдъ; во все время онъ суетился и ухаживалъ за нами, какъ родной; потомъ принесъ онъ примочекъ и самъ теръ мнѣ ногу; поручикъ же, отдохнувши, ходилъ куда-то на перевязку. Здѣсь я, въ первый разъ отъ самаго Бородина, выпилъ чашку чаю, немного поѣлъ и заснулъ довольно покойно. Тутъ мы прожили нѣсколько дней до самаго вступленія французовъ въ Москву. Во все время нашъ добрый хозяинъ ухаживалъ за нами съ необыкновеннымъ усердіемъ, хотя, правду сказать, каждый день съ утра до вечера былъ порядочно пьянъ. Мнѣ нельзя было согнуть ноги и трудно было ходить. Подъ конецъ нашего пребыванія, опухоль въ ногѣ какъ будто начала опадать, мнѣ замѣтно сдѣлалось лучше, и лихорадка почти совсѣмъ прошла. Молодость и неиспорченная натура много мнѣ помогли; но,

по-истинѣ могу сказать, не попадись мнѣ этотъ добрый человекъ и не доставь удобствъ, которыя мы имѣли, то трудно было бы опредѣлить исходъ моей болѣзни. Пятьдесятъ восемь лѣтъ уже прошло съ того времени, а я всегда вспоминаю о немъ съ признательностію. Въ день вступленія французовъ въ Москву вывозили остальныхъ раненыхъ; собрались ѣхать и мы. Нашъ хозяинъ провожалъ насъ отъ казармъ до Рязанской заставы, далъ намъ на дорогу бѣлаго хлѣба и простился съ нами. Послѣ мнѣ никогда не случалось съ нимъ встрѣтиться, хотя, бывая потомъ въ Москвѣ, я и справлялся о немъ.

Когда мы выѣхали на улицу, ведущую къ Рязанской заставѣ, то уже не имѣли надобности спрашивать, куда ѣхать. По ней тянулись частью военныя фуры и подводы съ ранеными, а больше ѣхали и тащились обыватели и въ экипажахъ, и на возахъ, и пѣшкомъ, съ котомками за плечами и старые, и малые. Улица была загромождена. Такъ какъ мы на хромой лошади не могли ѣхать скоро и обгонять толпу, то и плелись вмѣстѣ не только до самой заставы, но и дальше. Дотащились мы до мѣста расположенія арміи. Рѣдко останавливались обыватели на дорогѣ, а всѣ почти спѣшили къ арміи, ища въ ней спасенія. По всей дорогѣ была непрерывная цѣпь пѣшеходовъ и конныхъ подводъ.

Прибывъ къ мѣсту расположенія арміи, нашли мы свою роту. Привалъ не былъ похожъ на прежніе, гдѣ очень рѣдко можно было увидѣть какого-нибудь мужика. Тутъ были всѣхъ сортовъ экипажи и люди, особенно по сторонамъ дороги; мужики стояли не по линіямъ корпусовъ, а бродили вездѣ, выпрашивая сѣнца для лошадей, а часто и сухарей, для себя, потому что, въ торопяхъ, многіе не успѣли захватить и самаго необходимаго. Наша рота, послѣ послѣдней моей съ нею встрѣчи, приняла совсѣмъ другой видъ; она еще до Москвы была укомплектована. Резервными ротами комплектовали дѣйстви-

нія. Въ нашу роту дали, на мѣсто потерянныхъ, двѣ пушки и два единорога—чистенькихъ, новенькихъ, только-что выпущенныхъ изъ арсенала. Перебѣнили попорченные лафеты и колеса, а также помятые ящики. Дали полный комплектъ людей, лошадей и зарядовъ; прибавили одного прапорщика. Рота была въ совершенной готовности для дѣйствія; это меня и товарища моего пріятно поразило; только и разницы было, что встрѣчали много незнакомыхъ лицъ.

На другой день большая часть обывателей тронулась въ дальнѣйшій путь, но осталось и съ нами довольно. Армія простояла спокойно весь день. Послѣ обѣда въ сторонѣ Москвы замѣтили густыя облака или тучи. Облака эти постепенно распространялись, перебѣняя видъ и густѣли. Подъ вечеръ собралось къ намъ нѣсколько пѣхотныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ и образовался порядочный кружокъ у огня. Сначала мало говорили; сидѣли повѣся носы и курили трубки. Изрѣдка кто-нибудь скажетъ: «Смотрите, какъ завиваются облака надъ Москвой!»—«Плохо дѣло, — начали говорить, — Москва горить!...» и принялись ругать французовъ. Пошли споры: одни говорили, что Москву зажгли французы, другіе — что графъ Ростопчинъ, нѣкоторые — что сами жители; а бранили всѣ однихъ французовъ. Во всякомъ случаѣ, думали мы, еслибы не французы, то Москва была бы цѣла.

Много говорили и писали о пожарѣ Москвы, много я о томъ слышалъ и читалъ, потому и составилъ свое мнѣніе. Послѣ занятія Смоленска, въ коренной Россіи жители охотно предлагали солдатамъ то, чего не могли спрятать или увезти сами. Сами же они истребляли въ помѣщичьихъ домахъ остатки мебели и другаго имущества. Все дѣлалось больше для того, чтобы не досталось французамъ. Когда оставляли Москву, то никто и ничего не думалъ жечь, исключая казенныхъ запасовъ. Хотя излишнихъ продоволь-

ственныхъ запасовъ и нельзя было предпологать по случаю смутнаго времени, но, несмотря на это, во всякомъ домѣ была мука, крупа, сѣно, овесъ и проч. Если не могли вывезти дорогихъ товаровъ, дорогой мебели и экипажей, то о мукѣ, сѣнѣ и овсѣ подавно некогда было думать. Въ домѣ, гдѣ мы провели ночь, лошадей не было, но фуражъ былъ и вообще замѣтно было довольство; старикъ-дворникъ предлагалъ намъ какой угодно экипажъ. По обывательскимъ домамъ, постояннымъ дворамъ, лавкамъ и лабазамъ было довольно всякаго продовольствія, а потребителей-жителей осталось очень мало; лошадей и совсѣмъ не было. Что же касается до предметовъ роскоши, напримѣръ: сахару, чаю, кофе, вина и проч., то всего было даже слишкомъ изобильно. Еслибы французы приняли мѣры, чтобы никто не ходилъ по дворамъ, а отряженными командами забирали продовольствие и выдавали его порядкомъ, то можно полагать, что они не только не нуждались бы въ продолженіи всего прожитаго ими въ Москвѣ времени, но, кажется, стало бы имъ и на зиму. Еслибы оказался какой-нибудь недостатокъ въ фуражѣ и мукѣ, то окружные жители, узнавъ, что въ Москвѣ порядокъ, никого не обижаютъ и хорошо платятъ, несмотря на восхваляемый патріотизмъ, навезли бы довольно всего: деньги соблазнительны. А что вокругъ Москвы были запасы, это видно изъ того, что какъ только французы оставили Москву, то окрестные жители навезли туда всего вволю. Да и наша армія, во время пребыванія подъ Тарутинимъ, продовольствовалась все время фуражировкой не дальше тридцати верстъ въ окружности отъ рѣки Нары и имѣла все въ изобиліи.

По занятіи Москвы, французы ошалѣли; да кажется и самъ Наполеонъ, найдя Москву пустою, потерялъ голову и допустилъ грабежъ. Офицеры и даже генералы начали брать что попадется подъ руку. Солдаты, по обычаю солдатъ всѣхъ временъ,

первоначально принялись за хлѣбное, а потомъ пустились и въ грабежъ; въ пьяномъ видѣ они забирали нужное и не нужное; грабили и истребляли. Имъ послѣдовала оставшаяся въ Москвѣ сволочь. Порядочныхъ людей было мало, а хозяевъ почти вовсе не было. Видя такое неистовство, особенно когда французы коснулись церкви, стоило только какому-нибудь пьяному мужику сказать:— «Давайте, братцы, жечь, чтобы не доставалось французу!...»—и Москва запылала. Всѣ были въ какомъ-то чаду и опьяненіи. Вѣрно ни одинъ хозяинъ не зажегъ собственнаго дома, а жечь чужое, чтобы только не доставалось французу, стоило небольшого труда. Есть пословица: «Москва отъ копѣчной свѣчи сгорѣла»; такъ и тутъ, по моему мнѣнію, Москва загорѣлась отъ какого-нибудь слова пьянаго мужика.

Когда стало вечерѣть, то на небѣ началъ обозначаться дымъ, а когда стемнѣло, то, въ сторонѣ отъ Москвы, огромное пространство горизонта покрылось заревомъ. Зарево переливалось съ густымъ дымомъ, обозначалось даже пламя. Такъ продолжалось до самаго расвѣта. Начали говорить, что это не случайный пожаръ, но что Москву жгутъ французы нарочно. Говорили о томъ, что будетъ съ Россіей и что насъ ожидаетъ. Исчисляли огромныя потери, понесенныя нами подъ Бородинымъ, хотя мы тамъ и устояли. Нѣкоторые сердились на фельдмаршала за то, что онъ отдалъ Москву безъ сраженія. Большая часть были того мнѣнія, что хотя французы понесли такую же потерю подъ Бородинымъ, какъ и мы, а вѣроятно и больше,—но все же они гораздо многочисленнѣе насъ, а потому и трудно было бы намъ устоять подъ Москвой: всѣ бы тамъ полегли, но дѣлу не помогли. Теперь же что будетъ съ нами и куда насъ поведутъ: на Рязань ли, на Казань, или прямо въ Сибирь? Когда французамъ вздумается остаться бражничать въ Москвѣ, то мы будемъ погибать на бивуакахъ; а когда они пойдутъ за нами, то бу-

дутъ гнать насъ по всей Россіи. «Бѣдная Москва! Бѣдная Россія!...» былъ всеобщій голосъ. Настроеніе было самое грустное.

Переночевавъ, пустились мы дальше. Раненый поручикъ и я ѣхали при ротѣ. Этотъ день и еще нѣсколько слѣдующихъ провели мы въ тоскѣ и томленіи. Нѣкоторые полагали, что Наполеонъ пойдетъ на Петербургъ, въ такомъ случаѣ оставитъ Москву и мы будемъ его преслѣдовать; равнымъ образомъ, если онъ обратится на Смоленскъ или Кіевъ, то и мы пойдемъ за нимъ. Важнѣйшимъ же предположеніемъ считали то, что Наполеонъ будетъ гоняться за нашей арміей, чтобъ ее уничтожить. О томъ, что будетъ миръ, я даже не помню, чтобы кто-нибудь и упоминалъ.

Переправившись черезъ рѣку Москву у Боровскаго переезда, своротили мы съ большой дороги и потянулись направо. Опять произошло недоумѣніе—куда насъ ведутъ? Впрочемъ, скоро все начало объясняться; а когда пришли въ городъ Подольскъ, гдѣ фельдмаршалъ сдѣлалъ смотръ арміи, то стали уже говорить съ увѣренностію, что идемъ на калужскую или даже смоленскую дорогу отрѣзывать путь французамъ. Всѣ обрадовались. «Такъ вотъ зачѣмъ отдали французамъ Москву!... Это ихъ нарочно заманили въ западню!» Начали расхваливать фельдмаршала на разные лады; солдаты даже не слишкомъ и деликатничали.—«Ай-да старикъ Кутузовъ! Поддѣлъ Бонапарта, какъ тотъ ни хитрилъ!... Кутузовъ—тертый калачъ, Кутузовъ—старый воробей!...» и тому подобное.

Въ Подольскѣ послѣ смотра, такъ какъ составъ полковъ уменьшился, вѣдно было при полкахъ, вмѣсто шести, оставить только по четыре орудія, а по четыре изъ обѣихъ легкихъ ротъ отослать для слѣдованія сзади арміи. Поручикъ, ѣхавшій со мной, отправился для излеченія ранъ домой, въ Харьковскую губернію; такъ какъ мнѣ сдѣлалось легче, а

офицеровъ было мало, то ротный командиръ, штабсъ-капитанъ, предложилъ мнѣ съ четырьмя орудіями слѣдовать въ резервъ, перемѣшавъ оставшихся отъ бородинскаго сраженія солдатъ съ вновь поступившими. Я сдѣлалъ себѣ помѣщеніе на лафетѣ, и такимъ образомъ продолжалъ походъ до Тарутина. Во все продолженіе похода къ Тарутину ничего особеннаго не случилось. Слышны были только нѣсколько разъ пушечные выстрѣлы и иногда довольно сильные въ нашемъ арріергардѣ, особенно предъ вступленіемъ въ тарутинскій лагерь.

ГЛАВА VII.

Тарутинскій лагерь и сраженіе при немъ.

Когда проходили селеніе Тарутино, я лежалъ на лафетѣ. Фельдмаршалъ стоялъ около дороги у избы и смотрѣлъ на проходящихъ; онъ взглянулъ на меня, но не сказалъ ни слова. Прощедши Тарутино, мнѣ приказали примкнуть къ ротѣ. Вблизи Тарутина, къ нему лицомъ, на правомъ флангѣ расположенъ былъ второй корпусъ генерала Баггаута, а лѣвѣйшей стороной шестой корпусъ генерала Доктурова — на лѣвомъ, по обыкновенію, въ двѣ линіи. Прочіе корпуса расположены были назадъ.

Не доходя Тарутина, нѣсколько адъютантовъ и офицеровъ, ѣхавшихъ верхомъ, въ сторонѣ отъ корпуса, подняли зайца. Заяцъ второпяхъ бросился въ проходившую колонну; его схватили живаго и отдали адъютанту нашего полка; онъ везъ его, держа за заднія ноги. Только-что солдаты составили въ козлы ружья и начали снимать ранцы, какъ адъютантъ посреди линій выпустилъ зайца, а тотъ бросился бѣжать между ними. Увидѣвъ его, многіе солдаты бросились ловить, а кричали всѣ, отъ офицера до солдата. Заяцъ нѣсколько разъ пробѣжалъ вдоль линій, но не могъ прорвать-

ся. (Почти два корпуса кричали, бѣгали и падали, ружья въ возлахъ опрокидывались.) Услыхавъ суматоху, подошелъ фельдмаршалъ съ бывшими при немъ офицерами. Это зрѣлище его заняло, онъ смотрѣлъ и, говорятъ, до того смѣялся, что держался руками за бока. Этотъ пустой случай фельдмаршалъ могъ бы принять за нарушеніе дисциплины и неуваженіе къ личности, могъ бы изъявить неудовольствіе, сдѣлать выговоръ и тѣмъ произвести непріятное впечатлѣніе; но ничего подобнаго не случилось. Впослѣдствіи, узнавъ, что фельдмаршалъ смѣялся, всѣ были чрезвычайно довольны.

Вскорѣ сдѣлали перемѣну въ расположеніи нашей артилеріи. Штабсъ-капитанъ съ подпоручикомъ остались при Софійскомъ полку, поручикъ съ прапорщикомъ — при Либавскомъ, а мнѣ назначили состоять при Московскомъ. При Псковскомъ же полку оставлены были четыре орудія изъ легкой № 13-й роты, а остальные восемь отправлены въ резервъ. Псковскій и Московскій полки находились въ первой линіи, а Либавскій и Софійскій — во второй. Нашъ штабсъ-капитанъ расположился во второй линіи, а мнѣ слѣдовало находиться въ первой, при своемъ полку; но я оставался при ротной квартирѣ въ общемъ помѣщеніи, тѣмъ болѣе, что я еще не могъ ходить свободно, а только немного прохаживался на костылѣ. Впереди корпусовъ построили небольшія укрѣпленія, а недалеко отъ насъ, влѣво, въ небольшомъ лѣсу и заросляхъ подѣлали засѣки для егерскихъ полковъ, расположенныхъ тамъ. Изъ этого обстоятельства заключили, что дальше не пойдѣмъ. Прошелъ также слухъ, что будемъ ждать французовъ, а такъ какъ они не пожелаютъ скоро разстаться съ Москвой, то стоимъ мы долго; къ тому же, приближалась осень, то и начали строить бивуаки по-солиднѣе. Мы себѣ выкопали яму по поясъ глубиною, съ краями, на которыхъ сидѣли и спали, обставили жердями и хворостомъ и оплели соломой. Недалеко отъ насъ, влѣво,

за небольшою рѣчкой, на возвышенности, стояла деревушка. Жителей тамъ не было—всѣ убрались въ лѣса. Тамъ выбрали избу, устроили баню, въ которой нѣсколько разъ парились; одинъ разъ и меня туда затащили. Узнали о банѣ пѣхотные офицера и просили истопить ее для нихъ; мы послали людей и они вмѣсто бани нашли только пустое мѣсто. Баню нашу кто-то перетащилъ къ себѣ, да и вообще всѣ избы были растащены и перестроены на бивуаки.

Всѣ эти прилежавшія къ лагерямъ селенія и деревни были оставлены жителями. Помѣщики, забравъ, что было получше, уѣхали дальше, а простой народъ съ имуществомъ убрался въ лѣса. Для продовольствія подвозили сухари и крупу; давали изрѣдка воловъ для говядины, водку и овесъ; сѣно и солому доставали фуражировкой по окружнымъ селеніямъ. Я почти во все время нашей стоянки подъ Тарутинымъ не могъ ѣздить, прочіе же офицеры ѣздили по-очереди, сперва близко, а потомъ верстъ за двадцать или за тридцать. Достали повозокъ и на нихъ ѣздили за фуражемъ. Не успѣвъ одинъ офицеръ пріѣхать, какъ уже другой отправляется. Искали и интересовались доставать немолоченный овесъ въ снопахъ; нерѣдко доставали его, а потому значительно поправили лошадей. Лошади сперва ѣли все — и колосья, и самую солому, а потомъ уже стали объѣдать одни колосья. Въздившіе на фуражировку офицеры брали въ опустошенныхъ помѣщичьихъ домахъ разную мебель. Были въ бивуакахъ —краснаго дерева ломберные столы, кресла и стулья, правда, все попорченное: столикъ на трехъ ножкахъ, а четвертая какъ-нибудь прибита гвоздями; кресла и стулья оборванные, также съ обломанными ножками. У насъ бивуакъ былъ небольшою и мебелью мы не занимались, но за то навезли книгъ. Книги были большею частію извѣстныхъ тогда писателей: Дюкре дю-Мениля, Радляфъ, Коцебу; помню также, что были Жильблазъ, путешествіе капитана Кука и много другихъ. Зачас-

тую бывало, однакожь, такъ, что какого-нибудь сочиненія въ трехъ частяхъ, находилось на-лицо только двѣ первыя части или послѣднія, или же средней не было; но, несмотря на это, мы имѣли довольно чего читать по вечерамъ, да и ночи становились длинными.

Полученъ былъ приказъ фельдмаршала о наградахъ за Бородинское сраженіе. Многіе были награждены орденами и чинами, что произвело большую радость. Нашъ ротный командиръ, подполковникъ, получилъ св. Владимира съ бантомъ; штабсъ-капитанъ—золотую шпагу «за храбрость», которую уже имѣлъ за преишишь-эйлаусское сраженіе; убитый подпоручикъ тоже золотую шпагу; два поручика по аннинской шпагѣ; нижнимъ чинамъ дали нѣсколько георгіевскихъ крестовъ. Я и другой подпоручикъ, какъ младшіе и написанные въ представленіи послѣ всѣхъ, ничего не получили. Хотя это было и непріятно, но нельзя было и роптать. Всѣ одинаково были въ дѣлѣ; получить, разумѣется, должны старшіе, — всѣхъ же наградить было бы слишкомъ много.

Въ двѣнадцатомъ году, послѣ распоряженій князя Багратиона подъ Бородинымъ, потерю орудій перестали считать укоромъ для батарейнаго командира; въ этомъ больше обвиняли прикрытіе. Чтобъ убраться въ цѣлости отъ напора пѣхоты, тѣмъ болѣе кавалеріи, слѣдовало бы брать орудія на передки тогда, когда непріятель находится еще саженой за сто отъ орудій, особенно при значительной потерѣ людей и лошадей; но въ это время можно сдѣлать по два или по три самыхъ губительныхъ картечныхъ выстрѣла, противъ которыхъ и десятки выстрѣловъ не будутъ ничего стоить. Наши шесть орудій были поставлены между углубленіемъ и люнетомъ. Въ углубленіи и на мѣстѣ находилась пѣхота, которая не могла дѣйствовать; орудій же тамъ не было и только шесть нашихъ орудій занимали промежутокъ. Еслибы при нанесенной потерѣ нашъ ротный командиръ снялся съ пози-

ции, то сохранилъ бы орудія, но оставилъ бы мѣсто открытымъ. Нашъ ротный командиръ, подполковникъ, былъ чедовѣкъ стараго покроя, и мы его не любили; онъ былъ таковъ, что еслибы у него перебили всѣхъ людей а онъ одинъ остался цѣлъ, то стоялъ бы безъ дѣйствія, сложа руки, а позиціи не оставилъ бы безъ приказанія. Штабсъ-капитанъ, хотя былъ и другаго покроя, но въ этомъ отношеніи такой же. Онъ еще поручикомъ имѣлъ за прусскую и турецкую кампаніи награды: анненскую шпагу, золотую шпагу за храбрость, св. Владимира съ бантомъ и прейсшпѣ-эйлаускій золотой крестъ. — Тагъ-какъ никто не позаботился смѣнить ихъ во-время, то они стояли и дѣйствовали до послѣдней возможности, ночему имъ и не поставили въ вину потерю орудій. Выдали за сраженіе всѣмъ нижнимъ чинамъ по пяти рублей ассигнаціями, а офицерамъ, не въ зачетъ— третное жалованье. Эта награда была очень кстати: мы до того дожились, что не на что было купить и табаку.

Наѣхали изъ Калуги и другихъ городовъ кучи и маркитанты, навезли разныхъ товаровъ, особенно съѣстныхъ: сахару, чаю, табаку, окороковъ, рому, винъ и проч. Тутъ мы завелись чаемъ, а старшіе имѣли ромъ и водку. Покупали турецкій табакъ, но изъ экономіи мѣшали съ простымъ. Изъ ближнихъ селеній жители привозили свѣжій ржаной хлѣбъ, а часто и бѣлый; привозили такъ же масло и яйца, чего мы давно не видали; разносили даже пироги и блины. Такъ какъ нашъ корпусъ стоялъ впереди, то чтобы добратъ-ся до него, продавцы должны были проходить почти чрезъ всю армію, а потому намъ доставались только остатки, но, несмотря и на это, было всего довольно. Кромѣ получаемой говядины, при фуражировкахъ брали еще и сами, что попадется: корову, свинью или курицу. Почти каждый день у насъ была свѣжая говядина. Привозили разную зелень: капусту, свеклу, картофель и проч. Нашъ дядька по возможно-

сти разнообразить намъ кушанья. Хотя мы имѣли и порадочный бивуакъ, но такъ какъ тогда почти все время была хорошая погода, то мы, по привычкѣ, бди у запаснаго лафета; вблизи былъ огонь и наша кухня. Дядька нашъ имѣлъ обычай во время обѣда и ужина стоять у лафетнаго колеса; онъ распоряжался деньщиками и терса спиной о колесо.

Офицеры ходили по лагерю, отыскивая знакомыхъ. Всдгъ выбиралъ по своему вкусу общество, и время проходило весело. Нашъ ротный командиръ, штабсъ-капитанъ, былъ совершенный домосѣдъ, почти никуда не ходилъ; но какъ онъ былъ человекъ хорошій, очень пріятный собесѣдникъ и имѣлъ средства принимать, то къ нему всегда собирались офицеры, какъ своей бригады, такъ и пѣхотные и знакомые разныхъ командъ. У меня еще болѣла нога, я не ѣздилъ на фуражировки, а потому и оставался всегда съ нимъ. Особенно два маіора Софійскаго полка и два доктора нашего корпуса были неразлучными нашими собесѣдниками. Образовались разные кружки. Въ картежныхъ играли въ бостонъ, въ то время бывший въ ходу, въ банкъ и другія игры. У насъ не было картъ; изъ нашихъ офицеровъ только одинъ поручикъ любилъ поиграть и ходилъ туда, да еще подпоручикъ, англичанинъ; но этотъ, проигравши сразу полученное третное жалованье, остался безъ денегъ и сидѣлъ на мѣстѣ. Онъ имѣлъ привычку всегда занимать первое мѣсто, когда садились за обѣдъ или ужинъ, и самый лучшій кусокъ говядины или курицы всегда хваталъ первый; офицеры часто надъ нимъ смѣялись и трунили, но больше всѣхъ шутилъ надъ нимъ одинъ очень рѣзвый подпоручикъ, котораго мы звали корпусной штукой. Одинъ разъ онъ выбралъ лучшій кусокъ курицы, искусно подрѣзалъ его, начинилъ сухимъ нюхательнымъ табакомъ и подложилъ къ той сторонѣ, гдѣ обыкновенно садился англича-

пинъ, а насъ предупредилъ. Какъ онъ предполагалъ, такъ и случилось. Англичанинъ схватилъ этотъ кусокъ и съ жадностію раскусилъ; табакъ попалъ ему въ носъ и горло и онъ такъ раскашлялся, что мы перепугались. Этотъ офицеръ имѣлъ одно достоинство: онъ за такія продѣлки сперва сердился, а потомъ смѣялся. Были кружки, гдѣ любили и подкутить; но такъ какъ было кругомъ начальство, то слишкомъ и не увлекались. У насъ образовалось что-то въ родѣ школы; штабсъ-капитанъ любилъ пофилософствовать, а потому многіе къ нему и собирались для этого.

Собесѣдники наши, маіоры, были совершенно различныхъ характеровъ. Одинъ—лифляндецъ, деликатный и образованный человѣкъ, приходилъ къ намъ съ своей неразлучной, большой, пѣнковой трубкой, съ чубукомъ изъ обдѣланной козьей ножки; другой былъ русакъ, добрѣйшій человѣкъ, но любилъ выпить, и не столько самъ, какъ любилъ подчивать другихъ. У него въ сѣдельныхъ кабурахъ, вмѣсто пистолетовъ, были бутылки съ водкой. Въ одной бутылкѣ была полынная, и онъ предлагалъ изъ серебряной стопки знакомымъ полынной отъ желудка; но онъ столько разъ наливалъ на одну и ту же полынь, что тамъ не только вкуса, но и запаха полыннаго не было, чему мы часто смѣялись. Одинъ изъ докторовъ былъ начитанъ и бредилъ Вольтеромъ; другой отъ природы умный, но характера разбитного и любилъ выпить. Когда онъ былъ натоцакъ, то у него козырекъ фуражки былъ надвинутъ на самые глаза; по мѣрѣ выпивки козырекъ поворачивался направо и подымался къ верху; когда же бывалъ въ полномъ градусѣ, то козырекъ лежалъ на самомъ затылкѣ. Докторъ, поклонникъ Вольтера, былъ въ большомъ уваженіи, но изъ разбитного доктора впоследствии вышелъ чрезвычайно ловкій операторъ. Онъ прославился по всему корпусу; не только раненые офицеры, но и солдаты просили вести ихъ къ Софійскому; подѣ

такимъ названіемъ онъ былъ извѣстенъ всему корпусу. Я самъ видалъ его «на работѣ»: это его собственный терминъ. Перевязывалъ онъ раны и дѣлалъ операціи съ такимъ хладнокровіемъ и равнодушіемъ, какъ будто отрѣзывалъ ножку или крылушко жареной курицы. Иногда его, шутя, звали мясникомъ; онъ на это не обижался, только говорилъ, смѣясь: «Ну, ну, братъ, смотри!.. Попадешься и ты въ мои руки!!!»

Никто не зналъ, будутъ ли французы гоняться за нами, или мы будемъ преслѣдовать ихъ, но во всякомъ случаѣ предстоялъ намъ еще тяжелый походъ; къ этому всё готовились и, по возможности, исправлялись. Съ самаго вступленія подъ Тарутино выдали для полковъ и артиллерійскихъ ротъ на зимніе панталоны разныхъ сортовъ крестьянскаго сукна: бѣлаго, сѣраго и чернаго. Съ начала еще кампаніи излишнія тяжести были куда-то отправлены, въ томъ числѣ и зимніе панталоны,—солдаты ихъ больше и не видали. Для солдатъ шили панталоны; офицеры пошили себѣ: кто—шинель, кто—плащъ, кто—бурку; шили сапоги, исправляли конскую сбрую; лечили подпарины отъ сѣделъ и хомутовъ у лошадей; осматривали и исправляли оси у лафетовъ и ящиковъ. Вмѣстѣ съ фуражомъ привозили въ запасъ нужный лѣсъ и его отправляли. Плотники и кузнецы были въ непрерывной работѣ; въ близъ лежащихъ лѣсахъ жгли уголь. Можно сказать, что подъ Тарутинымъ время не было потеряно даромъ.

Солдаты ходили въ потертыхъ шинеляхъ и мундирахъ. Форменныхъ панталонъ не было, а носили брюки и бѣлые, и пестрые. Кивера имѣли подѣ чохлами и черными, и бѣлыми. Портупей не бѣлили, и онѣ изъ бѣлыхъ сдѣлались желто-бурными,—на это не обращали вниманія; строго только смотрѣли за исправностью ружей, зарядовъ и всякаго оружія. Не было въ лагеряхъ великолѣпія, даже палатокъ, а

все лучши изъ хвороста и соломы. Рѣдко торчали перевезенныя крестьянскія избы, кое-какъ сложенныя. Не было блеска, золота и серебра; рѣдко видны были эполеты и шарфы; блестяли только ружья, штыки и артиллерійскія орудія. Не видно было богатыхъ и модныхъ мундировъ, но только бурки, грубаго сукна плащи, запачканныя, прорванныя шинели, измятыя фуражки; не видно было изысканныхъ лицъ и утонченнаго обращенія, но все были закаленны трудами и дышали мщеніемъ. Между солдатами и офицерами не было хвастливыхъ выходовъ противъ французовъ, только при разговорахъ о нихъ сжимали кулаки и помахивали ими, имѣя въ мысляхъ: «при встрѣчѣ покажемъ себя».

Таковъ былъ общій, не блестящій, но грозный видъ Тарутинскаго лагеря, занимавшаго ничтожное пространство въ громадной Россіи; но участь всей Россіи заключалась въ немъ, и, можно сказать, вся Европа обращала на него вниманіе. И въ самомъ дѣлѣ, велико было его значеніе. И страшна была тогда наша армія не числомъ, но внутреннимъ настроеніемъ духа. Тогда уже все перестали думать и тужить о потерѣ Москвы.

О французахъ носились слухи, что они въ Москвѣ бѣдствуютъ и нуждаются въ продовольствіи. Безпрестанно разносились слухи, что наши партизаны отлично дѣйствуютъ, и не только партизаны, но и мужики истребляютъ французовъ. Извѣстно было, что каждый день приводятъ въ главную квартиру множество плѣнныхъ. Тутъ все вполне почувствовали и оцѣнили мудрыя распоряженія фельдмаршала. Тѣ, которые сначала осуждали его за отдачу Москвы, согласились наконецъ, что иначе нельзя было поступить. Носились слухи, что французы все еще многочисленнѣе насъ; но все наши войска такъ были воодушевлены и увѣрены въ своемъ превосходствѣ, что единодушно желали встрѣтиться съ ними. Узнали, что Наполеонъ подсылалъ не одинъ разъ для пере-

говорить о мирѣ. Стало ясно видно, что французамъ плохо, что имъ не сдобровать, что они не посмѣютъ ударить на насъ подъ Тарутинымъ, и Наполеонъ долженъ выдумывать какой-нибудь маневръ, чтобъ убраться изъ Москвы и Россіи.

Ротный командиръ и офицеры, вромѣ фуражировою, занимались до обѣда обученіемъ молодыхъ солдатъ и смотрѣли за производствомъ работъ. Потомъ собирались къ запасному лафету обѣдать. Обѣдъ былъ у насъ не роскошный, но сытный, а главное—всего довольно. Нѣсколько человѣкъ постороннихъ, случавшихся при этомъ, не уходили голодными. Варили супъ съ говядиной, а больше щи съ капустой, свеклою и прочею зеленью; имѣли жаркое изъ говядины, а часто и изъ птицъ; варили кашу съ масломъ и жарили картофель; послѣ обѣда курили трубки и читали книги, а къ вечеру собирались компаніей пить чай. Самовара у насъ не было, а въ тотъ же мѣдный чайникъ, въ которомъ кипѣла вода, клали и чай. Когда было мало стакановъ, то посылали доставать, а нѣкоторые приходили съ своими. Нѣкоторые пили съ прибавленіемъ крѣпкаго. Чай располагались пить у разложенныхъ огней. Штабсъ-капитанъ имѣлъ обычай сидѣть по-турецки, поджавши ноги; прочіе сидѣли какъ попало, а нѣкоторые и лежали, но все съ трубками. Солдаты, вечеромъ, по окончаніи работъ, пѣли пѣсни и часто по полкамъ играла музыка. Все были довольны и веселы, а главное—имѣли хорошія надежды въ будущемъ.

Собравшись, говорили о всемъ и о всѣхъ свободно, не стѣняясь, не смотря ни на какое лицо. Мнѣ кажется, что въ природѣ человѣка есть способность, говоря о старшихъ, постоянно находить въ нихъ слабую сторону. Школьники судятъ о своихъ наставникахъ и учителяхъ; такъ и тутъ, говорили больше о генералахъ и военныхъ дѣйствіяхъ. Приятно было, однакожь, слышать, что больше отзывались съ хорошей стороны. Если кого и осуждали, то болѣе за из-

лишнюю отвагу, за то, что они бросались туда, куда и не слѣдовало, и, жертвуя собой, производили въ арміи невознаградимую потерю. Фельдмаршаломъ, съ самаго его прибытія, всѣ были довольны, и распоряженія его считали мудрыми. Сначала осуждали, было, за отдачу Москвы, но тутъ единогласно рѣшили, что иначе не могло и быть. Впослѣдствіи нашлись осуждавшіе дѣйствія и распоряженія фельдмаршала. Мы тогда не могли понять его распоряженій. Теперь тоже, не входя ни въ какія его распоряженія, худы они или хороши, могу сказать, что фельдмаршалъ заботился о выгодахъ и довольствѣ арміи, одушевилъ ее, вдохнулъ въ нее духъ отваги и заставилъ себя любить до энтузіазма. Это, по моему мнѣнію, лучше всякихъ распоряженій. Онъ достигъ своей цѣли, уничтоживъ французскую армію, безъ излишнихъ потерь. Когда узнали о смерти князя Багратіона, всеобщаго любимца, всѣ жалѣли о немъ, но вмѣстѣ и осуждали. «Какъ, говорили, такому генералу, начальнику арміи, самому вездѣ бросаться и не думать, что будетъ съ арміей, когда его убьютъ». Знакомые наши, артиллерійскіе офицеры изъ второй арміи, говорили, что Багратіонъ былъ на самыхъ передовыхъ батареяхъ и приказывалъ: когда будутъ напирать французы, то чтобы передки и ящики отсылали назадъ, а орудій не свозили и стрѣляли бы картечью въ упоръ; при самой крайности, чтобы уходили съ принадлежностями назадъ, а орудія оставляли на мѣстѣ. Такъ и дѣлали. Тутъ онъ самъ съ пѣхотой бросался и прогонялъ непріятелей отъ орудій. Артиллеристы, вслѣдъ за этимъ, занимали батареи и били картечью отступающихъ. Рассказывали, что французы, не имѣя возможности увезти орудій и не имѣя чѣмъ заклепать ихъ, забивали затравки землей, затыкали палочками и соломой, оставшейся отъ сжатого хлѣба; но затравки легко было прочищать. Что бы ни говорили и ни писали иностранцы и наши военные писатели о потерѣ фран-

пузовъ, но если взять въ расчетъ, что французы шли на наши хотя небольшія, но все-таки укрѣпленія, откуда стрѣляли по нимъ въ упоръ картечью, да и провожали нѣсколько разъ такимъ же образомъ, то ихъ потеря должна быть больше нашей. Досталось и графу Кутайсову. Хвалили его, жалѣли о немъ, но и сильно осуждали. Мало того, что онъ скакалъ по всѣмъ передовымъ батареямъ, да еще съ пѣхотой вздумалъ отбивать взятыя непріателемъ наши батареи. Къ нему присталъ и генераль Ермоловъ. А кажется, что тамъ дѣло обошлось бы и безъ нихъ. Были тамъ непосредственные защитники: славный генераль Раевскій, генераль Паскевичъ и генераль Васильчиковъ; былъ тамъ начальникъ 24-й дивизіи генераль Лихачевъ, и этой же дивизіи бригадный генераль Цибульскій, человекъ простой, но заслуженный и храбрый. Про убитаго младшаго Тучкова говорили, что онъ удалю былъ похожъ на Кутайсова. Старшаго Тучкова очень жалѣли; его сравнивали съ генераломъ Дохтуровымъ; говорили, что онъ такой же разсудительный и хладнокровный, и если былъ убитъ, то не отъ своего неблагоразумія, а по опредѣленію судьбы. Вспоминали и другихъ, какъ убитыхъ такъ и раненныхъ начальниковъ, всѣмъ вообще отдавали полную справедливость и жалѣли о нихъ. Не забыли убитаго начальника штаба нашего корпуса, умнаго полковника Монахтина и взятаго въ плѣнъ почтеннаго старика Лихачева.

Такіе разговоры наводили на душу какое-то грустное расположение. Однажды собралась насъ порядочная компанія и заедѣлась у огня до самой ночи. Погода была прекрасная; на небѣ ярко блистали звѣзды. Тутъ я вспомнилъ про нашего убитаго добраго подпоручика и сказала: «вонъ та звѣзда, на которую онъ помѣщалъ душу, какъ будто предчувствуя свою судьбу. Можетъ-быть теперь душа его смотритъ на насъ и намъ сочувствуетъ» Штабсъ-капитанъ подхватилъ: «Я по-

лагаю, не только его душа, но души всѣхъ нашихъ убитыхъ, какъ генераловъ, такъ и товарищей, носятся надъ нами, чувствуютъ насъ и готовы насъ одушевить, и, вѣроятно, не оставятъ насъ, пока мы не выгонимъ французовъ изъ Россіи». Докторъ началъ говорить: «Въ мірѣ ничто не пропадаетъ: тѣло, по смерти человѣка, разлагается на свои составныя части; земляныя обращаются въ землю, воздушныя въ различныя газы, а безсмертныя части разума или нашей души обратятся къ своему божественному началу. Но если души сохраняютъ сознание о прошедшемъ и настоящемъ, то не завидна ихъ участь. Довольно уже онѣ потерпѣлись въ земной жизни, чтобы терпѣть еще и въ загробной. «Отчасти и правда», сказалъ майоръ—лифляндецъ: «что за радость имъ знать, какъ страдаютъ ближніе и родные, убитые и раненные въ предсмертныхъ мукахъ, тѣмъ болѣе, что помочь имъ они не могутъ. Лучше пребывать имъ въ забвеніи». — «Вы заноситесь слишкомъ высоко», возразилъ докторъ Софійскій. «Мнѣ самому приходятъ въ голову такія неразгаданныя мысли, и, чтобы избавиться отъ нихъ, я выпиваю стаганчикъ крѣпкого, что и вамъ теперь совѣтовалъ бы». — «Высокое слишкомъ неопредѣленно», сказалъ нашъ штабсъ-капитанъ: «смотрите вверхъ: планеты высоко; большія звѣзды, которыя тамъ видите, несравнено выше, а малыя еще неизмѣримо выше, и высотѣ нѣтъ конца. Что же дальше? Неужели пустота? Но и пустотѣ долженъ ли быть предѣлъ или нѣтъ?» — «Вы задаете такіе вопросы, которые выше нашего разума», отвѣчалъ докторъ,» по моему крайнему разумѣнію предѣловъ высотѣ и міра нѣтъ, какъ нѣтъ и начала. Міръ изъ вѣка вѣковъ былъ, есть и будетъ, какъ и Высочайшее существо въ мірѣ и во всемъ, отъ самыхъ величайшихъ до самыхъ малѣйшихъ предметовъ, даже во мнѣ грѣшномъ». — «Я согласенъ съ словами моего сотоварища по ремеслу», — сказалъ докторъ, Софійскій — «что наши души присоединятся къ своему началу, отъ ко-

тогого произошли. А будутъ онѣ существовать или нѣтъ— до того мнѣ нѣтъ надобности. Советъ же мой: какъ заговорили о душахъ, то слѣдовало бы ихъ помянуть обычнымъ порядкомъ».— Всѣ на это изъявили согласіе, подали горячей воды и рому, помянули души убитыхъ и поздно уже разошлись.

Были у насъ знакомые, служившіе еще въ Финляндіи подъ непосредственнымъ начальствомъ генерала Барклай-де-Толли. Нѣкоторые служили съ нимъ въ Прусской кампаніи, въ томъ числѣ и нашъ штабсъ-капитанъ бывалъ у него въ отрядѣ. Всѣ отзывались о немъ какъ о добрѣйшемъ и благороднѣйшемъ человѣкѣ, храбромъ и распорядительномъ генералѣ. А тутъ вотъ какая постигла его участь: «Барклай—перѣшителенъ, Барклай—мнителенъ», говорили одни; «Барклай—трусель», говорили другіе; трусилъ онъ однакожъ не за себя, а за вѣранныхъ ему людей. Были между солдатами такіе, которые называли его измѣнникомъ, но офицеры—никогда. Всѣ толки происходили, по моему мнѣнію, отъ сильно развитаго патріотизма. Его винили за то, что онъ отступалъ, а почему онъ отступалъ,—это было скрыто. Начали соображать, какъ могъ Барклай-де-Толли стать противъ Наполеона, зная еще нерасположеніе къ себѣ войскъ? Даже фельдмаршалъ Кутузовъ, при общемъ къ нему расположеніи, получивъ подкрѣпленіе, едва могъ удержаться подъ Бородиномъ. Всѣ очень жалѣли о постигшей Барклай-де-Толли участи.

Часто мнѣ приходили въ голову мысли о дѣйствіяхъ Барклай-де-Толли; много я передумалъ объ этомъ предметѣ и считаю не лишнимъ изложить собственное мое теперешнее мнѣніе, мнѣніе старика. Барклай-де-Толли отъ Нѣмана до Царева-Займища спасъ русскую армію отъ многочисленнаго непріятеля; безъ чувствительной потери, онъ вездѣ съ успѣхомъ отбивался. Во все время отступленія можно осудить

его только за нерѣшительныя движенія около Смоленска. Но и это онъ дѣлалъ, кажется, для того только, чтобы успокоить общій ропотъ и нетерпѣніе. И какъ судьба одного возвышаетъ, а другаго низвергаетъ! Какъ удивятся тѣ, которые прочитаютъ эти строки, особенно, какъ удивились бы англичане, что я подвигъ униженнаго Барклай-де-Толли ставлю выше подвига подъ Ватерлоо, прославленнаго ихъ Веллингтона. Одинъ спасъ армію отъ непобѣдимаго еще полководца и испытанныхъ солдатъ, а другой, подъ Ватерлоо, удержалъ только свою позицію до прибытія пруссаковъ. Правда и Веллингтонъ удержался противъ того же полководца, но уже обезкураженнаго и имѣвшаго вмѣсто старыхъ солдатъ толпу конскриптовъ. Очень немного было тамъ солдатъ, которые, взявъ непріятельскую батарею и гоняясь за канонирами, могли смѣяться, какъ это случилось съ тѣми солдатами, которые подъ Бородиномъ взяли орудія нашей роты. Находясь во Франціи, въ корпусѣ графа Воронцова, рота наша занимала квартиры въ небольшомъ городѣ, близъ Бельгійской границы. Тамъ было около десяти мальчишекъ, въ разныхъ мундирахъ, бѣжавшихъ изъ подъ Ватерлоо. Они, взявшись за руки, расхаживали по городу, въ фуражкахъ на бокъ, распѣвали пѣсни и смотрѣли на насъ съ высоко; мы же смотрѣли на нихъ съ пренебреженіемъ. Послѣ эти самые молодцы смотрѣли на насъ съ уваженіемъ. И такихъ-то храбрецовъ была подъ Ватерлоо большая часть. Во время моего трехъ-лѣтняго пребыванія во Франціи, въ корпусѣ графа Воронцова, очень рѣдко случалось встрѣтить стараго солдата, бывшаго подъ Ватерлоо; солдатъ же, бывшихъ въ Россіи, я рѣшительно ни одного не встрѣчалъ.

Вскорѣ мы узнали о поступкѣ графа Милорадовича, при вступленіи французовъ въ Москву. Всѣ превозносили его: всѣмъ нравилась его удаля и фанфаронство. Припоминали разные случаи изъ его боевой жизни. Между прочимъ вспо-

нили, какъ онъ, прогнавши Турокъ изъ Валахіи, въ Бухарестъ кричалъ: «Богъ-мой, Бухарестъ мой, Куконы, Куконицы мои!» Были высокаго мнѣнія о генералѣ Дохтуровѣ. О немъ говорили, какъ о Суворовскомъ сослуживцѣ. Вспоминали разные его подвиги, объ отличіи его подъ Аустерлицемъ,* гдѣ онъ спасъ ввѣренный ему отрядъ; съ похвалою отзывались о дѣйствіяхъ его въ Прусской кампаніи, въ которой онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ; подъ Смоленскомъ, честь защиты котораго приписали ему. Онъ подъ Бородиною со славою замѣнилъ князя Багратіона, команду второй арміею на лѣвомъ флангѣ. Много говорили объ атаманѣ Платовѣ и его казакахъ и отдавали имъ полную справедливость. Вообще о всѣхъ генералахъ въ нашихъ арміяхъ, отъ старшаго до младшаго, говорили съ похвалою. Очень мало было такихъ, дѣйствіями которыхъ мы были совершенно недовольны. Всѣ наши генералы были опытные и закалены въ безпрестанныхъ войнахъ. Начиная отъ Суворовскихъ походовъ до двѣнадцатаго года, были непрерывные случаи выказать свои способности. Можно смѣло сказать, что тогдашніе наши генералы не уступали прославленнымъ французскимъ генераламъ и маршаламъ.

Часто слышали мы о дѣйствіяхъ графа Витгенштейна около Полоцка. Дѣйствія его насъ радовали. Онъ не только останавливалъ непріятелей отъ дальнѣйшаго движенія, но и поражалъ ихъ. Услыхавъ о смерти храбраго генерала Кульнева, всѣ жалѣли о немъ. По отдаленности, медленно доходили до насъ темные слухи о дѣйствіяхъ нашихъ армій на Волыни и около Риги; но слухи были не слишкомъ утѣшительные; особенно мы недовольны были дѣйствіемъ около Риги. Впрочемъ, носились слухи, что тамъ дѣйствовали не слишкомъ настойчиво по политическимъ обстоятельствамъ: австрійцы и пруссаки были прежніе наши союзники, а потому и не желали ихъ раздражать.

Въ числѣ генераловъ, о которыхъ любили говорить, были и извѣстный нашъ генералъ Костенецкій. Рассказывали о его силѣ и добротѣ; припоминали много случаевъ изъ его жизни. Подъ Аустерлицемъ оцъ командовалъ конно-артиллерійскою гвардейскою ротой, въ чинѣ полковника. Великій Князь Константинъ Павловичъ его зналъ и любилъ съ нимъ шутить. Встрѣтившись съ нимъ послѣ сраженія, Великій Князь, принявъ серьезный видъ, сказалъ ему: «Какъ же ты, Костенецкій, вздумалъ отбиваться отъ непріятельской кавалеріи банниками и переломалъ ихъ?» — «Виновать, Ваше Высочество, въ торопяхъ!..» отвѣчалъ Костенецкій. — «Да и дѣло было не совсѣмъ ладно, только банники перебили!.. Когда бы банники были желѣзные, то дѣло было бы сподручнѣе». Объ этомъ Константинъ Павловичъ, при случаѣ, рассказалъ Государю Александру I-му, и Государь замѣтилъ: «Банники желѣзные подблатъ не трудно, да не легко найти Костенецкихъ, чтобъ дѣйствовать ими».

Много насъ занимали дѣйствія нашихъ партизановъ. Рѣдкій день проходилъ, чтобы мы не имѣли какихъ-либо извѣстій объ ихъ дѣйствіяхъ; извѣстія были утѣшительныя и приводили насъ въ восторгъ. Всѣ вообще партизаны дѣйствовали отлично, но болѣе всѣхъ занималъ насъ Фигнеръ. Этотъ партизанъ постоянно былъ предметомъ нашихъ разговоровъ. Нашъ штабсъ-капитанъ былъ съ нимъ въ одномъ корпусѣ; тамъ еще они подружились, вмѣстѣ произведены были въ офицеры и продолжали знакомство въ Молдавіи. Фигнеръ бывалъ у насъ довольно часто до поступленія въ партизаны; послѣ того не случилось мнѣ его встрѣтить. Мы не замѣчали тогда въ немъ ничего необыкновеннаго и не предвидѣли тѣхъ способностей, которыя оказались впоследствии. Можно, однакожь, сказать, что тогда въ нашей арміи было довольно отчаянныхъ головъ, только они не имѣли случая выказаться.

Однажды въ нашемъ вечернемъ собраніи кто-то сказалъ: «Странная вещь, господа, вѣдается, всѣ мы люди отъ одного Адама, а вотъ бьемся, стрѣляемся, деремся и истребляемъ другъ друга, хуже дикихъ звѣрей». На это возразили, что родство наше отъ Адама слишкомъ далекое: часто и близкіе родные дерутся не хуже собакъ. Тутъ докторъ, который былъ порядочный вольнодумецъ, сказалъ: «А я полагаю, что было много Адамовъ. Не только монголы, японцы, американцы, но и изъ насъ европейцевъ каждое племя имѣло своего Адама; даже, у насъ, въ Россіи—что племя, то и свой Адамъ. Если предположить, что всѣ люди произошли отъ одного человѣка, то слѣдуетъ полагать, что и всѣ разнородныя животныя размножились отъ одного какого-нибудь субъекта, хотя и видимъ во всѣхъ родахъ отличіе. Этого мало, всякій почти родъ растений имѣетъ отличія отъ другихъ многочисленныхъ родовъ. Трудно предположить, чтобы они произошли отъ одного начала и послѣ измѣнили свои...» «Мое мнѣніе такое», началъ говорить штабсъ-капитанъ: «на нашей землѣ было много переворотовъ, по мановенію Всемогущей руки. Каждый переворотъ уничтожалъ прежде бывшіе предметы, и тою же Всемогущею рукою производилъ новые; а при послѣднемъ переворотѣ онъ создалъ и людей». — «Если предположить», продолжалъ тотъ же докторъ, «что Всемогущая рука бросила сѣмя, то отъ него могли произойти растенія и нѣкоторыя низшія животныя; но высшія, требующія въ малолѣтствѣ попеченія матерей, не могли произойти такимъ образомъ, а надо полагать, что всѣ они явились вдругъ, какъ есть, безъ всякаго сознанія, откуда взялись». — «Когда такъ», возразили нѣкоторые лица, «то можно предполагать, что явились разомъ жилища, села и города и въ нихъ жители, всякаго рода мастеровые, купцы и воины съ ихъ оружіемъ, и все это безъ всякаго сознанія?» — «А почему же и не такъ?..» твердилъ тотъ же докторъ. «Для могуще-

ства нѣтъ ничего невозможнаго. Чѣмъ трудиться и создавать все по одиночкѣ и по сортамъ, то лучше—разомъ.» Маіоръ-диляндецъ сказалъ: «Человѣческій умъ великъ только въ глазахъ человѣка, и какъ человѣкъ безконечно малъ во вселенной, такъ и умъ его ничтоженъ, чтобы постигнуть такіе предметы. Чѣмъ толковать объ этомъ и напрасно ломать головы, то не лучше ли согласиться съ тѣмъ, что сказано въ Священномъ писаніи и чему учили насъ въ дѣтствѣ». Съ этимъ всѣ единодушно согласились.

Часто намъ доводилось слышать разсужденія и диспуты въ подобномъ родѣ; не могу я всего хорошо припомнить, и привожу для образца, что только помню. Про насъ говорили: «кто хочетъ набраться ума - разума или потерять послѣдній, тотъ пусть идетъ въ 12-ю легкую роту».

Былъ у насъ въ ротѣ солдатъ. Когда мы стояли еще около Луцка, онъ бѣжалъ изъ роты. Его поймали, судили и прогнали сквозь строй. Онъ оставался въ пренебреженіи и на него не обращали вниманія. Во время отступленія отъ Вильно, особенно ночью, къ нему собирались кучкой солдаты и много смѣялись, слушая его разсказы. Мы полюбопытствовали узнать, что онъ разсказываетъ. Бывшій при этомъ фельдфебель сказалъ: «это нашъ солдатъ сказываетъ сказки, и такія уморительныя, что помираешь съ смѣху». Довольно рано улегшись на ночлегъ, офицеры упросили штабсъ-капитана позвать сказочника. Сначала онъ стѣснялся насъ, но стаканъ водки развязалъ ему языкъ. Онъ сказывалъ большею частію сказки въ смѣшномъ родѣ, и такъ гладко и съ такимъ юморомъ, что мы много смѣялись. Съ того времени мы часто его призывали, заставляли ложиться подлѣ бивуака и говорить сказки. Такъ было и подѣ Тарутинымъ. Сказки его были до того уморительны, что нарочно оставались у насъ почевать сторонніе офицеры, чтобъ только послушать ихъ. Разсказчикъ этотъ поступилъ въ солдаты изъ духовенства, почему и

остриль больше надъ духовенствомъ же. Вотъ для примѣра его сказки:

Въ одномъ селеніи молодой и видный паренъ вздумалъ жениться. Понравилась ему дѣвка и онъ ей; посватался онъ. Родители согласились и назначили день свадьбы. Паренъ готовился къ свадьбѣ, израсходовался, и вдругъ получилъ отказъ. Дѣвкѣ приснился сонъ: «когда она выйдетъ за мужъ и будетъ у нея ребенокъ, то играя въ полѣ, упадетъ онъ на жатву, выколетъ себѣ глаза и ослѣднетъ». Сколько ни уговаривали отца и мать невѣсты, они никакъ не согласились на свадьбу. Паренъ махнулъ рукой, назвалъ ихъ глупыми и сказалъ: «пойду по свѣту шататься, и до тѣхъ поръ не возвращусь и не женюсь, пока не найду людей глупѣе этихъ. Взявъ онъ палку, котомку и пошелъ странствовать. Пришелъ онъ въ одну деревню; тамъ на дворѣ стоялъ до того старенькій домикъ, что соломенная крыша на немъ поросла травой. Подлѣ домика сидѣлъ старикъ со старухой и нѣсколько дѣтей и горько плакали надъ мертвымъ телянкомъ. «О чемъ вы плачете, добрые люди?» спросилъ онъ.— «Ахъ, батюшка, приключилось вотъ какое несчастье.... видишь, на крышѣ поросла травица, для того, чтобы она не пропала, мы втащили туда телянка попасться, а онъ упалъ и ушибся до смерти.»—«Вамъ бы слѣдовало, сказалъ паренъ, траву сжать и дать ее телянку, а не таскать его на крышу.» «Спасибо тебѣ, батюшка, за добрый совѣтъ, впередъ такъ и будемъ дѣлать.» Паренъ сказалъ про себя: «вотъ глупые люди», и пошелъ дальше. Проходя чрезъ селеніе, увидѣлъ онъ подлѣ церкви множество собравшагося народа: мужиковъ и бабъ. Спрашиваетъ онъ ихъ: «что вы тутъ, добрые люди, дѣлаете?»—«А вотъ что батюшка, сказали ему, умеръ у насъ въ селеніи богатый мужикъ и, умирая, отказалъ вотъ эту лошадь на церковь; вотъ мы ея туда тащимъ, и никакъ не умудримся втащить.»—«Напрасно вы это дѣлаете. Онъ

отказалъ ее съ тѣмъ, чтобы вы ее продали, а деньги употребили на церковь.» — Мужики согласились и поблагодарили его. Парень опять пошелъ дальше, сказавъ: «вотъ еще глупые люди.» Пройдя нѣсколько верстъ, увидѣлъ онъ новую, только-что выстроенную, избу. Нѣсколько человѣкъ бѣгали изъ избы въ избу съ рѣшетами въ рукахъ. «Что вы дѣлаете, добрые люди?» спросилъ онъ. — «Да вотъ, родимый, состроили мы избушку, да въ ней совѣтъ темно, такъ мы рѣшетами и захватываемъ свѣтъ и носимъ туда». — «Это вамъ не поможетъ. Вы забыли прорубить окна; прорубите ихъ и будетъ свѣтло.» Мужики его послушались, поблагодарили, а онъ пошелъ дальше съ мыслью: «вотъ и опять глупые люди.» Было съ нимъ и еще нѣсколько подобныхъ случаевъ; нашелъ онъ много глупыхъ людей и думалъ уже возвратиться домой. На обратномъ пути подходитъ онъ къ одному большому селенію и видитъ порядочную избу и дворъ. Заглянувъ во дворъ, онъ увидѣлъ тамъ и лошадей, и другую скотинку; вообще примѣтно было довольство; такъ какъ было уже поздно, то онъ вздумалъ попроситься туда на ночь. Встрѣтила его старушка и съ радостью приняла. «У меня, сказала она, старикъ отлучился на два или на три дня, я осталась одна, такъ пожалуй, батюшка, мнѣ будетъ веселѣе. Пригласила парня за столъ и позвала въ избу свинью Хаврюшку. Вотъ поставила она парню шей, а Хаврюшкѣ дала больше чѣмъ ему; парню — каши, а Хаврюшкѣ вдвое; потомъ положила подушку и уложила Хаврюшку спать. Парень смотрѣлъ на все это и удивлялся. — «Что это, говоритъ онъ, бабушка, ты такъ возишься со свиньей?» — «Да вотъ, видишь ли, родимый, Богъ насъ съ старикомъ надѣлилъ и достаткомъ, и всѣмъ, да не далъ намъ дѣтей, такъ мы со старикомъ и взяли за дочь Хаврюшку. Когда-бы нашелся хорошій человѣкъ, то отдали бы ее за него замужъ. Мы приготовили-таки для нея и приданое, и постель, и сундукъ, дали бы коровку и пару

лошадокъ. Парень смекнулъ въ чемъ дѣло. «Что-жь, говорить онъ, я изъ такого-то села, есть и у меня кое-что, есть и дворикъ, человекъ я не пьющій — отдайте ее за меня: Хаврюшка мнѣ понравилась.» Парень понравился старухѣ и она съ радостью согласилась. — «Гдѣ же будешь вѣнчаться, родимый.» — «Да ужь конечно въ своемъ селѣ, тамъ у меня и родные есть. На другой день рано старушка бѣгала и суетилась, укладывала на возъ постель, сундукъ, уложила и Хаврюшку; дала пару лошадокъ и привязала къ телѣгѣ коровокъ. Парень взялъ все и отправился. «Ну ужь, думаетъ, больше нечего искать глухихъ людей; будетъ, довольно, поѣду домой, съ тѣмъ и отправился. — «Смотри-же родимый, кричала старуха, послѣ свадьбы пріѣзжай къ намъ погостить.» — «Какъ же, бабушка, всенепремѣнно.» Проѣзжалъ онъ чрезъ село, около барскаго дома. Погода была жаркая; на крыльцѣ дома сидѣла барыня, а на дворѣ ходила огромная свинья съ поросятами. Парень привязалъ лошадей около двора, подошелъ къ барынѣ, поклонился ей въ ноги и говорить: «вотъ, барыня, я изъ такого-то села, женился на свинкѣ Хаврюшкѣ, взялъ ее за себя замужъ у стариковъ, живущихъ подлѣ вашего селенія; взялъ-таки за ней и приданное.» — «Знаю, знаю, сказала барыня, это тѣ самые, что взяли ее къ себѣ вмѣсто дочери.... Такъ ты точно на ней женился?... Ахъ, какъ это смѣшно....» — «Да вотъ, барыня, свинка-то, что ходитъ по двору, приходится тетушкой моею Хаврюшкѣ, такъ прошу у вашей милости отпустить ее на свадьбу.» — Барыня еще больше разсмѣялась. «Изволь, другъ мой, съ удовольствіемъ.» — «Да ужь если можно, сударыня, такъ отпустите ее съ дѣточками.» — «Изволь, изволь, мой милый, послѣ свадьбы привози тетушку, да пріѣзжай съ женой у нея погостить.» — Парень поблагодарилъ барыню, забралъ тетушку съ дѣтками и былъ таковъ. Черезъ часъ, или черезъ два, возвратился баринъ. Онъ куда-то ѣздилъ вер-

хомъ и засталъ барыню въ самомъ веселомъ расположеніи духа.—«Чему ты, душа моя, смѣешься?» спросилъ баринъ.— «Какъ же, другъ мой, не смѣяться представь себѣ: не давно проѣзжалъ тутъ видный парень, изъ такого-то села, женился онъ на свиньѣ Хаврюшкѣ нашего сосѣда, взявъ за нею довольно въ приданное, и какъ наша большая свинья, говоритъ онъ, приходится тетушкой Хаврюшкѣ, то выпросилъ ее у меня къ себѣ на свадьбу, такой дуракъ.»—«Ахъ, ты глупая, глупая,—вскричалъ баринъ.—Какъ можно, чтобы человѣкъ женился на свиньѣ?... Это долженъ быть какой-нибудь мошенникъ, онъ тебѣ наговорилъ разнаго вздора, а ты и повѣрила.... По какой онъ поѣхалъ дорогѣ?... Я тотчасъ его догоню....» Барыня указала дорогу и онъ поскакалъ за нимъ. Парень, зная за собою грѣхъ, ѣхалъ и осматривался назадъ. Подъѣзжая къ лѣсу, завидѣлъ онъ скакавшаго позади барина. Парень подумалъ, что вѣрно это за нимъ гонятея, скорѣе въѣхалъ въ лѣсъ и тамъ, въ сторонѣ отъ дороги, въ чащѣ привязалъ къ дереву лошадей со свиньями, а самъ вышелъ на дорогу и сталъ подъ наклонившейся березой. Подскакалъ баринъ и прямо къ нему. «Что, говорить, ты дѣлаешь, мужичекъ, и давно ли здѣсь?»—«Да вотъ, баринъ, приказано мнѣ поддерживать березу, чтобы она не свалилась.»—«Не видаль ли ты проѣхавшаго мужика на парѣ лошадей со свиньями.»—«Какъ же, баринъ. Вотъ онъ поѣхалъ по этой дорогѣ.»—«Мнѣ нужно его догнать», говорить баринъ.—«Наврядъ ли, баринъ, догонишь его.... Лѣсъ густой, надо поворотить направо, потомъ налево, тамъ оврагъ и болото, а тамъ нужно поворотить опять.»—«Какъ же быть.... Ступай со мной, показывай дорогу!»—«Съ радостью пошелъ бы, да нельзя,—приказано поддерживать березу, чтобъ она не упала.»—«Ну такъ садись на мою лошадь и догоняй его, а я за тебя буду поддерживать березу. Вотъ еще тебѣ и на водку.» Парень сѣлъ на лошадь, потомъ отвязалъ своихъ лошадей и

уѣхалъ, оставивъ барина подъ березой. «Ну, сказалъ онъ себѣ, довольно я насмотрѣлся на глухихъ людей, не только изъ нашего брата—простоты, но и изъ барей.» Потомъ онъ возвратился домой и женился.

Другая сказка слѣдующаго содержанія. Въ одномъ селеніи былъ священникъ. Къ его приходу причислена была деревенька, находившаяся верстахъ въ трехъ или четырехъ отъ села, въ лѣсу. Батюшка поѣхалъ туда съ дьячкомъ на обѣдъ къ богатому мужику. Тамъ они подпили порядкомъ: дьячокъ—хорошо, а батюшка еще лучше. Несмотря на все то, они отправились домой. Батюшка не успѣлъ выѣхать изъ деревни, какъ заснулъ. Дьячокъ замѣтилъ это, и чтобы не потерять батюшку, всталъ и привязалъ его веревкой къ телѣгѣ. Ъхали они потихоньку лѣсомъ; батюшка спалъ, а дьячокъ дремалъ. Вдругъ вышелъ изъ лѣсу медвѣдь и напалъ на лошадь. Дьячокъ, перепугавшись, соскочилъ съ телѣги, убѣжалъ и спрятался въ лѣсу, оставя спящаго батюшку на телѣгѣ. Медвѣдь, съѣвши лошадь, зашелъ какъ-то въ оглобли и облизывалъ около хомута лошадиный потъ, до котораго медвѣди большія охотники. Въ это время батюшка проснулся и съ просонковъ крикнулъ:—«Ну, что сталъ,—пошолъ!...» Медвѣдь, испугавшись крика, попалъ головой въ хомутъ и потащилъ батюшку. Сперва онъ съ испугу бѣжалъ, а потомъ пошелъ потише. По дорогѣ замѣтилъ медвѣдь на огромной соснѣ улей съ пчелами; послѣ сытнаго обѣда вздумалось ему полакомиться медкомъ, онъ и полѣзъ туда съ телѣгой и батюшкой и началъ таскать изъ улья медъ. Въ это время подошелъ хозяинъ пчель, и, узнавши батюшку, въ удивленіи вскричалъ: «Эге, батюшка, худо дѣлаешь: не только самъ полѣзъ, да еще съ возомъ подѣхалъ.» Всѣмъ извѣстно, что медвѣди боятся крику. Нашъ медвѣдь, также испугавшись крику, упалъ съ сосны. Къ счастью, телѣга съ батюшкой зацѣпилась за вѣтви, а медвѣдь выпалъ изъ хомута и убилися. Тогда мужикъ осво-

бодилъ батюшку. У батюшки уже и хмѣль прошелъ и онъ разсказалъ мужику всю правду. Мужикъ подошелъ къ батюшкѣ подъ благословеніе, а съ медвѣдя снялъ шкуру.

Всѣ сказки были у него въ подобномъ родѣ. Этихъ сказокъ у него былъ, кажется, неисчерпаемый источникъ. Сказочникъ этотъ былъ раненъ подъ Малоярославцемъ, и съ тѣхъ поръ мы потеряли его изъ виду. Глупыя эти сказки мы тогда слушали съ удовольствіемъ и много смѣялись. Надо однако жъ сказать правду, что хотя сказки его были смѣшны, но большею частью были очень неблагопристойны. На это тогда не обращали большаго вниманія, потому что было въ обыкновеніи, не только между солдатами, но даже между офицерами и генералами, браниться неприличными словами и говорить всякія мерзости. Это было до того развито, что между офицерами ходили по рукамъ скверные стихи извѣстнаго тогда пьяницы Баркова. Кажется, это была единственная черта, за которую можно было упрекнуть тогдашнее общество. Майоръ-лифляндецъ особенно возставалъ противъ этой привычки и часто говорилъ: «эти мерзости приняты въ Россіи отъ французовъ, и Богъ наказываетъ теперь за то Россію чрезъ тѣхъ же самыхъ французовъ.»

Зашла какъ то у насъ рѣчь о знакомыхъ, родныхъ и семействахъ. Женатыхъ офицеровъ въ нашемъ обществѣ не было, но у всѣхъ были родные и знакомые. Многіе говорили: «Хорошо намъ здѣсь, но что то дѣлается въ нашихъ семействахъ. Вѣрно тамъ думаютъ и заботятся о насъ больше, чемъ мы о нихъ?» По разспросамъ оказалось, что съ самого начала кампаніи никто изъ насъ не писалъ домой писемъ. Тутъ же мы рѣшили всемъ написать письма и отправить ихъ чрезъ главную квартиру. Какъ рѣшили, такъ и сдѣлали; въ послѣдствіи мы узнали, что письма наши получены были исправно.

Новости разносились съ быстротою неимоверною, словно

по телеграфу, особенно новости подъ именемъ «секретныхъ.» Если бывало кто изъ адъютантовъ или ординарцевъ прослышигъ что нибудь въ главной квартирѣ, то ужъ непременно спѣшить сообщить по секрету своимъ пріятелямъ; тѣ, тоже по секрету, сообщаютъ дальше,—почему секретныя новости разносились скорѣе обыкновенныхъ.

Стоять подъ Тарутинымъ было хорошо и привольно; провизіи было достаточно; отдыхъ пріятный и выгодный. Не было заботъ ни о квартирѣ, ни о столѣ, ни объ одеждѣ. Шили мы себѣ—кто шинель, кто плащъ, кто бурку—изъ простаго крестьянскаго сукна. Въ этихъ нарядахъ офицеры расхаживали, и какъ будто еще тщеславились простотой и пренебреженіемъ къ нарядной одеждѣ. У меня была шинель довольно новая, но до Тарутина я ее истаскалъ до того, что принужденъ былъ отрѣзать большой воротникъ и изъ него сдѣлать рукава. Подъ Тарутинымъ сдѣлалъ я себѣ плащъ изъ простаго сукна. Спавши на лафетѣ, однажды обронилъ я шпагу и вмѣсто ея прицѣпилъ какую-то саблю. Такъ было со многими изъ насъ. Киверовъ мы никогда не надѣвали. Тогда пѣхотнымъ и артиллерійскимъ офицерамъ не полагалось носить усы, но многіе по своей фантазіи ихъ запустили. Начальство смотрѣло на все это снисходительно. Оно заботилось больше о томъ, чтобы всѣ были довольны и веселы. Часто проѣзжали по бивуакамъ нашъ дивизіонный генераль Капцевичъ и самъ корпусный генераль Дохтуровъ. Солдаты какъ были такъ и оставались: кто въ рубашкѣ, кто на босу ногу; даже начальство требовало, чтобы всѣ оставались спокойными. Случалось, что генералы проѣзжали во время нашего обѣда, или вечерняго чаю; мы обыкновенно поднимались, въ чемъ были. Почти всѣ они говорили: «Не безпокойтесь, господа, продолжайте ваше занятіе.» Иногда о чемъ-нибудь поговорятъ или спросятъ, большею частію, «довольны-ли вы? довольны-ли ваши люди?» Эти повидимому, вольно-

сти нисколько не нарушали порядка и дисциплины, которая строго наблюдалась. Примѣры нарушенія дисциплины были очень рѣдки. Проступки нашихъ солдатъ происходили больше отъ излишняго употребленія водки и отъ привычки попользоваться чужимъ добромъ. Тутъ же въ лагерѣ для этого не было никакого соблазна. Водку давали умѣренно, а красть нечего было. Дѣла было не слишкомъ много, фуражировки производились по очереди и не были обременительны. Мастерскія были расположены подлѣ нашего пріюта, запаснаго лафета. Работы, подѣ небольшими навѣсами, производились успѣшно, такъ какъ все было на виду. Всякій понималъ, что еще предстоятъ трудные походы, а потому всѣ были одушевлены и работали усердно и ревностно, безъ понужденій. На виду-же фейерверкеры обучали вновь поступившихъ солдатъ приемамъ при орудіяхъ, за чѣмъ особенно смотрѣлъ подпоручикъ-шалунъ; онъ былъ въ корпусѣ ротнымъ фельдфебелемъ, зналъ хорошо строй и имѣлъ охоту этимъ заниматься. Погода все время стояла хорошая, лошади поправлялись, къ арміи подходили подкрѣпленія. Всегда была веселая и пріятная компанія. Расхаживали по бивуакамъ, такъ какъ вездѣ были знакомые. Не было повода кому-либо завидовать, потому что всѣ отъ старшаго до младшаго, отъ богатаго до бѣднаго, были въ одинаковомъ положеніи, съ небольшими исключеніями. Несмотря на все это, начали скучать и говорить: «Что жъ это мы стоимъ здѣсь на одномъ мѣстѣ, а французы прохлаждаются въ Москвѣ? Пора бы ихъ побезпокоить!» Особенно Мюратъ съ своимъ авангардомъ былъ какъ бѣльмо на глазу. За нѣсколько дней до движенія противъ него, говорили: «Не только Мюрата можно разбить, но и всѣхъ французовъ, что съ нимъ, забрать живьемъ. Видно, нашъ старикъ фельдмаршалъ задремалъ.» На это возражали: «фельдмаршалъ не дремлетъ, а не хочетъ будить французовъ, и выжидаетъ, пока сами проснутся. Мы направляемся, а

французы слабѣють.» Хотя это была и правда, но она не совѣтъ успокоивала умы.

Наконецъ, 5-го октября, приказано было готовиться къ выступленію противъ французовъ. Сами ли главнокомандующіе надумались или до нихъ дошли слухи объ общемъ желаніи, было не извѣстно, но только всѣ чрезвычайно обрадовались. Нога моя почти поправилась, отзывалась боль не много въ колѣнѣ; я еще не много прихрамывалъ, однако рѣшился идти вмѣстѣ съ ротою. Бѣльшаго дѣла, какъ подъ Бородинымъ, не ожидали. Полагали, что у Мюрата тысячъ около сорока, а это считали за ничто, и шли какъ на вѣрную добычу. Взяли для лошадей на лафеты фуража, а людямъ велѣли взять сухарей и заготовить говядины. Вечеромъ тронулись въ походъ. Нашему корпусу со всей артиллеріей пришлось переходить черезъ рѣчку, по мосту, устроенному на правой сторонѣ Тарутина, и какъ мостъ былъ дурно устроенъ, то артиллерія переправилась съ затрудненіемъ; у меня, напримѣръ, провалился ящикъ; на этотъ случай наѣхалъ генералъ Капцевичъ и тутъ же распушилъ меня. Когда перешли мостъ и двинулись впередъ, то приказано было соблюдать тишину и не высѣкать огня для трубокъ. Приблизившись къ своимъ ведетамъ, остановились подлѣ лѣска, находившагося въ правой сторонѣ отъ насъ. Лошадямъ задали корму, люди поѣли и расположились ночевать. Пѣхотные составили ружья въ козлы, легли какъ шли, въ колоннахъ, одинъ подлѣ другаго; мы тоже расположились, какъ попало. Погода была хорошая, но холодноватая, особенно къ утру и мы порядочно продрогли. Какъ только начало разсвѣтать, слышались въ отдаленности, правѣ отъ насъ пушечные выстрѣлы. Мы поднялись и построились: пѣхота въ колонны, а артиллерія съ боку колоннъ; Исковскій и Московскій полки находились во главѣ колонны, а я съ своими четырьмя орудіями при послѣднемъ. Простояли въ такомъ

видѣ довольно долго. Когда выстрѣлы съ правой стороны начали приближаться, тогда мы тронулись впередъ. Въ сторонѣ, откуда раздавались выстрѣлы, за лѣсомъ, мы ничего не видѣли, а съ лѣвой стороны, по открытому, ровному мѣсту, видны были еще двѣ наши большія колонны. Эти колонны и наша двигались впередъ, какъ будто равнялись. Мы проходили мѣсто между французскими и нашими ведетами, куда никто не заходилъ. Такъ какъ тамъ, при вступленіи еще нашемъ подѣ Тарутино, была стычка, то валялось нѣсколько не убранныхъ, распухшихъ и почернѣвшихъ труповъ, въ мундирахъ, больше французскихъ; валялись ружья, кавалерійскія каски и сабли. Одну саблю безъ ноженъ я поднялъ, разсматривалъ ее и махалъ ею; только-что хотѣлъ я бросить ее, какъ попались мнѣ ножны; я примѣрилъ ихъ къ саблѣ, и они какъ разъ пришлись по ней: я приказалъ привязать эту саблю къ орудію; она и теперь хранится у меня. Подошли мы къ какому-то ручью; пѣхота перешла черезъ него безъ затрудненія, но съ артиллеріей переходить было трудно, потому что берега и самый ручей были топки, а подъемъ на другой берегъ довольно крутъ. Отвязали фашины, которыхъ возили по двѣ при каждомъ ящикѣ, исправили съ помощью ихъ переправу и, хотя съ затрудненіемъ, переправились. Пушечные выстрѣлы отдавались отъ насъ. Выбравшись на возвышенность, мы увидѣли дымъ отъ выстрѣловъ. Сойдясь съ своей пѣхотой, остановились въ прежнемъ порядкѣ. Впереди насъ было ровное мѣсто, на немъ лежало много убитыхъ и раненыхъ нашихъ егерей. Раненые рассказывали, что они шли въ стрѣлкахъ, на нихъ изза лѣска, что въ лѣвой сторонѣ, напала французская конница, они не успѣли выстроиться въ каре, и потому изъ нихъ много перебито. Лежало тутъ довольно и французскихъ кавалеристовъ; нѣкоторые изъ нихъ были въ латахъ и шашакахъ, съ конскими хвостами и въ огромныхъ ботфортахъ.

Солдаты, какъ пѣхотные, такъ и наши, снимали съ французовъ мундиры, а больше интересовались сапогами. Въ одномъ мѣстѣ лежалъ большаго роста кавалеристъ; голова у него была разбита, такъ что мозгъ былъ снаружи, но онъ еще дышалъ и хрипѣлъ. Несмотря на то, два солдата держали его подъ руки, а другіе тянули съ него сапоги. Еще обратилъ на себя мое вниманіе видный и красивый мущина, въ одной только очень тонкой и чистой рубашкѣ, которую еще не успѣли съ него снять. Примѣтно было, что это какой-нибудь значительный офицеръ. Доктора осматривали и перевязывали раненыхъ какъ своихъ, такъ и французовъ, а нѣсколько священниковъ исповѣдывали. Солдаты, доставъ шанцевыя лопаты, копали не глубокия ямы и складывали туда убитыхъ. Стояли мы тутъ, пока время начало склоняться къ вечеру. Выстрѣлы далеко отдавались впереди, а потомъ затихли. Преслѣдовавшія французовъ войска начали возвращаться. Отъ артиллеріи потребовали нѣсколько лошадей, чтобы забрать, отбитые у французовъ, зарядные ящики; такъ какъ ихъ не могли увезти всѣ, то остальные, собравъ въ кучу, зажгли, и они съ трескомъ взлетѣли на воздухъ.

Почти смерклося, когда приказано было идти назадъ въ лагерь. Подошли мы къ топкому ручью; пѣхота перешла и пошла прямо, а мы, не рѣшившись въ темнотѣ переправляться, вздумали обходить; шли не по дорогѣ, потеряли направленіе, пришли къ какому-то оврагу и долго отыскивали мѣсто, гдѣ бы переправиться. Случайно попали на тропишку и по ней уже шли наугадъ, и, однакожь, такъ счастливо, что прямо пришли къ Тарутину, хотя и очень поздно. Въ этомъ дѣлѣ нашей ротѣ, да и всему нашему корпусу не удалось сдѣлать ни одного выстрѣла.

Отдохнувши, на другой день собрались и разсуждали о вчерашнемъ сраженіи. Побѣда, повидимому, была полная:

взяли плѣнныхъ, довольно орудій и много зарядныхъ ящиковъ, гнали нѣсколько верстъ непріятелей. Но побѣдой этой были недовольны и считали ее хуже всякаго пораженія: шли забрать французовъ, а дѣло не соотвѣтствовало тому, чего ожидали. Припоминали прошедшія дѣла съ самага начала кампаніи и разбирали ихъ: подъ Витебскомъ графъ Остерманъ съ графомъ Паленомъ хотя и отступали, но достигли цѣли—соединенія корпусовъ; генераль Раевскій хотя не пробился въ Могилевъ подъ Салтановкой, но сражался храбро и не успѣлъ въ своемъ намѣреніи единственно по малочисленности бывшихъ съ нимъ войскъ; генераль Невѣровскій подъ Краснымъ потерялъ нѣсколько орудій, повидимому, былъ разбитъ, но геройски отступилъ и спасъ ввѣренный ему отрядъ; генераль Раевскій первоначально отстоялъ Смоленскъ, а потомъ генераль Дохтуровъ и сотрудникъ его генераль Коновницинъ отчаянно защищали его и оставили только по приказанію главнокомандующаго; подъ Валутинымъ отличились генералы Тучковы, и имя ихъ сдѣлалось славнымъ; подъ Бородинымъ всѣ наши генералы, отъ старшаго до младшаго, покрыли себя вѣчною славою, хотя, при всѣхъ успѣхахъ, и не разбили непріятелей, а подъ Тарутинымъ не только не достигли цѣли, но и дѣйствовали какъ-то безпорядочно. Особенно, когда мы узнали, что войска, назначенныя въ обходъ, не поспѣли во-время къ своимъ мѣстамъ, а другія шлялись и блуждали по лѣсу, то негодованію нашему не было предѣловъ. «Какъ же, говорили, предпринимая такое дѣло и походъ въ темную ночь, не узнали предварительно дорогъ? Да по нимъ слѣдовало бы заблаговременно разставить людей въ видѣ проводниковъ.... На простыхъ маневрахъ такіе промахи были бы неизвинительны, а тутъ вели тысячи людей на жертву.... Потеряли генерала Баггута, всѣми любимаго и уважаемаго за его храбрость и доброту....» Казалось, онъ въ 12-мъ году нигдѣ особенно не дѣй-

ствовалъ, но пользовался всеобщимъ къ нему расположеніемъ.

Не могу объяснить, по какому поводу, но всё эти обвиненія относили къ генералу Бенигсену. «Онъ, говорили, самъ вызвался на это дѣло, ему поручено было выполнение его, и онъ такъ худо распорядился.....» Съ этого времени обнаружилось въ арміи явное нерасположеніе къ Бенигсену. Припоминали его командованіе въ Прусской кампаніи. Въ ней вычисляли только его ошибки, а дѣла хорошія забывали. Припоминали, когда армія холодная и голодная тащилась, утопая въ грязи, а онъ объѣзжалъ ее въ коляскѣ, развалившись на подушкахъ, и объ арміи нисколько не заботился. Нѣкоторые возражали, что Бенигсенъ былъ такого характера, что мало думалъ и собственно о себѣ: былъ то, что ему подавали, надѣвалъ тоже. На это говорили: «о себѣ, пожалуй, не думай,—на то добрая воля,—а о вѣрнныхъ людяхъ долженъ заботиться». Вообще, когда кто-либо изъ значительныхъ генераловъ особенно гдѣ-нибудь отлится, то вспоминали прежнія его такія же дѣла и поступки; когда же потерпѣть неудачу, то вычисляли всё прежнія неудачи. Такъ случилось и съ Бенигсеномъ.

При арміи находился какой-то англичанинъ, высокаго роста, съ большимъ краснымъ носомъ и такимъ же краснымъ, угреватымъ лицомъ. Говорили, что это англійскій комиссаръ Вильсонъ. Этотъ англичанинъ, какъ стало въ послѣдствіи извѣстно, интриговалъ противъ фельдмаршала и вмѣстѣ съ генераломъ Бенигсеномъ, при всякомъ случаѣ, осуждалъ его за осторожность и медленность дѣйствій. Имъ, какъ иностранцамъ, видно, не жаль было русской крови, за то ихъ и не любили.

Всѣ эти и подобныя имъ сужденія и разсужденія принадлежали старшимъ какъ штабъ, такъ и оберъ-офицерамъ; мы

же, молодые, только слушали и рѣдко отзывались, и то больше съ вопросами.

До настоящаго времени погода была хорошая, а тутъ наступили холода и сумрачные дни, что еще больше увеличивало нашу досаду и дурное расположеніе духа.

Послѣ сраженія, я въ первый разъ поѣхалъ на фуражировку. Ѣхали долго, я полагаю, верстѣ тридцать или болѣе; по ближнимъ селеніямъ все было выбрано. Въ большомъ какомъ-то селѣ нашли мы немолоченные овсяные снопы, и когда съ ними тронулись назадъ, то почти смерклося. Ночь настала темная; мы сбились съ дороги. Спросить было не у кого, и мы ѣхали нѣсколько времени, сами не зная куда. Наконецъ, на довольно большомъ разстояніи, въ лѣсу, увидѣли мы блескъ огня, и я поѣхалъ верхомъ узнать и разспросить о дорогѣ. Не доѣзжая огня, въ лѣсу раздался лай собакъ, а потомъ и крикъ: «кто такой ѣдетъ?»—И противъ меня выступило человѣка три или четыре здоровыхъ мужиковъ съ огромными дубинами. На мой вопросъ о дорогѣ въ лагерь мнѣ сказали: «Пожалуй-ка, батюшка, къ огню».—Тамъ было множество разнаго народа: и стараго, и малаго, и мушинъ, и женщинъ. Тутъ же стояли повозки, и между ними лошади и рогатый скотъ. Люди ходили, сидѣли и лежали у огней. Сначала окружили меня, смотрѣли на меня искоса и разсматривали, какъ-будто желая увѣриться, правду ли я говорю; потомъ пригласили присѣсть къ огню и предлагали поѣсть. Спрашивали: «что это, батюшка, дѣлается у насъ на Руси, и что будетъ дальше?»—Я рассказывалъ имъ, какъ мы ходили на французовъ, побили ихъ и прогнали до Москвы; что фельдмаршалъ Кутузовъ собирается идти на Москву и выгнать оттуда французовъ. При этомъ мужики и бабы крестились и говорили: «Дай-то, Господи, Царь Небесный! А вы, батюшка, порадѣйте... Вся наша надежда на васъ,—довольно уже мы пострадали. Слышно

было намъ, какъ что-то гудѣло; посылали провѣдывать, но всего-то не могли взять въ толкъ....» Дали мнѣ проводниковъ, которые и вывели насъ на дорогу въ лагерь.

VIII.

Движеніе отъ Тарутина до Малоярославца и сраженіе при немъ.

10-го Октября, рано по утру, нашъ 6-й корпусъ выступилъ въ походъ. Разнесся слухъ, что французы оставили Москву и идутъ на Калугу, по новой Калужской дорогѣ. Нашему корпусу приказано было идти и стать на перерѣзъ французамъ. Выступая изъ-подъ Тарутина противъ Мюрата, мы ожидали большого дѣла; а идя на перерѣзъ французамъ, ожидали жаркаго и упорнаго сраженія, что и оправдалось въ послѣдствіи. Погода настала осенняя, мрачная. Подъ вечеръ пришли мы къ селенію Аристову и расположились при немъ. Пошелъ дождь; не смотря на то, разложили огни и варили пищу. Тутъ же узнали, что французы уже заняли Боровскъ, и мы, на другой день рано, тронулись къ Малоярославцу, чтобы тамъ предупредить непріятеля. Шли почти весь день, сдѣлали привалъ и опять потянулись передъ вечеромъ; цѣлую ночь были въ движеніи. Около полуночи остановились въ какомъ-то селеніи, стали на дорогѣ, какъ шли, простояли нѣсколько часовъ, и это время показалось намъ чрезвычайно скучнымъ. На рѣчкѣ, протекавшей въ селеніи, былъ испорченъ мостъ, мы его поправляли; потомъ переправились черезъ рѣчку и опять пошли. Передъ разсвѣтомъ остановились на дорогѣ въ такомъ-же порядкѣ, въ какомъ шли. Однажды, во время этого перехода, я сидѣлъ на лафетномъ ящикѣ, какъ вдругъ проѣзжаетъ мимо меня кто-то верхомъ и спрашиваетъ:—«Какая это рота?»—Я отвѣтилъ.—«Кто ко-

мандуетъ ротой?»—Хотя было и темно, но я замѣтилъ, что за спрашивающимъ ѣдетъ порядочная свита, подумалъ, что это должно быть значительное лицо, спустился съ лафета, подошелъ къ нему и сказалъ, что ротой прежде командовалъ подполковникъ, раненый подъ Бородинымъ, а теперь штабсъ-капитанъ. Послѣ этого неизвѣстный спросилъ меня: при какихъ полкахъ состоитъ рота, къмъ я служу, давно ли произведенъ въ офицеры, откуда поступилъ? Онъ даже спросилъ меня: сколько мнѣ лѣтъ и откуда я родомъ? Въ подобныхъ вопросахъ и отвѣтахъ, прошло, я думаю, полчаса времени; потомъ онъ кивнулъ мнѣ головою и уѣхалъ. Мнѣ любопытно было узнать, кто это такой, для чего я и обратился къ ѣхавшему сзади казаку; тотъ сказалъ мнѣ, что это генералъ Дороховъ. Я съ нимъ говорилъ довольно свободно, поэтому началъ припоминать, не сказалъ ли чего лишняго, потомъ подумалъ, что если бы ему не нравились мои отвѣты, то онъ не сталъ бы со мною и говорить. Дорохова я никогда не видалъ прежде, но имя его, какъ отличнаго генерала, было всемъ извѣстно. Вниманіе его ко мнѣ чрезвычайно мнѣ польстило.

Остановились вблизи Малоярославца, не доходя до него. Только-что начала заниматься заря, отрядили туда егерскіе полки и отъ пѣхотныхъ полковъ стрѣлковые взводы. Вскорѣ открылась ружейная пальба. Въ Малоярославцѣ ночевали уже французы. Полки Либавскій и при немъ поручикъ съ четырьмя орудіями и Софійскій съ штабсъ-капитаномъ и четырьмя орудіями своротили направо и пошли къ городу; Псковскій же полкъ и Московскій, при которомъ я находился съ своими четырьмя орудіями, пошли прямо, вступили на Калужскую дорогу и стали на ней противъ заставы: Псковскій на лѣвой, а Московскій на правой сторонѣ, въ виду и близко города; при насъ находился и нашъ дивизионный командиръ, генералъ Кацевичъ. Въ городѣ продолжалась ружейная пе-

рестрѣлка; выстрѣлы то удалялись отъ заставы, то приближались; пули ружейныя залетали къ намъ и свистѣли. Открылась съ нашей стороны пушечная пальба съ правой стороны, потомъ съ лѣвой стороны стрѣляла наша батарейная артиллерія по мосту, черезъ который непріатели проходили въ городъ. Съ возвышенностей за городомъ и рѣкой начали стрѣлять изъ орудій и французы; сначала стрѣляли по нашимъ батареямъ, потомъ начали бросать гранаты и въ полки, при которыхъ я находился. Такъ-какъ они стрѣляли по насъ съ отдаленной позиціи, то гранаты большею частью разрывало въ воздухъ, но падали онѣ около насъ больше осколками, которыми убило и ранило нѣсколько людей и лошадей. Долго мы стояли подъ выстрѣлами, ничего не дѣлая, и завидуя находившимся впереди: по крайней мѣрѣ тамъ хотя убьютъ или ранятъ, такъ не даромъ; къ тому-же было мокро и холодно, огней не велѣно было раскладывать, да и ѣсть нечего было: наши съѣстные припасы были въ одномъ мѣстѣ, при штабс-капитанѣ, я же, отдѣлившись, ничего съ собою не захватилъ, почему и взялъ у солдатъ нѣсколько сухарей и грызъ ихъ. Время подходило къ обѣду, когда мой деньщикъ, по распоряженію нашего дядьки, принесъ мнѣ полный котелъ каши съ курами, которыхъ солдаты достали гдѣ-то въ деревнѣ. Кушанья принесено было столько, что я съѣлъ самую незначительную часть, а остальное отдалъ фейерверкерамъ. Когда поѣлъ, то, какъ будто, согрѣлся и закурилъ трубку. Въ это время подошла къ намъ батарейная рота, стрѣлявшая влѣво отъ насъ по мосту, возвращаясь назадъ. Въ ней встрѣтилъ я офицера, съ которымъ вмѣстѣ учился. вмѣстѣ поѣхалъ на службу въ Петербургъ и въ одно время произведенъ въ офицеры. Обрадовались мы встрѣчѣ, но мнѣ завидно было, что онъ идетъ уже съ дѣла, а мы стоимъ, ничего не дѣлая. Подошелъ къ намъ той-же роты офицеръ; онъ смотрѣлъ дико, помутившимися глазами, и былъ совсѣмъ

разстроены, и тутъ-же началъ твердить: «въ первый и послѣдній разъ въ дѣлѣ, никогда, никогда больше не пойду, что бы со мной ни дѣлали». Сначала смотрѣли мы на него съ презрѣніемъ, а потомъ съ жалостью. Послѣ никогда не случилось мнѣ встрѣтить ничего подобнаго. Во все это время гранаты летали къ намъ безпрестанно, а впереди шла пальба пушечная и ружейная. Часу, можетъ быть, въ первомъ, съ французской стороны канонада очень усилилась, ружейная пальба быстро подвигалась къ заставѣ. Наши войска показались, отступая изъ города по дорогѣ и по сторонамъ, а вслѣдъ за ними выходили французы и выстраивались. Генераль Капцевичъ приказалъ Московскому полку двинуться впередъ, чему я обрадовался, подумавъ: пусть лучше убьютъ въ дѣлѣ, чѣмъ на мѣстѣ,—и скомандовалъ: «батарея впередъ!» Генераль Капцевичъ подхватилъ: не надо артиллеріи, пусть артиллерія остается на мѣстѣ!» Это меня сконфузило, я подошелъ къ нему и только сказалъ: «позвольте, ваше превосходительство», какъ онъ крикнулъ: «не надо артиллеріи! Я сказалъ не надо, пусть артиллерія остается—и ту заберутъ, что тамъ»... По своей неопытности, я еще не видѣлъ никакой опасности, почему и обратился къ стоявшему подлѣ меня майору, батальонному командиру, и просилъ его взять меня съ собою. Онъ подошелъ къ генералу Капцевичу и сказалъ: «ваше превосходительство! Позвольте намъ взять артиллерію: гдѣ же мы будемъ, что допустимъ погибнуть своимъ орудіямъ?» и тогда Капцевичъ позволилъ взять артиллерію, прибавивъ: «берите, только осторожнѣе».... Баталіоны двинулись скорымъ шагомъ и немного разошлись. Я и со мною баталіонный командиръ, большаго роста молодчина, понуждали лошадей ѣхать рысью, и хотя онѣ были утомлены да и орудія тяжело было везти по пашнѣ, но все-таки мы довольно ушли впередъ отъ баталіоновъ и, не доѣзжая Малоарославца, заняли позицію на лѣвой сторонѣ

Калужской дороги, противъ самаго выѣзда. Наша пѣхота все отступала отъ города, отстрѣливаясь, а французы въ большихъ массахъ выходили изъ города и строились въ колонны. Я командовалъ: «съ передковъ долой, передки отъѣзжай!» И только-что лошади поворотили, какъ французы сдѣлали по насъ изъ ружей залпъ. Залпъ пришелся больше по ѣзовымъ и лошадямъ, прикрывавшимъ собою людей при орудіяхъ. Нѣсколько ѣзовыхъ было ранено, а больше лошадей, одна изъ нихъ и совсѣмъ упала; произошло разстройство. Какъ ни были утомлены лошади, но ихъ запрягали, и онѣ перепутались въ построюкахъ. Я приказалъ заряжать орудія картечью, а самъ бросился приводить въ порядокъ лошадей; только что привелъ ихъ въ порядокъ, какъ французы устрѣмились на насъ, а тутъ подошли и наши батальоны. Повѣривъ прицѣлъ, командовалъ я первое «пали», но у канонира, стоявшаго съ пальникомъ, до того дрожала рука, что онъ не могъ фитилемъ попасть въ затравку. Это былъ видный изъ себя солдатъ, вновь къ намъ поступившій и находившійся въ первый разъ въ дѣлѣ. Батальоны же, поравнявшись съ орудіями, остановились и смотрѣли на насъ; мнѣ стало и досадно, и стыдно. Я вырвалъ у канонира пальникъ, и оттолкнувъ его, смѣло приложилъ пальникъ къ затравкѣ. Выстрѣлъ былъ удачный, и такъ какъ непріатели были довольно близко, то онъ уложилъ цѣлый рядъ французовъ; потомъ второй, третій, четвертый выстрѣлъ и такъ далѣе. Всѣ выстрѣлы были очень мѣткіе, французовъ вали цѣлыми рядами и у нихъ тотчасъ же произошло замѣнательство. Видя это, пѣхотные, не только офицеры, но и солдаты, кричали: «Браво!—Славно!—Вотъ такъ ихъ!—Еще задай!—Хорошенько ихъ!—Ай, артиллеристы, ай, молодцы!» при этихъ возгласахъ люди мои раскуражились и работали дѣйствительно молодцами: живо и мѣтко; мнѣ оставалось только говорить: «не торопись, не суетись», указывать направленіе и изрѣд-

ка повѣрять ихъ. Французы подались назадъ, частью по дороге а частью начали прыгать черезъ заборы и плетни, гдѣ и засѣли въ прилежавшихъ къ нимъ садахъ и въ находившемся тамъ-же, довольно большомъ двухъ-этажномъ деревянномъ домѣ, и начали осыпать насъ пулями. Въ это время подъѣхалъ конно-гвардейской артиллеріи полковникъ Козень съ четырьмя орудіями, поставилъ ихъ въ промежутокъ между моими, такъ-какъ другой баталіонъ полка и два мои орудія были немного лѣвѣе, онъ оставилъ при конныхъ орудіяхъ офицера, а самъ уѣхалъ. Стали дѣйствовать восемь орудій, и французовъ почти прогнали какъ изъ садовъ, такъ и изъ дома, и пули начали уже лѣтать не такъ часто.

Вправо отъ насъ произошла суматоха; сказали, что убили какого-то генерала. Я побѣжалъ посмотреть и узналъ, что несутъ раненнаго генерала Дорохова. Я подошелъ къ нему ближе и началъ всматриваться въ него. Лежалъ онъ блѣдный, на солдатской шинели, и его несли четыре солдата. Припомнилъ я свой утренній разговоръ съ нимъ, и мнѣ стало очень жаль видѣть его въ такомъ положеніи.

Между городомъ и нашей позиціей, въ городѣ, не много въ сторонѣ, находился какой-то кирпичный заводъ. Нашъ полковой командиръ подошелъ ко мнѣ и спросилъ у меня палительныхъ свѣчей, чтобъ зажечь сараи, говоря: «худо будетъ намъ, когда французы еще выйдутъ изъ города, займутъ ихъ и тамъ засядутъ....» Потомъ обратился онъ къ баталіону: «Ну, — сказалъ, — ребята, кто пойдетъ зажигать сараи — тому крестъ!» На эти слова двинулся весь баталіонъ, и онъ самъ уже выбралъ унтеръ-офицера и двухъ солдатъ. Сараи зажгли, и посланные воротились благополучно.

Лѣвѣе отъ насъ, съ французской стороны, раздался пушечный выстрѣлъ, и первымъ ядромъ повалило у меня лошадь; потомъ другой, третій и такъ далѣе, мѣтко попадая въ насъ. Мы обратили туда всѣ наши восемь орудій и на-

чали стрѣлять, съ лѣва же отъ насъ подъѣхала еще батареинная рота нашей бригады, и вскорѣ мы заставили французовъ замолчать.

Въ это время показалась наша армія, на правой сторонѣ отъ насъ, пришедшая изъ-подъ Тарутина. Часть ея отдѣлилась и прошла за нами, на нашъ лѣвый флангъ. Сзади насъ не было уже видно никакихъ войскъ въ резервѣ, всё введены были въ дѣло. Сдѣлай непріятели еще дружный напоръ до прихода арміи—намъ бы не устоять противъ ихъ многочисленности; опоздай нѣсколькими часами наша армія изъ-подъ Тарутина, то они могли бы занять Калужскую дорогу. Непріятели дѣлали еще попытки прорваться; но подкрѣпленія пришли въ пору, и трудно уже было имъ справиться съ нами. Примѣтно было, что французы подъ Малоярославцемъ не такъ бойко и быстро шли, какъ подъ Смоленскомъ и Бородиномъ: тамъ они смѣло шли на наши многочисленныя батареи, а тутъ, какъ будто, ошущью наступали и подавались назадъ отъ нѣсколькихъ картечныхъ выстрѣловъ. Видно, они помнили урокъ, заданный имъ подъ Бородиномъ. Тутъ же отъ ихъ нѣсколькихъ корпусовъ отдѣлались только нашъ 6-ой корпусъ генерала Дохтурова и отрядъ генерала Дорохова. Дѣйствовали уже и подоспѣвшія войска, стрѣляли наши баталіоны московскаго полка, а второй баталіонъ тронулся было въ штыки, но не догнавъ французовъ и возвратился на мѣсто. Время подходило къ вечеру: канонада начала затихать, продолжалась только въ городѣ ружейная перестрѣлка. Гвардейская артиллерія уѣхала, а я остался съ четырьмя орудіями. Въ это же время возвратились, посланные мною за зарядами, первые выстрѣленные ящики.

Въ этотъ день лишь только по утру мы поили своихъ лошадей и дали имъ немного, бывшаго у насъ въ запасѣ на лафетахъ, сѣна. Теперь же я объявилъ полковому командиру, что нужно напоить лошадей еще и послать за фуражемъ.

Онъ посовѣтовалъ мнѣ отправить отъ орудій и ящиковъ лошадей на половину, а остальныхъ оставить на случай ночнаго нападенія. Люди ѣли только одни сухари. Пальба затихла; съ самага полудня началъ показываться въ городѣ дымъ, а въ это время весь городъ былъ въ огнѣ: горѣли дома, горѣли церкви, заревомъ насъ совершенно освѣщало. Разставили впереди цикеты, а остальнымъ людямъ приказано было прилечь. Легли колоннами, какъ стояли, положи головы одинъ на другаго, ружья имѣли каждый при себѣ. Мои люди тоже прилегли, кто куда попалъ. Земля была мокрая и не на чѣмъ было прилечь; я сѣлъ, прислонившись спиною къ колесу орудія, а голову склонилъ на тупицу и такъ задремалъ. Спустя немного времени, поднялась ружейная перестрѣлка, а потомъ изрѣдка и пушечные выстрѣлы; люди повскакивали. При свѣтѣ зарева перестрѣлка продолжалась съ полчаса времени и потомъ затихла; черезъ нѣскольکو времени опять поднялась; при этомъ люди не вставали, и я сидѣлъ у колеса, не подымаясь; перестрѣлка продолжалась довольно долго. Рассказывали, что первая перестрѣлка произошла отъ того, что пробѣжала корова между аванпостными часовыми, подняла шумъ, и началась пальба; вторая отъ того, что нашъ ефрейторъ, разводя часовыхъ, наткнулся на французскаго, тотъ выстрѣлилъ, и опять поднялась стрѣльба. Эти пустые случаи стоили, можетъ быть, сотни чело-вѣкъ съ каждой стороны. Не смотря на перестрѣлку впереди, люди спали, и при этомъ все-таки ранено нѣсколько спящихъ. Я у колеса окончательно заснулъ и спалъ пока продрогъ, что случилось скоро: ночью сдѣлалось порядочно холодно, да къ тому же я весь былъ мокрый.

Пришли лошади съ водопою и привезли сѣна. Лошадей не отпрягали, а оставили въ упряжи, оборотивъ уносныхъ къ дышловымъ головами, а у коренныхъ, везшихъ ящики опустили оглобли и задали имъ корму. Я приказалъ заря-

дить орудія картечью, а часовыхъ поставить съ готовыми пальниками; велѣлъ подъ ящикомъ постлатъ сѣна, легъ на него въ мокрой шинели и приказалъ еще прикрыть себя сверху. Такимъ образомъ я согрѣлся и спалъ до самаго свѣта. Когда меня разбудили, то сказали, что пѣхота идетъ назадъ. Мы оправили лошадей и тронулись съ боку колонны. Французы насъ замѣтили и начали бросать гранаты съ вышинности за городомъ. Гранаты разрывало въ воздухѣ и около насъ. Тутъ я разсмотрѣлъ, что въ пѣхотѣ офицеры и солдаты были мнѣ не знакомы; они были изъ другаго корпуса, кажется, генерала Милорадовича. Спросилъ я у старшаго фейерверкера—что это значитъ? Онъ отвѣчалъ, что ночью нашъ полкъ ушелъ назадъ, а на его мѣсто пришелъ другой. На мой вопросъ, почему онъ меня тогда не разбудилъ и не далъ мнѣ знать, онъ сказалъ, что не хотѣлъ будить; вѣроятно же всего, что какъ онъ, такъ и всѣ люди спали, ибо всѣ были очень изнурены.

Пѣхота колонной пошла назадъ прямо полемъ, а мы повернули на дорогу, и я присѣлъ на лафетный ящикъ. Сидя на немъ, находился я въ какомъ-то странномъ, полусознательномъ состояніи: смотрѣлъ и слышалъ, но все, какъ-будто, путалось и мѣшалось въ головѣ, впрочемъ я находился въ пріятномъ настроеніи духа. Мнѣ представлялся нынѣшній день въ прошедшемъ; трудный переходъ, дождь, голодъ и безсонница, сраженіе, счастливо цѣлый день выдержанное, въ настоящемъ—довольно спокойное сидѣнье на лафетѣ, а въ будущемъ—спокойный сонъ на соломѣ: все это производило пріятное ощущеніе. Хотя ночью, казалось, я и довольно спалъ, зарывшись въ сѣно, но такъ какъ я былъ мокръ, голоденъ и холоденъ, то это былъ не сонъ, а какая-то забывчивость.

Два орудія тащились запряженные по три лошади, всѣ ящики по двѣ. У орудія, на которомъ я сидѣлъ, было ис-

порчено колесо, а правило перебито ядромъ такъ, что висѣло и держалось лишь съ одной стороны на оковкѣ. Цѣлый, день, во время сраженія, была мрачная погода, съ какой-то слякотью и небольшимъ вѣтромъ, который относилъ дымъ и вмѣстѣ съ нимъ огарки отъ картузовъ на орудія и людей. Орудія, отъ самыхъ дулъ до затравокъ, до того закоптились, что были черносизаго цвѣта. Огарки отъ картузовъ садились людямъ на шинели, португеи и лица, такъ что всѣ походили на трубочистовъ; я вѣрно былъ такимъ же. Вскорѣ дошли мы до мѣста расположенія арміи. Такъ какъ нашъ 6-ой корпусъ, трудными переходами и сраженіемъ въ теченіе цѣлаго дня, былъ утомленъ, то для отдыха назначили ему стать сзади, въ резервѣ. Прошедши съ орудіями поперегъ линій, выстроенныхъ корпусовъ, пришлось проходить и по линіи гвардейскаго корпуса.

Корпусъ или отрядъ, возвращавшійся со сраженія съ признаками участія въ дѣлѣ, обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Не участвовавшіе въ дѣлѣ, солдаты и особенно офицеры, смотрѣли съ расположеніемъ на потрудившихся и завидовали оставшимся въ живыхъ счастливымъ. Они любопытствовали и приставали съ вопросами, особенно видя ощутительные признаки жаркаго дѣла. Такъ было и съ нами. Солдаты спрашивали солдатъ, а офицеры съ разспросами подходили ко мнѣ. Но я былъ въ такомъ расположеніи духа, что, кажется, только и отвѣчалъ: «да и нѣтъ». Послышалось мнѣ, что кто-то изъ офицеровъ сказалъ: «Экой медвѣдь!» Не смотря, однакожь, на разсѣянность, я все же замѣтилъ кучку гвардейскихъ солдатъ, смотрѣвшихъ на насъ; одинъ изъ нихъ, указывая рукою на орудія, сказалъ: «ужь эти и видно, что поработали: вишь, какъ рылы то позамарали!» Эти простыя слова чрезвычайно были мнѣ пріятны. Вскорѣ я нашелъ свою роту; тамъ горѣли огни и подавали обѣдъ, что было очень кстати. Поѣлъ я съ большимъ аппетитомъ и не

вдаваясь ни въ какіе разспросы, залегъ спать. Армія простояла на мѣстѣ цѣлый день. Проснувшись, я увидѣлъ штабсъ-капитана, писавшаго рапортъ объ убитыхъ, раненыхъ и вообще о всѣхъ потеряхъ. Потери были порядочныя въ людяхъ и лошадяхъ. У меня оказалось много раненыхъ лошадей. Офицеры остались цѣлы, у одного только поручика немного оцарапало ногу. Порчи въ артиллеріи было немного. Вообще отдѣлались довольно счастливо. Сдѣлано было представленіе къ наградѣ объ офицерахъ и нижнихъ чинахъ. Какъ и прежде, въ спискѣ были проставлены старшіе впереди, а меня и прапорщика, какъ младшихъ, помѣстили послѣ всѣхъ. Не представили къ наградѣ только подпоручика англичанина, потому что онъ въ то время, когда ожидали исправленія моста, зашелъ въ избу, проспалъ тамъ до свѣта и уже подъ вечеръ примкнулъ къ штабсъ-капитану. Я думалъ, что мнѣ придется остаться, какъ и за Бородино, безъ всякой награды: такая, видно, моя участь. Нежданно негаданно явился вѣстовой Московскаго полка, спросилъ меня и сказалъ, чтобы я пожаловалъ къ полковому командиру. Я пошелъ. Командиръ сидѣлъ у огня съ своими офицерами, которыхъ всего на всего осталось восемь человекъ, да солдатъ сотни двѣ съ небольшимъ. Приказалъ онъ адъютанту читать бумагу, гдѣ, какъ оказалось, было представленіе меня къ наградѣ и очень хорошей. Когда адъютантъ прочиталъ, то командиръ спросилъ меня: «довольны ли вы?» Мнѣ оставалось только поблагодарить его. При этомъ онъ еще прибавилъ: «вотъ видите ли, когда мы стояли подъ Тарутиномъ, то вы и знать насъ не хотѣли, а мы васъ не забыли....» Я замаялся и кое-какъ извинился тѣмъ, что, по случаю больной ноги, не могъ тогда ходить. Дѣйствительно, когда мы стояли подъ Тарутиномъ, то я жилъ съ штабсъ-капитаномъ, рѣдко ходилъ къ своимъ орудіямъ, а у полковаго командира ни разу не былъ. По представленію полковаго командира и

такъ какъ дѣло происходило въ виду самого дивизионнаго командира, генерала Капцевича, я, не имѣя еще ничего за отличіе, получилъ прямо Владиміра съ бантомъ. Поручикъ и штабсъ-капитанъ тоже получили Владиміра, послѣдній уже имѣлъ его за Турецкую кампанію. Такимъ образомъ наша рота получила три Владимірскихъ креста, а нижнимъ чинамъ дали нѣсколько Георгіевскихъ.

Въ то время, когда я былъ у полковаго командира по поводу представленія меня къ наградѣ, вотъ что еще случилось. Когда адъютантъ прочиталъ бумагу, то поднялся одинъ изъ офицеровъ и спросилъ меня: не изъ такого ли я города? И когда я отвѣчалъ утвердительно, то онъ бросился меня обнимать. «Узнаете ли вы меня?» спросилъ онъ. Потомъ, обратясь къ полковому командиру, сказалъ: «представьте, какой случай! Десять лѣтъ тому назадъ, я жилъ у нихъ въ домѣ, когда они съ братомъ были еще мальчиками и учились въ народномъ училищѣ, гдѣ я былъ въ высшемъ классѣ, почему и смотрѣлъ за ними.» Тутъ и я его узналъ и былъ очень радъ такой встрѣчѣ. Этотъ офицеръ служилъ тогда капитаномъ.

Такъ какъ наша рота подъ Малоарославцемъ находилась при трехъ разныхъ полкахъ, расположенныхъ при различныхъ позиціяхъ отдѣльно, то и рассказывали, съ кѣмъ что случилось особеннаго. Мнѣ пришлось стоять у Калужской заставы, а прочимъ правѣ меня, у выѣздовъ. Вездѣ происходило почти одно и то же. Французы высыпали изъ города, и ихъ прогоняли назадъ въ городъ картечами; полки ходили въ штыки. Особенно большая потеря была въ Софійскомъ полку, при чемъ и добрые наши пріатели, маіоры, пострадали: одинъ убитъ, а другой, лифляндецъ, тяжело раненъ—пуля попала ему въ бокъ и остановилась въ хребтовыхъ позвонкахъ. Много времени спустя, узналъ я, что онъ сильно страдалъ отъ раны, но остался живъ и находился въ имѣніи графа Воронцова, въ Крыму. Встрѣтиться однакожь съ нимъ мнѣ не пришлось.

IX.

Отъ Малоярославца до Краснаго и сраженіе при немъ.

Въ два или три перехода отошла армія отъ Малоярославца къ полотнянымъ заводамъ. Она шла во всемъ своемъ составѣ, за исключеніемъ наблюдательныхъ отрядовъ, къ сторонѣ непріятеля. Послѣдній переходъ къ заводамъ былъ изъ числа самыхъ трудныхъ и тяжелыхъ: погода была мрачная, съ дождемъ и сильнымъ холоднымъ вѣтромъ; пришлось идти очень темною ночью по проселочной дорогѣ, между кустарниковъ и лозъ, гдѣ находились глубокія выбоины и колеи, въ которыхъ безпрестанно засѣдали орудія и ящики; дороги поправляли по возможности фашинами, а потому люди находились почти въ непрерывной работѣ, да, кромѣ того, помогали вытаскивать завязшія орудія, что, при темнотѣ, дождѣ и грязи, было очень утомительно и непріятно; остановки были безпрестанныя: пройдутъ сажень двадцать, много пятьдесятъ, орудіе завязнетъ, а покуда его вытаскиваютъ, прочія стоятъ. Мнѣ невозможно было сидѣть на орудіи, потому что вѣтеръ пронизывалъ насквозь, а самъ я былъ мокры съ ногъ до головы. Даже походить, чтобы согрѣться, было трудно, до того дорога была узка и грязна. Шелъ я съ четырьмя орудіями при полку, отдѣльно отъ своихъ офицеровъ, и такъ какъ при полку находился недолго и не имѣлъ коротко знакомыхъ, то былъ одинъ и очень скучалъ. А тутъ еще вотъ что случилось. Однажды, только что я присѣлъ на орудіе, какъ кто-то объѣзжаетъ верхомъ и спрашиваетъ меня: «зачѣмъ стоитъ артиллерія?»—Я съ сердцемъ отвѣчалъ: «да впереди стоятъ!» «Гдѣ офицеръ?» «Я офицеръ.» «А, офицеръ! такъ вотъ отчего остановка: офицеры только спятъ на орудіяхъ, а за дѣломъ не смотрятъ... извольте идти за мной!» Было очень темно, но по голосу я узналъ генерала Дохтурова, да и свита его начала подъѣзжать, тѣснившаяся

по одиночкѣ сзади. Дохтуровъ продолжалъ: «давно я собираюсь наказать и накажу примѣрно. Ночью ни одного офицера не видно при орудіяхъ, всѣ спятъ, а за дѣломъ не смотря, нужно непремѣнно наказать и примѣрно.» Я прошелъ за нимъ порядочное пространство, потомъ подумалъ: дѣло плохо; особеннаго, конечно, ничего не будетъ, но дня три продержитъ подъ арестомъ при корпусной квартирѣ, что не слишкомъ пріятно. Да что же, думаю, не только не спросилъ фамиліи, но даже несправился какой я роты, а темнота страшная... Сначала немного отсталъ, а потомъ отскочилъ съ дороги и спрятался въ кустахъ. Дохтуровъ твердилъ все одно и то же: «нужно, нужно наказать, непремѣнно нужно, для примѣра другимъ.» Я оставался въ кустахъ, до тѣхъ поръ пока не стало слышно словъ Дохтурова, что накажетъ примѣрно. Мнѣ даже стало смѣшно и тогда я возвратился къ своему мѣсту. Хотя переходъ былъ и небольшой, но шли мы очень долго. Предъ разсвѣтомъ пришли къ полотнянымъ заводамъ. Дождь шелъ всю ночь, а когда остановились, то пошелъ еще сильнѣе. Отдохнувши, собрались, отгадывали, куда и зачѣмъ идемъ; рѣшили однакожь на томъ, что фельд-маршалъ не хочетъ пропустить французовъ на Калугу, а направляетъ ихъ на Смоленскую дорогу, и если вздумаетъ Наполеонъ пробиваться на Калужскую дорогу, то будетъ жестокое сраженіе. Толковали о трудномъ переходѣ: «Ну ужъ, говорили, переходецъ!» При этомъ я разсказалъ случившееся со мною и прибавилъ, что боюсь неприятныхъ послѣдствій. Офицеры смѣялись и говорили: «Богъ знаетъ, что сдѣлалось съ нашимъ Дохтуровымъ: всю ночь ѣздилъ и кричалъ, чего за нимъ никогда не водилось, и многимъ досталось еще больше. А бояться нечего: онъ доволенъ, что ты ушелъ и тѣмъ избавилъ его отъ необходимости взыскивать, и вѣроятно послѣ самъ смѣялся.» Такъ думали у насъ офицеры о добротѣ Дохтурова.

Дождь все продолжалъ идти. Полученъ былъ приказъ послать за пріемкою, привезенныхъ изъ Тулы, подковъ для лошадей. Досталось ѣхать мнѣ. Долго ѣздила я по заводамъ; всѣ отъ дождя попрятались, не у кого было ни о чемъ спросить, и, не добившись толку, я возвратился. Слѣдующее количество подковъ принялъ уже на походѣ.

Узнали наконецъ что Наполеонъ поворотилъ на Смоленскую дорогу: значить струсилъ. Когда онъ ломился въ Москву, то самъ искалъ сраженій, а теперь избѣгаетъ и думаетъ какъ бы убраться: значить дѣла его плохи. Мы все еще полагали, что французы многочисленнѣе насъ, но о разстройствѣ и слабости ихъ армій уже догадывались. И тутъ же въ своихъ умахъ рѣшили неминуемую гибель французовъ.

Наконецъ выступила наша армія изъ полотняныхъ заводовъ и шла по направленію къ Вязьмѣ, на перерѣзъ французамъ. Переходы были не слишкомъ велики, но трудны. Часто шелъ дождь съ порывистыми холодными вѣтрами, и повсюду была грязь. Послѣ сдѣланнаго мнѣ замѣчанія полковымъ командиромъ, я уже всегда оставался на ночь при своихъ орудіяхъ, въ первой линіи; прочіе-же были во второй при своихъ полкахъ. Поужинавши вмѣстѣ, шелъ я къ своему мѣсту и такъ какъ былъ одинъ, то не дѣлалъ для себя шалаша, а располагался подъ лафетомъ или заряднымъ ящикомъ. Для того, чтобъ во время сна меня не прохватывалъ вѣтеръ, я приказывалъ выкапывать для себя яму полкоѣна глубиною, настилать туда соломы или сѣна, а иногда и набрасывать еще сверху, и въ этомъ логовищѣ было тепло. Солдаты же подъ плохими навѣсами ложились плотно одинъ подлѣ другаго, и тѣмъ поддерживали теплоту; холодомъ охватывало ихъ только сверху. Но отъ сырости и теплоты завелись отвратительныя насѣкомыя не только у солдатъ, но и у офицеровъ, тѣмъ болѣе, что всѣ спали, почти не раздѣваясь. Мы подшучивали и смѣялись надъ тѣмъ, какъ солдаты

истребляли насѣкомыхъ надъ кострами, что однакожь дѣлали деньщики и съ нашимъ бѣльемъ. Деньщики полоскали его только въ холодной водѣ безъ мыла, просушивали у огня на рукахъ и подавали намъ, не гладивши. Сѣно для лошадей доставали безъ затрудненія, но немолоченные ржаные снопы, а особенно овсяные, предпочитали и старались преимущественно ихъ доставать. Овса въ зернѣ совсѣмъ не имѣли, и я даже не припомню достали ли мы его хоть разъ вовремя всего похода. Сухари и крупу имѣли для людей изъ полуфурковъ, которые на походѣ нѣсколько разъ пополнялись. Свѣжаго хлѣба ржанаго, а тѣмъ болѣе бѣлаго, совсѣмъ не видали. Говядину промышляли сами, и рѣдко оставались безъ нея, какъ офицеры, такъ и солдаты. Водку подвозили и выдавали очень рѣдко. Табаку не было почти совсѣмъ и солдаты очень скучали безъ него. Мы, офицеры, хотя и дорогой цѣной, но все же доставали его отъ маркитантовъ, а для солдатъ это было уже тяжело. Съ табакомъ мѣшали разные листья, а иногда кѣрили и одни капустные. Дать солдату за какую-нибудь услугу на трубочку табаку—считалось большою милостью. Поднимались съ ночлеговъ до разсвѣта, шли большею частью днемъ, а на ночь дѣлали привалы, но часто шли и ночью. При нашемъ корпусѣ шелъ полкъ милиціи. Командиръ этого полка, старичекъ полковникъ, во время ночнаго похода къ Вязьмѣ, когда я только что собрался лечь на приготовленное мѣсто на лафетѣ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Ахъ, любезный артиллеристъ! позволь мнѣ немного отдохнуть на твоемъ мѣстѣ, я такъ изморился, что не могу сидѣть на лошади». Я не только уступилъ ему свое мѣсто, но еще приказалъ двумъ солдатамъ идти по сторонамъ и поддерживать его чтобъ онъ не могъ свалиться съ лафета. Онъ услышалъ это приказаніе и былъ чрезвычайно мнѣ благодаренъ. Я предложилъ ему и впередъ готовить для него мѣсто, когда вздумаетъ отдыхать. На послѣднемъ

переходѣ до Вязмы слышна была во весь день пушечная канонада, становившаяся по мѣрѣ приближенія къ Вязмѣ, все сильнѣе и сильнѣе. Мы однакожъ двигались обыкновеннымъ порядкомъ и днемъ отдыхали. Говорили, что генераль Милорадовичъ напалъ на французовъ, и такъ какъ выстрѣлы все поддавались впередъ то заключали изъ этого, что успѣхъ на нашей сторонѣ. Къ вечеру надъ Вязмой начали обозначаться дымныя тучи, а потомъ и зарево. Когда, поздно уже, остановились недалеко отъ города, то пожаръ такъ усилился, что насъ почти освѣщало. Наши войска подъ Вязмой порядочно поколотили французовъ. Отъ Вязмы пошли по направленію къ Ельнѣ. Начались не большіе морозы и падалъ снѣгъ. Останавливались ночевать на снѣгу, и одинъ разъ во время остановки, снѣгъ выпалъ почти по колѣна. Устроили навѣсы со стороны вѣтра, устлали соломой, а впереди разложили костры и обогрѣлись. На слѣдующій день продолжали путь къ Ельнѣ; почти весь день падалъ снѣгъ и была мятель; но тутъ получили въ первый разъ квартиры, чему чрезвычайно обрадовались.

Напрасно обвиняютъ однихъ только французовъ за то, что они по дорогѣ все жгли и опустошали. Мы дѣлали тоже самое. Начиная отъ полотняныхъ заводовъ, въ Ельнѣ, имѣли первыя квартиры, оттуда до Краснаго изрѣдка давали по одному или по два двора на артиллерійскую роту и два или три на полкъ, а больше становились на бивуакахъ. Армія останавливалась ночевать подлѣ селеній; въ нѣсколько минутъ отъ цѣлыхъ селеній оставались лишь одни печки да столбы отъ клунь и сараевъ. Все разносили, жерди и солому съ крышъ для навѣсовъ, избы разбирали на дрова и жгли цѣлыми бревнами. Оставались цѣлы только нѣкоторые дома, занятые генералами и штабомъ. Лѣтомъ нужны были только бивуаки и немного дровъ, чтобы варить пищу, а тутъ, всю холодную ночь нужно было грѣться и сушиться. Солдаты

ложились спать, но долго не могли улежать. Прозябнувшие шли къ огню, поправляли его и, погрѣвшись, опять ложились. На мѣсто ихъ вставали другіе и дѣлали тоже самое, такъ что огни пылали цѣлую ночь. Тоже дѣлали и французы; забирали, что могли, изъ фуража и продовольствія, а селенія разбирали, чтобъ грѣться. Если мы имѣли нѣкоторую выгоду противъ французовъ въ продовольствіи, за то они шли по большой дорогѣ, которая была лучше и съ исправными мостами. Нашимъ же, особенно артиллеріи и обозамъ, труднѣе было тащиться проселкомъ, по грязи, колеямъ и выбоинамъ. Приходилось часто поправлять дороги имѣющимися фашинами, что очень затрудняло. Солдаты наши часто впрягали себя въ орудія и ящики, чтобъ помочь лошадямъ вытащить ихъ. Для облегченія людей велѣно было ранцы привязывать къ ящикамъ. Случалась въ артиллеріи ломка и порча. Пѣхота и кавалерія шли, хотя съ трудомъ, но не имѣли остановокъ. Артиллерія начинала уже отставать отъ полковъ и приходила на ночлегъ послѣ, случалось и довольно поздно.

Получивши въ Ельнѣ квартиру, орудія свои я разставилъ подлѣ на небольшой площадкѣ, лошадей разставилъ на дворѣ бывшемъ въ родѣ постоялаго, съ навѣсами. Посрединѣ двора люди разложили огни, расположились около нихъ и варили пищу. Распорядившись такимъ образомъ, пошелъ я съ квартирнеромъ въ избу. Изба была довольно большая и теплая. Тамъ сидѣли два милиціонные офицера: одинъ пожилой, а другой молодой. Когда я вошелъ, то молодой сказалъ: «Квартира занята уже штабъ—офицерами и вамъ нѣтъ въ ней мѣста.» Я обратился къ бывшему тутъ квартирнеру, фейерверкеру: «какъ же это такъ, ты показываешь мнѣ занятую уже квартиру?»—«Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, квартиру эту назначилъ именно для насъ нашъ дивизионный свитскій офицеръ такой-то.»—«Когда такъ, то пусть идутъ

люди и располагаются.» — «Какъ-же это такъ, — вскричалъ молодой милиціонеръ, — вздумали располагаться вмѣстѣ съ солдатами, а еще артиллерійскій офицеръ!» — Тутъ уже я разгорячился: «слушайте—говорю—все время я имѣлъ одну квартиру съ своими солдатами подъ открытымъ небомъ и теперь долженъ съ ними подѣлиться, да и для меня одного вѣрно не отвели бы цѣлаго двора. Если вамъ стѣснительно, то вотъ дверь—можете идти, куда угодно. Васъ же, сказалъ я, обратившись къ старшему, прошу занимать какое вамъ угодно мѣсто.» Молодой человекъ вздумалъ было вооружаться, но старшій его остановилъ, и они оба, нѣсколько посидѣвши, ушли совѣмъ.

Расположившись на квартирѣ, я узналъ, что по другую сторону площадки квартира штабсъ-капитана съ офицерами, и я пошелъ къ нимъ. Засталъ ихъ за ужиномъ и такъ какъ на другой день назначена была дневка, то и засидѣлся довольно долго. Возвратившись на свою квартиру, увидалъ нѣсколько солдатъ у огней, лошадей, стоявшихъ подъ навѣсомъ—что называется въ роскоши, фуража было довольно. Въ избѣ огня не было. «Эй, говорю, давайте огня.» На это отозвался незнакомый голосъ:—«Кто тамъ такой шумить?»— «Да ты, говорю, что за чертъ такой, что не узнаешь меня?» Неизвѣстный назвалъ себя. Это былъ капитанъ батареинной роты нашей бригады, занимавшій за отсутствіемъ бригаднаго командира его мѣсто. Подали огонь. Капитанъ лежалъ, помѣстившись на лавкахъ, а офицеры его роты на полу. Я извинялся всякими способами, что не узналъ его по голосу и потревожилъ, а онъ извинялся передо-мною, что занялъ мою квартиру.—«Мои квартирѣры—говорилъ онъ—такъ распорядились, что для меня не нашли квартиры, и я принужденъ былъ остановиться на вашей.» Тѣмъ дѣло и кончилось, но первыя квартиры сдѣлали на меня непріятное впечатлѣніе, по двумъ такимъ встрѣтившимся обстоятельствамъ.

Отъ Ельни продолжали нашъ походъ тоже проселочными дорогами. Останавливались больше на бивуакахъ. Дожди и снѣгъ перестали идти, начало морозить. Морозы были не большіе, грязь окрѣпла; люди, идучи, согрѣвались и было гораздо лучше и сноснѣе. Вставали мы обыкновенно до свѣта. Пока вытянутся переднія войска, что продолжалось полчаса и болѣе, поджигали оставляемые бивуаки и грѣлись. Немного пройдя, наши офицеры подходили къ запасному лафету, гдѣ въ ящикѣ были водка, сухари и холодная говядина. Такъ какъ мы привыкли уже согрѣваться водкой, то выпивали понемногу и закусывали. Какъ только открывали ящикъ, подходили къ намъ пѣхотные офицеры, всегда слѣдившіе за этимъ, угощать ихъ было часто и въ тягость, такъ-какъ у самихъ часто лишняго не имѣлось. Днемъ останавливались для отдыха регулярно часа на два или и того менѣе; лошадямъ подбрасывали немного корма, а иногда и поили. Для себя же не успѣвали варить пищу съ говядиной. Не помню, какимъ образомъ и гдѣ доставали мы малороссійскаго сала, крошили его въ котель, наливали водой и—когда закипитъ—клали сухари, которые скоро разваривались, и этимъ мы часто питались. Случалось, что такимъ скорымъ способомъ мы не успѣвали поѣсть на мѣстѣ, тогда деньщики котелокъ несли на палкѣ и мы на походѣ уже доѣдали остальное. Вечеромъ же всегда варили, какъ для себя, такъ и для солдатъ, пищу съ говядиной.

Не доходя селенія Ляхова, повстрѣчали много французовъ, взятыхъ тамъ въ плѣнъ, изъ отряда генерала Ожеро. Ихъ провожали малороссійскіе казаки. Была оттепель, и снѣгъ перемѣшался съ грязью. Французовъ гнали противъ насъ стороною дороги и нѣкоторые изъ нихъ отставали. Казаки подгоняли ихъ тупыми концами пикъ, такъ что плѣнные часто падали. Тутъ они не такъ гордо выглядывали, какъ

съ начала кампаніи, но такъ смирно, что намъ было жаль, на нихъ смотрѣть.

Не могу припомнить, когда и гдѣ именно, подошли мы къ какому-то постоялому двору или корчмѣ. Впереди была небольшая рѣчка, на ней исправляли мостъ. Мы остановились и поджидали, пока исправятъ. Около корчмы и моста стоялъ захваченный французскій обозъ и около сотни каретъ, колясокъ, бригъ и другихъ экипажей. Между каретами и колясками было нѣсколько богатыхъ. У многихъ каретъ были дверцы отворены и туда засматривали солдаты и офицеры. Любопытствовалъ посмотрѣть и я. Въ одной богатой каретѣ сидѣло нѣсколько молодыхъ дамъ въ бархатныхъ и атласныхъ салопахъ на собольихъ и лисьихъ мѣхахъ. Салопы были помяты, запачканы грязью и мѣстами порваны. На головахъ дамъ были измятые уборы и платки, изъ подъ нихъ выбивались пряди нечесанныхъ волосъ. По лицамъ видно было, что они нѣсколько дней неумывались и выглядывали самымъ жалкимъ образомъ. У меня случилось въ шинелѣ нѣсколько солдатскихъ сухарей, я досталъ одинъ и показалъ одной дамѣ, не думая, что она возьметъ и станетъ ѣсть его. а она почти выхватила его у меня изъ рукъ. Видно было, что дамы нѣсколько дней не ѣли. Тогда я роздалъ имъ, бывшіе со мною, сухари, и еще пошелъ за ними и набралъ изъ мѣшка полный платокъ, роздалъ ихъ уже всѣмъ дамамъ, сидѣвшимъ въ каретахъ и коляскахъ, которые были почти исключительно наполнены ими. Всѣ онѣ принимали сухари не только съ признательностью, но какъ будто благодарили Бога за такую милость, поднимая глаза къверху и складывая руки. Не могу сказать какого сорта были эти дамы, но почти всѣ были молодыя и хорошо одѣтыя. Можетъ быть, это были жены генераловъ и другихъ знатныхъ лицъ, а можетъ быть и какія нибудь авантюристки, которыхъ, какъ говорили, довольно тогда наѣхало изъ Франціи въ Москву.

Обходили Смоленскъ, оставшійся отъ насъ въ правой сторонѣ. Распространились слухи, что идемъ къ Красному, отрѣжемъ дорогу французамъ и не пустимъ ихъ дальше изъ Россіи. Какъ ни тяжелы и трудны были переходы, но всѣмъ казалось, что все-таки тихо идемъ и начали говорить, что нужно бы нашему фельдмаршалу помолодѣть. Начались морозы, а наканунѣ сраженія былъ самый сильный, я полагаю, градусовъ до десяти. Но такъ какъ погода была тихая и ясная, то мы слабо чувствовали морозы и совершенно согрѣвались у огня. Въ день сраженія, 4-го ноября, потеплѣло. Нашъ корпусъ подвигался къ Красному по направленію выстрѣловъ, подававшихся тудаже. Мы только слышали выстрѣлы, но ничего не видали, хотя и остановились вблизи мѣста сраженія, недалеко отъ Краснаго; къ тому же еще сдѣлалось мглисто и туманно.

На другой день, 5-го числа, сдѣлалось совсѣмъ тепло. Нашъ, генерала Дохтурова, корпусъ и еще нѣсколько корпусовъ пошло въ обходъ французовъ, къ селенію Доброму. Всѣ были того мнѣнія, что станемъ поперекъ большой дороги, французы непременно станутъ пробиваться, будетъ жаркое дѣло, и къ этому готовились. Снѣгу выпало еще, такъ что мѣстами было довольно глубоко. Прошли нѣсколько селеній. Безпрерывные выстрѣлы были слышны отъ насъ съ правой стороны. Все пространство къ Красному было покрыто мглою и дымомъ. Мы шли медленно и досадовали, что насъ тихо ведутъ, а время было уже далеко за полдень. Наконецъ, пройдя небольшое селеніе, остановились на возвышенности. Шестой корпусъ шелъ въ головѣ колонны, а впереди Московскій и Псковскій полки. При Псковскомъ шли четыре орудія 12-й легкой роты, а при Московскомъ мои четыре. На возвышенности колонны остановились, а мы съ орудіями стали съ боку своихъ полковъ. Возвышенность склонялась къ большой дорогѣ, на ней видна была березо-

вая засадка, и тамъ во мглѣ, что-то двигалось и шевелилось. Подѣхалъ къ головѣ колонны генераль Тормозовъ и другіе генералы съ своими свитами, и образовалась порядочная группа. Туда же подошли какъ пѣхотные, такъ и артиллерійскіе офицеры и смотрѣли на дорогу; но, несмотря на близость ея, трудно было разсмотрѣть, что по ней двигалось. Приказали кричать «ура!». И только-что прокричали, какъ со стороны дороги блеснулъ огонь и завизжало ядро, ударило впереди конной группы, подняло рикошетомъ снѣгъ и грязь и обдало ими всадниковъ. Многія лошади стали на дыбы и попятились назадъ, а одна и совсѣмъ упала. Съ какого-то генерала свалилась шапка. Къ счастью, ядро хотя и было направлено въ эту группу, однако никого не убило, а только одной лошади перебило ногу. Приказали выдвинуть наши восемь орудій впередъ, немного лѣвѣе колонны, и открыть огонь. Стрѣляли мы по дорогѣ, направляя выстрѣлы на блескъ огня отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. При этомъ вотъ что случилось со мною. Нѣсколько зарядовъ, принятыхъ изъ парка подъ Малоярославцемъ, оказались испорченными, такъ что послѣ слабаго удара ядра падали недалеко отъ орудій и катились по снѣгу. «Что, думаю, если пріѣдетъ нашъ неугомонный генераль Костенецкій? да онъ меня тутъ же смѣшаетъ съ грязью». И я боялся его больше, чѣмъ непріятельскихъ ядеръ. Къ счастью Костинецкій не пріѣхалъ, никто ничего не замѣтилъ и все прошло для меня благополучно, но послужило урокомъ, какъ должны мы быть ко всему внимательными, особенно относительно зарядовъ. Непріятели вскорѣ замолкли. Стало вечерѣть и колонны пошли впередъ по направленію къ большой дорогѣ. На ней увидѣли мы нѣсколько тащившихся и валявшихся французовъ и много разнаго обоза, какъ военнаго, такъ и частнаго—разныхъ экипажей, брикъ и повозокъ. Хотя строго было приказано солдатамъ не отходить отъ своихъ мѣстъ, однако,

несмотря на это, многіе изъ нихъ тамъ рылись. Подошелъ и я къ одной бричкѣ, открылъ ее и оказалось, что вся она была наполнена фарфоровой посудой, принадлежащей какому-либо генералу или награбленной въ Москвѣ. Ударилъ я по фарфору палкой, которая была у меня въ рукѣ, раза два, самъ не зная для чего, и пошелъ къ своему мѣсту. Не много пройдя по дорогѣ назадъ, остановились мы подлѣ селенія, лицомъ къ Оршѣ.

Такъ какъ цѣлый день находились мы въ движеніи и готовились къ сраженію, да и орудія приказано было имѣть очищенными и готовыми къ бою, то и некогда было думать о фуражѣ. Остановились поздно. Было мрачно, темно; начиналъ идти дождикъ. Нужно было ѣхать, наконецъ, за фуражемъ, что и пришлось на мою долю. Ёхали сами не зная куда, придерживались направленія пройденныхъ днемъ селеній, однакожь фуража достали, но возвратились поздно. Возвращаться къ арміи было не трудно: огни такъ блестяли на бивуакахъ, что освѣщали намъ дорогу. Послѣ труднаго, цѣлый день продолжавшагося, похода пріятно было отдыхать у огня; они послѣ сухарей, которыми пробавлялись цѣлый день, каша съ говядиной показалась роскошнымъ блюдомъ. Поутру тремъ назначены были баталіонъ Московскаго полка, отрядъ кавалеріи и мои четыре орудія идти къ сторонѣ Днѣпра забирая французовъ, разбредшихся по лугамъ, кустамъ и болотамъ. Погода была туманная и мрачная съ небольшимъ дождемъ. Дорога была узкая и самая дурная: по лугамъ и болотамъ. Пѣхота шла хотя тихо, но безъ остановки; мнѣ было очень трудно тащиться съ орудіями. Одна часть кавалеріи ѣхала съ нами, а другая малыми отрядами по сторонамъ. Забирали шатавшихся французовъ по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ. Шли довольно долго и остановились при какой-то маленькой деревушкѣ, посреди луговъ и кустовъ. Пѣнныхъ загоняли въ огороды, тутъ же находившіеся.

Сгоняли ихъ со всѣхъ сторонъ, такъ что къ вечеру накопилось тысячъ до двухъ. Большая часть изъ нихъ была безоружія, въ разныхъ мундирахъ, и пѣшихъ, и конныхъ. Обмундировка на нихъ была хотя и прочная, но тонкая и плохо могла укрывать ихъ отъ ненастной погоды. Для лѣта она была удобнѣе и легче нашей, но въ это время наша грубая была болѣе кстати. Всѣ они вообще имѣли жалкій видъ. Не знаю, давали ли имъ чего-нибудь поѣсть. Для своихъ лошадей съ трудомъ достали мы сѣна, но такого черного и порченного, что лошади почти его не ѣли и были голодны во весь день. Поздно вечеромъ пошли обратно къ своимъ мѣстамъ. Пѣхота ушла впередъ, а я съ своими орудіями отсталъ. Кавалерія оставалась при плѣнныхъ. Въ темнотѣ и по грязи шли съ большимъ трудомъ почти всю ночь.

X.

Движеніе отъ Краснаго до Березины.

Не успѣли отдохнуть и покормить, какъ слѣдуетъ, лошадей, какъ уже опять тронулись въ походъ. Не прошелъ я и десяти верстъ, какъ лошади мои до того утомились, что не могли везти орудій, и я принужденъ былъ въ одномъ большомъ селеніи отстать отъ арміи и остановиться. Селеніе было недалеко отъ большой дороги, гдѣ французы все лѣто шялись взадъ и впередъ; но мы достали безъ затрудненія очень хорошаго корма, состоявшаго изъ немолоченныхъ овсяныхъ сноповъ, и не только выгормили лошадей, но еще нагрузили на лафеты въ запасъ. Отдохнули сами, и хотя поздно, но догнали армію въ тотъ же день.

Кажется, на другой день пришли въ Копись, гдѣ намъ дали квартиры и назначили дневку. Было благодарственное молебствіе за побѣду, но изъ насъ никто не ходилъ въ цер-

ковъ, а собравшись толковали о прошедшемъ дѣлѣ. Стало извѣстно, что нѣсколько французскихъ корпусовъ уничтожено, забрано слишкомъ сто орудій, много обозовъ и множество плѣнныхъ. Не только казаки, но и солдаты носили и продавали, захваченныя въ непріятельскихъ обозахъ и снятыя съ убитыхъ и плѣнныхъ, вещи: мундиры, дорогіе шарфы и эполеты, платки, шали, шкатулки и разныя другія вещи. Продавали также и лошадей, хотя очень хорошихъ, но тощихъ и попорченныхъ. Все отдавали за самую бездѣлицу, но и то покупателей было мало. Намъ досталось какъ-то нѣсколько листовъ географическихъ картъ Россіи, въ томъ числѣ и карта губерніи, въ которой я жилъ до поступленія на службу. На картахъ означено было по-французски, очень отчетливо, все до малѣйшихъ селеній и дорогъ, мнѣ совершенно извѣстныхъ.

Несмотря на успѣхъ нашъ въ послѣднемъ сраженіи, дѣйствіями нѣкоторыхъ нашихъ начальниковъ были не совсемъ довольны. Особенно въ нашемъ корпусѣ обвиняли генерала Тормозова за то, что онъ, остановившись на возвышенности подлѣ дороги, по которой отступали французы, не ударилъ на нихъ тотчасъ, а приказалъ кричать «ура».

Послѣ обѣда приказано было переправляться чрезъ Днѣпръ. Пѣхоту перевозили на пароммахъ, кавалерія переходила по плавучему бревенчатому мосту, нарочно для нея устроенному, а для артиллеріи наводили понтонный. Мостъ былъ еще не готовъ и около него собралась артиллерія почти со всей арміи. У моста всѣ роты столпились и перемѣшались, какъ попало, безъ всякаго порядка. Когда кончили мостъ, начали переправляться; при этомъ произошло большое замѣшательство: всякому хотѣлось переправиться впередъ, тѣмъ болѣе что подошли квартирныя и объявили, что за мостомъ, въ близлежащемъ селеніи, заняты и квартиры. Спускъ на мостъ былъ довольно крутой, орудія и ящики бросались безъ вся-

каго порядка, мостъ сильно колыхался. Командиръ понтонной роты уговаривалъ и кричалъ, чтобы наблюдали порядокъ, потому что, въ противномъ случаѣ, испортятъ мостъ, но ничего не могъ сдѣлать. Наконецъ артиллерійскіе ротные командиры сошлись и уговорились, чтобы спускать сперва тѣ орудія и ящики, которые ближе къ переправѣ, не смотря на то, какой они роты. Подошли еще драгунскіе полки, вздумали тутъ же переправляться и оттѣснять артиллерию. Проскочить, на примѣръ, орудіе или ящикъ, а между ними нѣсколько кавалеристовъ.... Произошелъ совершенный безпорядокъ. Мостъ едва держался. Начальникъ понтонновъ кричалъ, что этотъ мостъ назначенъ именно для артиллеріи, а для кавалеріи бревенчатый; что пойдетъ жаловаться главнокомандующему на такой безпорядокъ, но ничто не помогало. Командиръ одного драгунскаго полка, здоровый, плотный мужчина, на огромной лошади, въ шинели съ бобровымъ воротникомъ, сталъ на косогорѣ, впереди заряднаго ящика, готовившагося къ спуску, махалъ нагайкою на ѣздоваго и билъ лошадей по головамъ, а кавалеристамъ приказалъ пробираться сзади себя берегомъ рѣки, и этимъ всѣхъ вывелъ изъ терпѣнія. Нѣкоторые ротные командиры бранились съ нимъ, а нѣсколько офицеровъ зашли сзади и ударили ящичныхъ лошадей нагайками. Лошади бросились, сбили кавалериста на мостъ и съ ящикомъ поскакали. Лошадь кавалериста впереди ящика вертѣлась на мосту взадъ и впередъ, нѣсколько разъ чуть не упала съ него въ воду, но все-таки кончилось безъ несчастія. Смотря на это, всѣ смѣялись, не только артиллеристы, но и драгуны, которые, поворотивъ назадъ, пошли къ другому мосту и намъ не мѣшали болѣе. Установился порядокъ; нашей роты нѣсколько орудій и ящиковъ переправились скоро, а остальные черезъ нѣсколько часовъ; такъ было и съ другими ротами. Тутъ же отдѣлились отъ насъ четыре наши орудія. Имъ назначено было идти съ

поручикомъ въ отрядѣ генерала Ермолова при Софійскомъ полкѣ.

Отъ Кописа до самой Березины шли мы обыкновеннымъ порядкомъ съ своими полками. Особеннаго ничего не случилось. Съ самой переправы чрезъ Днѣпръ начались морозы и продолжались нѣсколько дней, правда небольшіе, полагаю отъ двухъ до пяти градусовъ, но по дорогѣ, гдѣ была грязь, тамъ образовались кочки; оставшіяся снѣгъ и, мѣстами, замерзшая вода сдѣлали путь чрезвычайно скользкимъ. При небольшихъ подъемахъ на гору лошади скользили и съ трудомъ подымались. Особенно было трудно при спускахъ. Орудія и ящики почти постоянно спускали люди на себѣ; пробовали тормозить, но тормозъ не держался и все равно скользилъ, какъ и колесо; отъ этого очень часто ломались оси. Артиллерія начинала отставать отъ своихъ полковъ, и часто приходила на квартиры гораздо позже. Пѣхота шла безъостановочно по кочкамъ и льду; намъ же идти было очень трудно. Съ самого начала кампаніи до Тарутина были однѣ и тѣ же оси; хотя подъ Тарутинымъ довольно ихъ перемѣнили, но не могли всѣхъ исправить, и много осталось подтертыхъ, а тутъ еще былъ недостатокъ въ мази. Въмѣсто мази часто употребляли сало убитаго скота, а иногда доставали деготь и имъ мазали колеса, но этого было недостаточно. Дляковки лошадей имѣли достаточно подковъ, какъ заготовленныхъ самими, такъ и подвезенныхъ изъ Тулы. Кузнецы шли съ инструментами при орудіяхъ и на походѣ правляли подковы. Когда случалось, что подъ орудіемъ или ящикомъ сломается ось, или произойдетъ съ ними какая-нибудь другая порча, то ихъ оставляли съ мастеровыми при фейрверкерѣ и догоняли роту всегда почти въ тотъ же день, и, рѣдко, на другой. Въ нашей ротѣ оставалось восемь орудій, а четыре были откомандированы къ отряду генерала Ермолова. Подъ квартиры давали намъ по одному или по два дво-

ра. Артиллерию ставили подлѣ дороги, лошадей по дворамъ подѣ навѣсами и въ сараяхъ; посреди двора раскладывали огонь для караульныхъ, и на немъ же варили для солдатъ пищу. Офицеры располагались въ избѣ; ротнаго командира помѣщали на лавкахъ въ переднемъ углу, а сами располагались подлѣ него на полу—на соломѣ. Солдатамъ приказывали размѣщаться по возможности тутъ-же. Помѣщались и на печкѣ, и подѣ печкой, и на лавкахъ, и подѣ лавками, и на полу, такъ что трудно было пройти ночью до дверей. Хотя воздухъ былъ спертый и тяжелый, особенно къ утру, но мы такъ уже привыкли къ этому, что не чувствовали вліянія дурнаго воздуха на наше здоровье. Кормъ для лошадей доставали фуражировкой, а для людей подвозили сухари. Очередной офицеръ на походѣ заботился о фуражѣ. Какъ только замѣчали, хотя бы въ сторонѣ за версту и болѣе, какое-либо селеніе, гдѣ надѣялись достать чего-нибудь изъ фуража, то и отправлялись туда. Доставали сѣно и немолоченые снопы, да и для себя—что попадется: капусту, картофель, горохъ, а изрѣдка и хлѣбъ; забирали и коровъ, и барановъ, и свиней; однажды достали даже кадушку меду, и такъ какъ чаю не было, то варили изъ него сбитень и имъ согрѣвались. На жителей мало обращали вниманія, да они и не противились; ворчавшихъ изъ нихъ еще и укоряли: «свишь, говорили, французовъ кормили цѣлое лѣто, а для насъ такъ и жалъ». При поискахъ за фуражемъ оказывали намъ большую услугу тѣ солдаты, которые въ мирное время были негодьями и плутами. Отъ ихъ быстро взгляда ничто не укрывалось, хотя жители и старались, по возможности, прятать свои продукты. Былъ у насъ солдатъ, прослужившій уже лѣтъ тридцать, но еще бодрый и расторопный. Подѣ Бородиномъ ему пулей повредило глазъ; но онъ слѣдовалъ при ротѣ, и хотя подѣ Тарутинымъ излечился, но все таки окривѣлъ. Онъ всегда почти ходилъ въ квартирѣрахъ и лю-

билъ выкидывать разныя штуки, особенно съ евреями ¹⁾. За всѣмъ тѣмъ солдатъ этотъ былъ въ ротѣ всеобщимъ любимцемъ. Начальство поневолѣ не обращало вниманія на наше нелюбезное обращеніе съ жителями селеній, гдѣ мы дѣлали фуражировку, такъ какъ нужно было продовольствовать людей и лошадей, о чемъ оно заботилось болѣе всего. Бродяжничества рѣшительно не было; безъ офицера или, по крайней мѣрѣ, фейерверкера никто не смѣлъ отлучаться въ сторону. Строго запрещено было брать что-либо изъ вещей, даже полшубки нѣкоторые изъ солдатъ доставали подѣ большимъ секретомъ. Вообще отъ Кописа до самой Березины, собственно, мы не нуждались въ продовольствіи, равно какъ и наши четыре орудія, бывшія въ отрядѣ ген. Ермолова и шедшія по большой, пройденной французами, дорогѣ, хотя тамъ, по рассказамъ, и труднѣе было доставать его.

Послѣ Бородинскаго сраженія, въ замѣнъ потерянныхъ въ немъ людей, дали намъ большею частію молодыхъ рекрутъ и лошадей на взглядъ хорошихъ, но не надежныхъ и сомнительныхъ. Какъ люди, такъ и лошади, къ трудностямъ похода были непривычны, и еще около Краснаго между ними начало оказываться разстройство; начиная отъ Кописа, нѣсколько лошадей пало, особенно при спускахъ и подъемахъ на гору; люди также начали болѣть и отставать. Послѣ сраженія подѣ Малоярославцемъ пополнили нашу роту также молодыми лошадьми, а солдатъ прислали изъ полковъ, чловѣкъ двадцать или тридцать. Солдаты эти были, можно сказать, полковой бракъ и пользы отъ нихъ было мало; они только носили воду и дрова, раскладывали огни и варили пищу. Оставшіеся милиціонеры были больше при обозахъ. Вся тяжесть и трудъ лежали на нашихъ старыхъ, уцѣлѣв-

¹⁾ Евреи про него говорили:— що се такій за чоловікъ—добре що у него одно око—якъ бы сему чоловіку, да ще два ока—такъ ховай Боже.

шихъ людяхъ, равно и на лошадяхъ. Въ обыкновенныхъ походахъ солдатъ имѣеть время отдохнуть, обсушиться и оправиться, а тутъ не было ни времени, ни мѣста. Старый солдатъ найдетъ еще время и обсушиться, и вымыть бѣлье, а главное позаботиться о ногахъ: какъ ни устанеть, но у костра обсушить обертки и оправится. Молодой же, напротивъ, наровить болѣе отдохнуть и выспаться, и какъ день - другой не подумаетъ о себѣ, такъ и опустится до того, что не можетъ исполнять службы. Ротный командиръ и офицеры за этимъ строго смотрѣли, фейерверкерамъ и даже старымъ надежнымъ солдатамъ поручали по нѣсколку человѣкъ для присмотра; но, несмотря на это, солдаты все-таки заболѣвали; особенныхъ болѣзней они не имѣли, а нуждались большею частью въ отдыхѣ, и ихъ, въ такомъ случаѣ, оставляли по дорогѣ. Порядокъ и устройство между солдатами много зависѣли отъ бдительности и заботъ ротнаго командира, такъ какъ это имѣло вліяніе на прочихъ офицеровъ и — при посредствѣ ихъ — на низшихъ чиновъ.

Часто случается, что въ мирное время нѣсколько ротъ, даже одной бригады, близко стоятъ одна отъ другой, имѣють одинаковыя выгоды и получаютъ одинаковое продовольствіе; но, несмотря на это, однѣ изъ нихъ бываютъ отличныя, а другія плоховатыя. Въ 1812 гуду рѣдкая изъ артиллерійскихъ ротъ столько была въ дѣлахъ и столько потерпѣла, какъ конная рота полковника Никитина изъ нашего корпуса, и несмотря на это, окончивъ кампанію, могла слѣдовать, куда угодно; это отъ того, что, когда она стояла еще около Луцка, вблизи нашей роты, считалась образцовой по устройству и заведенному въ ней порядку. Наша рота понесла тоже много потерь, два раза пополнялась неопытными людьми и молодыми, непривычными лошадьми и, несмотря на все это, въ Вильно пришла въ такомъ видѣ, что могла слѣдовать дальше, а послѣ кратковременнаго отдыха, и выдер-

жать какой угодно походъ. Отъ Малоярославца до Вильно въ нашей ротѣ отстало, можетъ быть, человѣкъ двадцать солдатъ, изъ которыхъ половина догнала насъ, и потеряно было какихъ-нибудь десятка полтора лошадей; при описанныхъ выше трудахъ и недостаткахъ этого нельзя еще считать за большую потерю. О пѣхотныхъ полкахъ я не могу судить; но объ артиллерійскихъ ротахъ могу по справедливости сказать, что тѣ роты, которыя во время кампаніи дошли до крайняго разстройства, и въ мирное время были не въ отличномъ состояніи.

Вошло въ обыкновеніе награждать въ военное время за сраженія, гдѣ человѣкъ терпитъ только въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ; но въ особенно трудное время, какъ на примѣръ въ 12-мъ году, гдѣ офицеры одной команды забобитались, а другой, такъ сказать, прохлаждались, мало обращалось вниманія на ихъ дѣятельность. Конечно, нельзя взыскивать тамъ, гдѣ нѣтъ ни продовольствія, ни выгодъ; но слѣдовало бы обращать вниманіе на особенное рвеніе и неусыпность, какъ ротныхъ командировъ, такъ и низшихъ офицеровъ; тѣмъ болѣе, что въ такое время легко можно было сдѣлать заключеніе о состояніи ротъ, стоило только взглянуть на нихъ. Въ однѣхъ, на примѣръ, ротахъ лошади были разбиты, съ осѣкшимися хвостами; конская сбруя была оборвана и связана веревками, много орудій и ящиковъ тащилось на саняхъ. Другія роты, при тѣхъ же условіяхъ, были хотя и не въ отлѣнномъ, но въ довольно хорошемъ видѣ.

Извѣстно было, что фельдмаршалъ идетъ съ нами стороною. Хотя наша главная армія и отстала отъ французовъ, но ихъ все-таки гнали впереди насъ генералы Платовъ, Ермоловъ и Милорадовичъ. Сперва напиралъ на нихъ графъ Витгенштейнъ, а генераль Чичаговъ приближался къ Березинѣ съ противной стороны. Полагали, что Наполеонъ и вся его армія окружены, а на Березинѣ будетъ конецъ и имъ и

войнѣ. Объ этомъ знали не только офицеры, но и солдаты, и потому, не смотря на всѣ трудности, шли бодро и весело, даже пеняли на фельдмаршала за то, что тихо идемъ; всякій думалъ: «мы тоже трудились цѣлое лѣто, а тамъ безъ насъ кончатъ и заберутъ всѣхъ французовъ, и мы останемся въ сторонѣ». Во время всѣхъ переходовъ отъ Тарутина до Березины, фельдмаршалъ Кутузовъ часто останавливался около дороги и смотрѣлъ на проходившія войска, иногда и подъ дождемъ; случалось, говорилъ солдатамъ: «что, устали, ребята? Холодно? Бѣли ли вы сегодня? Нужно отстоять матушку Россію, надо догонять и бить французовъ!» и тому подобное. На все это проходившіе солдаты кричали: «рады стараться, ваше сіятельство!» Обыкновенно онъ стоялъ или же сидѣлъ на простыхъ складныхъ креслахъ, въ простомъ сюртукѣ и фуражкѣ, безъ всякихъ принадлежностей своего сана; съ неразлучною казачьею нагайкой на ремешкѣ черезъ плечо. Никакъ мы не могли разгадать, для чего у него нагайка, тѣмъ болѣе, что никогда не видали его верхомъ на лошади. Офицеры говаривали обыкновенно: «хитрый нашъ старикъ Кутузовъ, знаетъ онъ, какъ подобраться къ солдатамъ».

Не доходя еще до Березины, разнесся слухъ, что Наполеонъ разбилъ генерала Чичагова подъ Борисовымъ, переправился со всею арміею благополучно черезъ Березину и ушелъ отъ нашихъ армій. Слуху этому не вѣрили, зная совершенное разстройство непріятели подъ Краснымъ, и никакъ не полагали, чтобъ онъ могъ разбить Чичагова и уйти, тѣмъ болѣе, что ничего не слышали о соединеніи съ Наполеономъ, послѣ Краснаго, французскихъ корпусовъ, бывшихъ противъ генерала Витгенштейна. Потомъ узнали навѣрное, что французы оттѣснили авангардъ Чичагова къ Борисову, переправились чрезъ Березину и ушли. Не могли понять, какъ это случилось и всѣ были въ какомъ-то недоумѣніи. Узнавъ об-

стоятельно о переправѣ Наполеона, не только низшіе офицеры, но даже нѣкоторые генералы говорили, что Чичаговъ дѣйствовалъ какъ будто по предписаніямъ Наполеона. Негодованію не было предѣловъ. Солдаты же рѣшили по своему: что Чичаговъ измѣнникъ и пропустилъ французовъ, что его подкупилъ Наполеонъ, и даже опредѣлили, сколько далъ боченковъ золота. Офицеры, конечно, не вѣрили такому вздору.

Въ войнѣ 1812 года три случая, до настоящаго времени, не разъяснены какъ слѣдуетъ: Московскій пожаръ, разстройство французской арміи и переправа Наполеона чрезъ Березину. Наши историки и иностранные писатели, бывшіе при этихъ случаяхъ и не бывшіе, излагали свои мнѣнія о нихъ, но точно ничего не объяснили; особенно у иностранныхъ писателей много заблужденій и пристрастій. Почему же и мнѣ не изложить своихъ мнѣній объ этихъ происшествіяхъ, какъ свидѣтелю ихъ, и мнѣній, слышанныхъ мною тогда отъ старшихъ и оставшихся у меня въ памяти.

О Московскомъ пожарѣ я уже высказалъ свое мнѣніе прежде. Что же касается до разстройства французской арміи, то напрасно приписываютъ его недостатку продовольствія. Не говоря о главной нашей арміи, шедшей стороной и имѣвшей, сравнительно съ другими, больше выгодъ, слѣдовавшіе по слѣдамъ французовъ: Платовъ съ казаками и другіе наши отряды, а также и корпусъ Милорадовича, имѣли достаточно продовольствія, какъ для людей такъ и для лошадей, потому что имѣли свободу и время разсылать фуражировъ по сторонамъ; французы же, напротивъ, въ бѣгствѣ нигдѣ не имѣли возможности остановиться, тѣмъ болѣе отлучиться съ большой дороги для правильной фуражировки, а отлучались только бродяги и мородеры, которыхъ наши партіи забирали, а жители истребляли. Морозы также не были причиною истребленія французовъ. Съ самаго выступленія нашего изъ Тарутинскаго лагеря, а французовъ изъ Москвы, самая не-

сносная погода была, когда мы шли отъ Малоярославца къ полотнянымъ заводамъ, а оттуда къ Вязьмѣ. Дождь шелъ съ холоднымъ вѣтромъ, и по проселочнымъ дорогамъ грязь была страшная. Французамъ же по большой дорогѣ было удобнѣе идти, нежели намъ. Когда приближались къ Вязьмѣ, по ночамъ были небольшіе заморозки, а днемъ дѣлалось тепло; такъ было и во время сраженія. Отъ Вязьмы до Ельни шелъ снѣгъ и дня два или три были мятели съ вѣтромъ при небольшихъ морозахъ. Отъ Ельни сдѣлалась оттепель и снѣгъ почти растаялъ, а когда проходили селеніе Бяхово, гдѣ былъ взятъ отрядъ французовъ генерала Ожеро, то стало совершенно тепло. Потомъ начались опять морозы и сдѣлалось скользко. Лошади французовъ не были подкованы на острые шипы и отъ того терпѣли больше нашихъ. Людямъ же, какъ ихъ такъ и нашимъ, во время морозовъ было идти легче. Когда поровнялись съ Смоленскомъ и подвигались къ Красному, то было нѣсколько морозовъ, я полагаю, градусовъ въ 10 или 12; но при тихой погодѣ, и морозовъ этихъ мы почти не замѣтили. Что морозы были небольшіе, можно заключить изъ того, что Днѣпръ чуть замерзъ, такъ что послѣ двухдневной оттепели ледъ разошелся. Во время сраженія подъ Краснымъ, была оттепель и шелъ мокрый снѣгъ. Походомъ отъ Краснаго до Кописы шли по грязи, смѣшанной съ снѣгомъ, а въ самомъ Кописѣ, когда переправлялись черезъ Днѣпръ, было до того тепло, что, находясь почти цѣлый день на берегу Днѣпра безъ движенія, не чувствовали холода и на рѣкѣ не было замѣтно льду: въ противномъ случаѣ не могли бы устоять мосты, какъ плавной—бревенчатый, такъ и понтонный, а пѣхота переправляться на паромахъ. Отъ Кописы до Березины опять начались небольшіе морозы и была гололедица такая, что не только французскимъ, но и нашимъ лошадямъ было трудно. Когда приблизились къ Березинѣ, то потеплѣло и 19-го ноября, когда переправлялись мы съ

главною арміею по бревенчатымъ плавнымъ мостамъ, льду на рѣкѣ рѣшительно не было, а шель густой снѣгъ большими хлопьями. Всемъ извѣстно, что Наполеонъ строилъ мосты на Березинѣ, когда переправлялся черезъ нее; значить, мосты хотя и были, но самые малые.

Русская армія, отступая отъ самаго Нѣмана и Вильно до Москвы, разъединенная непріятельскими войсками, и по частямъ, и соединенно вездѣ отбивалась. Не только ни одинъ корпусъ, но даже отдѣльный отрядъ или партизанскій разъѣздъ не былъ уничтоженъ или разбитъ. Всѣ отступали съ большимъ трудомъ, но обыкновеннымъ порядкомъ; хотя часто шли и ночью, но всегда имѣли отдыхъ. Всѣ были раздражены нашествіемъ непріятеля и бѣдствіемъ Россіи. Полагали, что непріятели очень многочисленны, но Россію нужно отстоять, а потому не только не теряли духа, а еще болѣе укрѣплялись. Въ разныхъ битвахъ много теряли людей; знали, что еще будетъ много битвъ, всякій считалъ себя обреченнымъ на смерть и всѣ готовы были ее встрѣтить.

Подъ Бородиномъ были огромныя потери, но не смотря на это, фельдмаршалъ полагалъ возможнымъ сразиться на другой день, увѣренный въ отчаянной защитѣ войскъ. Если бы на другой день онъ сразился, то вѣроятно наша армія была бы истреблена, а отъ французовъ остался бы только численный ихъ излишекъ, какихъ-нибудь тысячъ пятьдесятъ. Съ этими остатками едва ли осмѣлился бы Наполеонъ идти въ Москву, а если бы и пошелъ, то не удержался бы долго и послѣдствія были бы почти тѣ же самыя, какія и случились. За то какой бы памятникъ остался въ Россіи! Триста спартанцевъ легли въ Фермопилахъ и болѣе двухъ тысячъ лѣтъ сохранилась о томъ память. Памятникъ при Бородинѣ сохранился бы, пока существовала исторія и человѣчество. Въ сраженіи подъ стѣнами Москвы было бы тоже самое. Уныніе въ русской арміи появилось съ отдачей Москвы, но

не на долго: подъ Тарутинымъ все встрепенулось и ожило, и армія наша, бывшая тогда по паружности въ такомъ же почти положеніи, какъ и съ начала кампаніи, духомъ и ревностью стала гораздо выше. Примѣромъ этого можетъ служить генераль Дохтуровъ съ своимъ отрядомъ. Онъ выступилъ изъ подъ Тарутина 10-го октября рано. Цѣлый день отрядъ шелъ по плохой проселочной дорогѣ, по слякоти и подъ дождемъ. Поздно уже, при большой темнотѣ, остановился онъ ночевать у селенія Аристова; бивуака строить было некогда, а потому вся ночь проведена была подъ дождемъ и почти безъ сна. На другой день поднялся до свѣта, шелъ тоже весь день по грязи и, немного отдохнувши, въ ночь выступилъ опять во время дождя. Передъ свѣтомъ пришелъ подъ Малоарославецъ и безъ всякаго отдыха вступилъ въ бой. Такимъ образомъ отрядъ, находившійся въ движеніи по дурнымъ и грязнымъ дорогамъ въ продолженіи двухъ дней и двухъ ночей, изнуренный и истомленный, сражаясь, вездѣ отбивалъ и удерживалъ превосходившія силами прославленныя французскія войска до прибытія главной арміи изъ-подъ Тарутина, то-есть до трехъ часовъ по полудни. Сообразивъ все это, можно сдѣлать выводъ, каковы были тогда наши войска. Французы шли въ Россію въ полной увѣренности на побѣду, надѣясь на свою многочисленность и своего предводителя, сказавшаго: «Россія увлекается рокомъ». Они искали случая сразиться и истребить русскую армію, затѣмъ получить славный миръ, почести и богатства. Въ разныхъ стычкахъ и частныхъ сраженіяхъ увидѣли они, что русскіе не поддаются, но все-таки полагаали, что отъ одного генеральнаго сраженія все зависить. Сошлись, наконецъ, подъ Бородиномъ съ русскими и тутъ узнали, что съ ними не такъ-то легко сладить. Повидимому, подъ Бородиномъ верхъ былъ на сторонѣ французовъ, потому что мы отступали; но послѣдствія показали, что наша армія

такъ отдѣлала тамъ французовъ, что съ тѣхъ поръ они почувствовали свою слабость. Тогда они увидѣли, что далеко зашли и что много имъ предстоитъ еще дѣла. Занятіемъ Москвы они думали все кончить; но когда она выгорѣла, то разочаровались, кажется, не только ихъ солдаты и офицеры, но генералы и самъ Наполеонъ, и потеряли тогда надежду на успѣхъ. Спасеніе свое полагали они въ мирѣ, были въ томъ увѣрены и забыли, что имъ предстоитъ впереди. Увидѣвъ несбывшіяся надежды и свое невыгодное положеніе, французы начали роптать. Чтобы сколько-нибудь успокоить и вознаградить солдатъ, допущены были грабежъ и своевольство; отъ этого утратилась дисциплина и положено начало разстройству французской арміи. Надѣясь на миръ, французы мало думали о приведеніи въ порядокъ своей арміи, много потерпѣвшей отъ продолжительныхъ и трудныхъ походовъ и безпрестанныхъ битвъ, а отчасти и отъ недостаточности средствъ. Продовольствія въ Москвѣ и окрестностяхъ хотя и было достаточно для ихъ арміи, но такъ какъ доставали они его безъ всякаго порядка и употребляли безъ расчета, то часто нуждались. Къ тому же разгульная жизнь въ Москвѣ довела ихъ до безвыходнаго положенія, а подкрѣпленій получали мало. Отъ того они потеряли предприимчивость, увѣренность въ себѣ и прежній духъ непобѣдмости.

Подъ Тарутинымъ французы защищались слабо. Подъ Малоярославцемъ они сдѣлали-было послѣднюю, отчаянную попытку прорваться въ изобильный край, но при всей своей многочисленности, не могли одолѣть почти одного корпуса Дохтурова, удерживавшаго ихъ до прибытія арміи изъ-подъ Тарутина. Потерявъ надежду на успѣхъ въ битвѣ, они ретировались въ беспорядкѣ, нигдѣ не смѣли уже дать отпора, а прямо, можно сказать, предалися бѣгству, чѣмъ и думали спастись отъ такой воодушевленной арміи, какъ наша. Въ

разстроеномъ состояніи были они до Смоленска. Ихъ главная армія уничтожена подъ Краснымъ, а боковые корпуса на Березинѣ. За Березиной не было уже у Наполеона арміи, а были сбродные остатки, погибавшіе отъ только-что наступавшихъ морозовъ. По изложеннымъ выше обстоятельствамъ можно заключить, что ни недостатокъ продовольствія, ни морозы не были причиною гибели французской арміи, а Бородинское сраженіе, Московскій пожаръ, потеря дисциплины и упадокъ духа.

Адмиралъ Чичаговъ, отдѣлвшись отъ австрійской арміи, дѣйствовалъ сначала рѣшительно. При содѣйствіи храбраго генерала Ламберта, онъ взялъ Минскъ, овладѣлъ Борисовскими укрѣпленіями и занялъ самый городъ, гдѣ и укрѣпился. Когда французы разбили его авангардъ и захватили обозы, то онъ уѣхалъ изъ Борисова и до того потерялся, что не только не мѣшалъ переправѣ французовъ, но даже избѣгалъ и встрѣчи съ ними, боясь пораженія. Поэтому онъ съ умысломъ не уничтожалъ мостовъ по зембинской дорогѣ. Чичаговъ, предполагая, что французы, не имѣя возможности переправиться по дорогѣ въ Зембикъ, обратятся на него, чего ему не хотѣлось, только стрѣлками заслонялъ дорогу на себя. Вотъ, по моему мнѣнію, причина дѣйствій Чичагова. Не явись онъ послѣ того въ нашей арміи, не шадившей Барклай-де-Толли, то на него смотрѣли бы не слишкомъ благосклонно.

ГЛАВА XI.

Отъ Березины до квартиръ около Вильно.

Переправясь черезъ Березину, мы продолжали походъ; время склонялось къ вечеру, начало морозить, когда мы подошли къ какимъ-то гатямъ и мостикамъ. Грязь и выбоины

были страшныя, орудія и ящики безпрестанно засѣдали. Вытаскивали ихъ людьми, и были безпрестанныя остановки; пѣхота проходила безостановочно по сторонамъ артиллеріи. Нѣкоторыя орудія сворачивали съ гатей, чтобы проѣхать прямо болотомъ, но, проѣхавши нѣскольکو, загрузали, велѣдствіе чего слѣдовавшія сзади по ихъ слѣдамъ, опять сворачивали; такимъ образомъ сдѣлано было множество слѣдовъ и почти половина артиллеріи засѣла въ болотѣ. Часть нашей роты переправилась, подошли квартирмейстеры и сказали, что недалеко наши квартиры. Штабсъ-капитанъ отправился туда съ успѣвшими выбраться изъ болота орудіями въ двѣ лошади, а офицеры, часть солдатъ и уносныя лошади остались для выручки засѣвшихъ въ болотѣ орудій и ящиковъ. Настала ночь и сдѣлалось темно. Такъ какъ засѣвшихъ орудій было множество и принадлежали они разнымъ ротамъ, то всѣ искали свои орудія, окликая по ротамъ. На окликъ подходили солдаты, подпрягали уносныхъ лошадей и съ помощью людей вытаскивали; вытащивши что-нибудь—орудіе или ящикъ—отправлялись опять искать. Къ счастью, отъ мороза болото окрѣпло на столько, что можно было ходить не проваливаясь. Поиски эти продолжались почти до полуночи и мы очень измучились. Когда добрались до квартиры, то нашли теплую избу, и нашъ командиръ дожидался насъ съ ужиномъ, чѣмъ всѣ были очень довольны. Командиръ нашъ, штабсъ-капитанъ, всегда очень заботился объ офицерахъ, за то и офицеры, одинъ передъ другимъ старались облегчить его заботы и тутъ почти заставили его идти впередъ. Съ 19-го на 20-е число ноября былъ сильный морозъ, и съ этого времени морозы начались большіе.

Послѣ березинской переправы останавливались въ небольшихъ въ томъ краѣ селеніяхъ. Первоначально давали на роту одинъ или два двора; но однажды весь корпусъ остановился въ небольшой деревушкѣ, дворовъ въ пятнадцать,

и назначена была дневка. На нашу роту дали одинъ только дворъ съ огородами, безъ избы; избу же во дворѣ занялъ полковой командиръ съ своимъ штабомъ. Ротнаго нашего командира полковой командиръ принялъ къ себѣ, а намъ приходилось дневать на дворѣ при огняхъ: морозъ былъ большой и мы призадумались надъ своимъ невыгоднымъ положеніемъ. Въ углу двора, подъ навѣсомъ, замѣтили мы что-то въ родѣ амбара; разсмотрѣвши, увидѣли, что, то была сушильня для конопли и льна. Въ углу ея была печка изъ камней, были въ ней палаты изъ жердей, на которыя клали ленъ, а вся она была покрыта внутри толстымъ слоемъ сажу. Мы приказали ее истопить и обтереть, по возможности, сажу; на жердяхъ послали солому, и когда прошелъ дымъ, то сдѣлалось очень тепло. Мы тамъ расположились и велѣли еще прорубить въ стѣнѣ окно для свѣта, заслонивъ его смазанной саломъ бумагой. У насъ былъ поручикъ, славный офицеръ, онъ въ подобныхъ случаяхъ говорилъ: «голь на выдумки хитра». Тутъ не только мы разогрѣлись, что называется до костей, но еще пускали и солдатъ согрѣваться. Мы были очень довольны своимъ помѣщеніемъ, жалѣли только, что не было тутъ нашего солдата-сказочника.

Морозы продолжались. Однажды пошелъ снѣгъ и поднялась такая мятель, что глаза засыпала; къ счастію мы проходили густымъ лѣсомъ, немного защищавшимъ насъ. Къ вечеру снѣгу намело очень много; лошади тащились съ трудомъ, наконецъ начали приставать и не было средствъ дойти до своихъ квартиръ. Узнавши отъ проводника, что до нашихъ квартиръ еще далеко, мы не знали что дѣлать. Фуражъ и сухари для людей были у насъ на орудіяхъ, но, въ такую мятель и морозъ, остановиться въ лѣсу, не имѣя сухихъ дровъ и воды, не было возможности. Наконецъ вышли мы на не большую прогалину въ лѣсу; она находилась около небольшой деревушки, немного въ сторонѣ отъ дороги, и

вся была въ кострахъ; на ней стояло нѣсколько артиллерійскихъ ротъ, тоже остановившихся за непогодой. Начали и мы искать въ деревушкѣ мѣста, гдѣ бы пріютиться, но все дворы и избы были заняты. Въ сторонѣ деревушки, подлѣ лѣса, замѣтили мы избушку и въ ней огонь. Мы зашли туда и застали тамъ какихъ-то чиновниковъ, по ихъ словамъ, изъ главной квартиры. Мы объяснили имъ наши обстоятельства и они насъ приняли. При избѣ былъ сарай и загородъ изъ жердей; жерди тотчасъ разобрали солдаты для костровъ и, не смотря на мятель, нашли водопой и варили кашу съ говядиной. Обыкновенно днемъ останавливались на привалѣ на самое короткое время, и пищи уже не варили, а довольствовались сухарями и остатками отъ ужина; вечеромъ-же всегда варили для себя и заставляли варить солдатъ, не смотря ни на какія обстоятельства. Изба была не большая, но теплая; мы расположились въ ней и варили для себя ужинъ. Только-что мы сѣли за столъ ужинать, пригласивъ и чиновниковъ, какъ вломились къ намъ еще нѣсколько офицеровъ. Впереди ихъ шелъ, извѣстный въ то время своею удалью, артиллерійскій подполковникъ. Мы сначала его не узнали, до того онъ и бывшіе съ нимъ были обсыпаны снѣгомъ. Прежде всего онъ спросилъ — кто здѣсь расположился въ избѣ; когда сказали ему кто такіе, онъ воскликнулъ: «А, это наши артиллеристы, значить, примуть и насъ!» Когда ему объяснили, что это квартира чиновниковъ изъ главной квартиры, онъ возразилъ: «Чиновники при главной квартирѣ, согласитесь, есть и подлецы и мошенники, намъ нѣтъ до нихъ дѣла, а приняли бы свои....» Дѣлать было нечего, хотя и не рады были такимъ гостямъ, но штабсъ-капитанъ сказалъ: «Съ моей стороны съ удовольствіемъ соглашаюсь» и пригласилъ ихъ за столъ; чиновники-же не только не возражали, но даже притаились по угламъ. Подполковникъ досталъ изъ-за шинели нѣсколько вяземскихъ пряниковъ, потребовалъ отъ

человѣка штофъ водки и представилъ все это на столъ за свою долю. Поужинавши кое-какъ, улеглись. Подполковникъ со своей ротой также не могъ дойти до квартиръ и былъ въ положеніи, подобномъ нашему. Онъ былъ извѣстенъ за человѣка съ дерзкимъ и веселымъ характеромъ; поэтому, какъ только мы поразговорились съ нимъ, намъ стало пріятно и мы почти половину ночи весело проболтали. Этотъ храбрый и умный человѣкъ кончилъ свою карьеру чрезвычайно несчастливо. За дерзость былъ онъ разжалованъ въ солдаты, потомъ опять провинился, и носился слухъ, что онъ былъ прогнанъ сквозь строй и куда-то сосланъ. Наше первое знакомство съ нимъ было такого рода. Не помню когда и гдѣ, на хорошей впрочемъ дорогѣ, встрѣтилась сухая рытвина и на ней не большой и худой мостикъ. Пѣхота проходила по сторонамъ мостика; артиллерія же, имѣя остановку, нѣсколько столпилась; переѣзжали роты подполковника и наша почти разомъ: переѣдетъ часть его роты и часть нашей. Вдругъ вздумалось ему остановить нашего ѣздоваго съ ящикомъ; онъ ударилъ ѣздоваго своей нагайкой и замахнулся въ другой разъ; ѣздовой-же, чтобъ уйти отъ него, ударилъ по лошадямъ. Ящикъ былъ запряженъ двумя лошадьми. Случилось-же такъ, что подполковникъ потерялъ стремя и въ него попала оглобля. Подполковникъ кричалъ ѣздовому, чтобы остановился, и въ запальчивости билъ его нагайкой, а ѣздовой не видя случившагося, и чтобы отвязаться отъ него, гналъ лошадей и тащилъ его за собой, что продолжалось довольно долго; такъ-какъ при этомъ было множество людей, то поднялся сильный смѣхъ.

Непріятельская армія уже не существовала, а бѣжалъ одинъ сбродъ отъ нея, забираемый казаками и другими отрядами. Такъ-какъ сраженія не ожидали и не предвидѣли никакой опасности, то продолжали преслѣдованіе безъ прежняго военного порядка. Шли какъ въ мирное время: всякая

артиллерійская рота и каждый полкъ отдѣльно. Получали росписаніе квартиръ и брали проводниковъ до мѣста своего назначенія. Получали по два или по три двора на роту. Артиллерія всегда останавливалась на пунктахъ, лежавшихъ по пути, а пѣхота отходила и въ сторону. Съ своими полками сходились рѣдко, а кавалеріи совсѣмъ не видали. Не доходя Вильны, нашей ротѣ назначены были квартиры между Ошмянъ и Ольшанъ, почти на равномъ отъ обоихъ разстояніи. Назначили намъ для квартиръ не большую деревушку, дворовъ въ двадцать или тридцать, на разстояніи отъ дороги въ сторону около версты; подлѣ дороги былъ расположенъ нашъ артиллерійскій паркъ; тамъ были два пустые домика, мы ихъ поправили и заняли для караульныхъ и мастерскихъ. Въ этомъ походѣ бросили нѣсколько лошадей, такъ что большая часть ящиговъ была запряжена парами. Оставшіяся лошади были довольно изнурены, но еще въ такомъ видѣ, что могли продолжать походъ. Изъ оставшихъ людей часть насъ догнала черезъ нѣсколько дней; но оставшихъ числилось не много. Обозы не были въ особомъ вагенбургѣ, какъ это было въ военное время, а послѣ Березины примкнули къ ротѣ и вмѣстѣ съ нею слѣдовали. Въ нашей артиллеріи и въ обозахъ произошло разстройство, можно сказать, отъ пустаго случая. Еще не доходя Березины, сломались двѣ оси у ящиговъ; рота пошла дальше, а для поправки ящиговъ оставили фейерверкера, кузницу и мастеровыхъ. Фейерверкеру показалось привольнѣе идти сзади арміи, и онъ уже дня черезъ два по приходѣ нашемъ на постоянныя квартиры догналъ насъ. Такимъ образомъ отъ самой Березины не было у насъ мастеровыхъ, и мы крайне нуждались въ ковкѣ лошадей и въ другихъ поправкахъ, такъ что одно орудіе и одинъ ящикъ принуждены были поставить на полозья. По тогдашнему обычаю ротный командиръ порядочно вздулъ фейерверкера; но это не вознаградило поте-

рянаго. Какъ только остановились на мѣстѣ, тотчасъ занялись исправленіемъ артиллеріи и обозовъ. Принялись исправлять, по возможности конскую сбрую (аммуницію), направляли обмундировку людей, особенно занялись сапогами, такъ что, много, недѣли черезъ двѣ, могли бы выдержать какой угодно, походъ. Заняли въ деревнѣ большую курную избу и вычистили ее. Тамъ расположился штабсъ-капитанъ со всѣми офицерами, которыми были, поручикъ, два подпоручика и прапорщикъ. Подпоручикъ, англичанинъ, рѣдко шель съ ротой, являлся только къ ужину, часто отставалъ и на постоянныя квартиры пришелъ, кажется, на другой день; онъ занялъ мѣсто въ общей квартирѣ за печкой и оттуда являлся только къ обѣду и ужину. Человѣкъ у него былъ собственный, очень хорошій да вдобавокъ еще кларнетистъ. Штабсъ-капитанъ, тоже, игралъ на кларнетѣ и походомъ сохранилъ его; игралъ самъ и заставлялъ играть и этого человѣка. Намъ забавно было слышать, какъ онъ уговаривалъ своего барина и срамилъ его. Подполковникъ, по приѣздѣ въ роту, сдѣлалъ представленіе начальству объ этомъ офицерѣ, и его перевели отъ насъ въ какой то гарнизонъ. Людей и лошадей размѣстили по прочимъ дворамъ.

Въ продовольствіи не только не нуждались, но имѣли его въ изобиліи. Въ разстояніи версты отъ нашихъ квартиръ, въ лѣсу, былъ панскій фольварокъ, тамъ былъ не большой домикъ и огромныя гумна, наполненныя немолоченою рожью, овсомъ, горохомъ, сѣномъ и другими сельскими продуктами. Мы совершенно ими завладѣли и поставили тамъ караулъ, противиться никто не смѣлъ. Какъ сами солдаты, такъ и жители деревни, гдѣ мы квартировали, молотили хлѣбъ для насъ и для себя. Напротивъ домиковъ, занятыхъ подъ караулъ и около которыхъ стояла наша артиллерія, была корчма, при ней водяная мельница и не большой винокурный заводъ. Все это держалъ въ арендѣ жившій тамъ еврей. Онъ молодецъ для

насъ муку и изъ положенной доли ржи выкуривалъ для роты водку. Такъ-какъ у насъ былъ достатокъ въ продовольствіи, то мы и не хлопотали о полученіи его изъ магазиновъ или запасовъ, да и хлопотать было негдѣ. Расположенные въ окрестностяхъ, артиллерійскія роты и полки продовольствовались подобнымъ-же образомъ. Только говядину было доставать затруднительно. Ѣздилъ я въ Ошмяны и Ольшаны, гдѣ не оказалось рѣшительно никакихъ продовольственныхъ запасовъ и съ трудомъ я могъ достать у евреевъ сахару, чаю и табаку. Была у насъ во дворѣ баня, и какъ дровъ было изобильно, то и топили ее безпрестанно, какъ для себя, такъ и для людей.

Хотя мы проходили отъ Березины не по большой дорогѣ, по которой тянулся главный французскій сбродъ, и за ними наши отряды, однако видно было, что и по нашей дорогѣ проходили французы. По дорогѣ довольно попадалось брошенныхъ ими пушекъ и много зарядныхъ ящиковъ и разныхъ фуръ. Кто ихъ подбиралъ, намъ было неизвѣстно. Тащилось множество французскихъ бродягъ, какъ по одиночкѣ, такъ и по нѣскольку человекъ вмѣстѣ, въ самомъ жалкомъ видѣ; на нихъ никто не обращалъ вниманія. Одѣты они были большею частью такъ, что смотрѣть на нихъ было и смѣшно и жалко; на нихъ были надѣты и жидовскіе кафтаны и шапки, священническія рясы, накинута на плечи ковры и рогожи. Правда, и между нами не рѣдкость было встрѣтить офицера въ нагольномъ, корявомъ тулупчикѣ, съ саблей или шпагой на боку, въ какомъ-нибудь плащѣ или буркѣ, накинутахъ сверху. Французы по дорогѣ подходили къ солдатамъ и выпрашивали у нихъ хлѣба, просились къ нимъ на квартиры и погрѣться у ихъ огней. Солдаты наши видѣли въ нихъ уже не непріятелей, но своихъ ближнихъ и дѣлились съ ними; жители же не только не давали имъ ѣсть, но не пускали и въ избы. Замерзшіе французы валялись по до-

рогѣ въ разныхъ положеніяхъ, какъ какія-нибудь статуи. Валялось по дорогѣ много и павшихъ лошадей. Мерзлые люди почти все были обобраны, даже безъ рубахъ; обдирали этихъ мертвецовъ больше жители. Въ этомъ участвовалъ, какъ въ послѣдствіи оказалось, и нашъ барабанщикъ. Во все время похода онъ прицѣплялъ свой барабанъ къ запасному лафету и, такъ какъ до него не было никакой надобности и никто не обращалъ на него вниманія, шлеялся по сторонамъ и марадерничалъ; у него оказалось, впоследствии, нѣсколько часовъ и довольно золотыхъ и серебряныхъ французскихъ монетъ. Много въ это время поживились казаки. Хотя они много трудились и старались, но не даромъ. При случаѣ они гуляли и кутили. Въ одномъ мѣстечкѣ, въ Бѣлоруссіи, рассказывалъ мнѣ еврей-трактирщикъ: «Когда казаки шли обратно, то дневали въ нашемъ мѣстечкѣ, зашли ко мнѣ въ трактиръ человекъ тридцать, а може и больше, да и разгулялись. Давай хозяинъ и рому и вина, и портеру, за все кидали впередъ серебряныя и золотыя французскія деньги и не торговались, только подавай. Я—рассказывалъ Еврей—управлялся и бѣгалъ, ажъ, самъ не свой, да еще и слышу, какъ они говорятъ между собою:—Что за славный у насъ хозяинъ, хотя и еврей, рѣдко такихъ и видали, какой усердный, какой старательный. Одинъ изъ нихъ отозвался на это:—Нашъ хозяинъ стоитъ того, что бы принять его въ наше братство.—Ну чтожъ, сказали другіе,—за чѣмъ дѣло стало? принять, такъ и принять... Я все это слышу и у меня, ажъ, на душѣ весело стало. Подошелъ ко мнѣ одинъ да и говорить:—Много мы ходили по свѣту и видѣли всякаго народу, но такого славнаго и усерднаго хозяина рѣдко встрѣчали и мы порѣшили принять тебя въ свое братство, если ты хочешь.—Я только кланяюсь, мнѣ стало ажъ смачно, ажъ облизуюсь. Вотъ онъ обнялъ меня, да помаленьку три раза стукнулъ меня въ лобъ своимъ лбомъ. Такой у насъ,

говорить, обычай брататься, и мы уже съ тобой побратались. Подошелъ другой и такимъ же образомъ стукнулъ меня въ лобъ три раза, но уже по крѣпче, третій еще крѣпче и такъ дальше, а какъ дошло до десятаго, то у меня и въ очахъ позеленѣло; слышу только, что хохочуть и такъ и заливаются смѣхомъ. Я хотѣлъ было упасть, такъ нѣтъ, такъ и передаютъ одинъ другому изъ рукъ въ руки, а какъ братался послѣдній, то я уже и не чувъ и не бачивъ, насилу живъ остался. На лбу у меня вскочила такая шишка, что больше кулака, а лбы у нихъ, собачьихъ дѣтей, неначе желѣзные».

Случалось, что передовой съ орудиемъ найдетъ на заметный снѣгомъ трупъ, слѣдующіе за нимъ уже ни какъ не своротятъ, чтобъ объѣхать, и какъ пройдетъ вся рота, то трупъ почти размозжатъ колесами, что производило чрезвычайно непріятное впечатлѣніе. По селеніямъ и деревнямъ валялось тоже много мерзлыхъ людей, а по корчмамъ цѣлыми десятками, особенно по корчмамъ въ полѣ и лѣсахъ. Корчмы зажигали французы, чтобы скорѣе согрѣться, и тамъ же умирали; валялись они тамъ съ обгорѣлыми руками и ногами. Часто заставляли корчмы еще не сгорѣвшими, а тамъ жарились и несчастные французы, отчего запахъ былъ нестерпимый. Стало такъ много появляться несчастныхъ французовъ, что не имѣли возможности имъ помогать. До того присмотрѣлись къ нимъ, что почти потеряли человѣческое чувство и смотрѣли на нихъ уже не какъ на людей, но какъ на какихъ-либо жалкихъ животныхъ. Да и чѣмъ мы могли помочь имъ? Забирать съ собой на орудія не было возможности: скорѣй бы еще замерзли. Дашь какойнибудь сухарь, да и махнешь рукой, думая: «все равно пропадать тебѣ, не сегодня, такъ завтра». Да и лишнихъ сухарей становилось все меньше и меньше. Солдатъ тоже дать послѣдній сухарь, да и спросить: «Что, братъ, какова Россія?—Не скоро забу-

дешь ее?—Какой тебя лѣшій сюда носилъ»? А тотъ только смотреть, вытараща глаза. Были такіе изъ солдатъ, что, увидѣвъ какого-нибудь замерзшаго француза, сидящаго подъ деревомъ съ открытыми глазами и ртомъ, подойдетъ къ нему и скажетъ: «Что вытаращилъ глаза? Чего не видалъ? Вишь оскалилъ зубы, да еще смѣется! Не хочешь ли покурить трубочки?»—Такихъ старые солдаты останавливали, говоря: «Что ругаешься, дуралей? Не угадалъ еще, что съ тобою будетъ?» И какіе люди были между этими несчастными! И молодые, и красивые, и видные, хотя и съ искаженными лицами; замѣтно было, что и не изъ послѣднихъ слоевъ общества. До настоящаго времени не выходятъ у меня изъ головы потрясающія душу слова: «O! monsieur, monsieur... O! mon Dieu, mon Dieu»... съ которыми обращались эти несчастные къ проходившимъ офицерамъ и солдатамъ. Хотя мы насмотрѣлись уже тогда на убитыхъ и раненыхъ и привыкли къ ужасамъ, но не могли равнодушно смотрѣть на этихъ страдальцевъ. Видѣть въ страдальческомъ положеніи подобнаго себѣ и не имѣть средствъ помочь ему—ужасно! Что долженъ былъ чувствовать главный виновникъ такихъ несчастій Наполеонъ? У него, видно, была желѣзная душа, что онъ, послѣ такихъ ужасовъ, не угомонился, но еще собралъ армию и пустился воевать.

Когда мы остановились на квартирахъ, къ намъ много приходило французскихъ скитальцевъ. Имъ въ деревнѣ отвели особую избу, давали хлѣбъ и водку. Набралось ихъ челоуѣкъ двадцать и болѣе. Всѣ они были почти бодны, но медицинскихъ средствъ у насъ рѣшительно не было. Мало изъ нихъ осталось въ живыхъ. Умершаго товарищи же выбрасывали вонъ безъ всякой церемоніи. Нашъ штабсъ-капитанъ навѣщалъ ихъ, съ нимъ ходилъ и я. Запахъ отъ нихъ былъ очень тяжелый. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ оказались портными и сапожниками. Солдаты принимали ихъ къ

себѣ, и они удивительно какъ усердно работали, только-бы кормили и не выгоняли ихъ. Отъ того ли, что имѣли сообщеніе съ этими людьми, или отъ того, что послѣ такихъ тяжелыхъ трудовъ вдругъ поступили на покой, наши солдаты начали болѣть, больше горячками и человекъ два умерло. Заболѣли и два офицера, особенно нашъ любимый подпоручикъ Шилеръ выдержалъ сильную горячку, но остались живы.

Переправилась главная армія и мы съ нею черезъ Березину 19-го ноября, но когда пришли на постоянныя квартиры около Вильно, не припомню. Походъ отъ Березины продолжался, надо полагать, двѣ недѣли. Во все это время были непрерывные морозы. По дорогѣ былъ снѣгъ, мѣстами довольно глубокой, такъ что колеса врѣзывались въ него, отъ чего было тяжело для лошадей и затруднялось движеніе артиллеріи. Отъ морозовъ снѣгъ былъ сухъ и сыпокъ; людямъ тяжело было идти, за то согрѣвались.

Не только иностранные писатели, но и наши слишкомъ много преувеличиваютъ морозы. Они пишутъ, что отъ Березины до Вильно были постоянные морозы отъ 25° до 27° и доходили до 28°. Пѣхота при такихъ морозахъ, идя скорымъ шагомъ по сыпкому снѣгу, могла бы согрѣваться; пришедши на квартиры, она имѣла время отдохнуть по избамъ и у разложенныхъ огней: ей только и было дѣла, что составить ружья въ козлы и поставить нѣсколькихъ часовыхъ. Въ артиллеріи же было труднѣе—она тянулась очень медленно по снѣгу. Когда не было остановокъ, то мы уходили въ часъ версты четыре. Безпрестанно случалось, что орудія и ящики засѣдали въ снѣжныхъ сугробахъ и раскатахъ, случалась ломка и другія остановки. Переходъ въ двадцать или двадцать пять верстъ совершали мы въ теченіи цѣлаго дня. Поднявшись почти до свѣта, часто приходили на ночлегъ часу въ осьмомъ, а иногда и позже. Однажды, даже, не ночевали на своихъ квартирахъ по случаю вѣтра

и мятели. Днем давали артиллеріи отдыхъ только часа на полтора или на два. Въ это время нужно было доставать фуражъ: голодныя лошади не повезли бы по такой тяжелой и ухабистой дорогѣ; питаясь гнилою соломою съ крышь и обгрызывая хвосты одна у другой, какъ пишутъ историки, онѣ не далеко бы ушли; нужно было отпрячь и разставить ихъ, подмазать колеса въ артиллеріи и обозахъ, при чемъ приходилось иногда съ трудомъ вытаскивать застывшія чеки у осей. Приходилось расчищать водопой въ рѣкахъ, а иногда поить лошадей изъ колодезѣв. Пищу варили большею частью на открытомъ воздухѣ. Наконецъ нужно было запрягать лошадей и укладываться. Вставали рано, останавливались поздно. Если принять во вниманіе все предъидущее, то мало оставалось времени солдатамъ грѣться по избамъ: большую часть времени оставались на морозѣ. Упомянутыя работы производились въ потертыхъ и выношенныхъ шинеляхъ и мундирахъ, въ киверахъ, въ обыкновенныхъ солдатскихъ сапогахъ, въ плохихъ рукавичкахъ. Да было довольно и такого дѣла, которое нужно было дѣлать голыми руками, на примѣръ: мазать колеса, распрягать и запрягать лошадей и прочее. Не смотря на то, замерзшихъ у насъ не было; было нѣсколько человѣкъ, больше молодыхъ, съ примороженными носами и пальцами на рукахъ и ногахъ, но очень мало. Съ нашими солдатами случалось почти тоже самое, что и въ мирное время въ зимніе походы, при всѣхъ выгодахъ. Штабсъ-капитанъ имѣлъ волчью шубу, у меня былъ тулупчикъ, но походомъ я такъ истаскалъ его, что были только остатки. Прочіе офицеры были въ мундирахъ, потертыхъ легкихъ шинеляхъ, но, накидывая сверху плащи изъ крестьянскаго сукна, они достаточно согрѣвались. Во всей ротѣ было, можетъ быть, съ полдюжины тулупчиковъ на солдатахъ. Знали, что купить ихъ было и не гдѣ и не на что, но мы не доискивались, откуда ихъ доставали.

Что иностранные писатели, всё почти единодушно, приписывают истребленіе наполеоновской арміи голоду и морозамъ, то это не удивительно. Всѣ почти имѣли тамъ своихъ представителей и не сознаются же имъ предъ цѣлымъ свѣтомъ и потомствомъ, что истребили ихъ дѣйствія русскихъ армій. Странно, что и наши историки истребленіе наполеоновской арміи приписываютъ тѣмъ же причинамъ, не изслѣдуя настоящихъ причинъ. И неужели позднѣйшее потомство останется навсегда того мнѣнія, что наполеоновская армія истреблена не мужествомъ и терпѣніемъ русскихъ войскъ и распорядительностію генераловъ, а голодомъ и морозами? Русская армія тоже страшно терпѣла и даже болѣе, чѣмъ наполеоновская, такъ-какъ шла сзади ея, а слѣдовательно должна была продовольствоваться остатками отъ нея. Непріятельская армія въ бѣгствѣ бросала оружіе и прочую аммуницію и бѣжала съ одними только пустыми ранцами, а часто и безъ нихъ, между тѣмъ какъ наша шла въ полной аммуниціи, даже не оставляя шанцевого инструмента. Правда, было много отставшихъ и въ нашей арміи, но это происходило не отъ голода и холода, а отъ непомѣрныхъ трудовъ. Большая часть офицеровъ были люди недостаточные и потому, при маломъ жалованьи, были привычны ко всякимъ лишениямъ; но было довольно пожилыхъ генераловъ и штаб-офицеровъ, имѣвшихъ нужду въ покоѣ. Много было офицеровъ знатныхъ фамилій и богатыхъ, привыкшихъ къ роскоши и всякаго рода удовольствіямъ; тутъ же они не только были лишены всякихъ удобствъ, но и принуждены были ваяться въ пыли на землѣ и соломѣ, подъ дождемъ въ грязи. питаться сухарями и тощей говядиной; впрочемъ, при отступленіи къ Тарутину, проходя Витебскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Вязьму и другіе города, они могли доставать необходимые запасы, даже предметы роскоши. Отъ Тарутина же до Вильно, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, мы не проходили ни одного

города, а потому, кромѣ скудныхъ припасовъ у незначительнаго числа маркитантовъ, ни гдѣ не могли ничего достать ни за какія деньги; съ трудомъ даже доставали самый простой курительный табакъ. И не только ни отъ кого не слышно было ропота и жалобъ, но даже было въ обыкновеніи хвалиться пренебреженіемъ къ удобствамъ.

Всѣмъ извѣстно, что значить морозъ въ 25 градусовъ. При непрерывныхъ морозахъ, въ теченіи двухъ недѣль слишкомъ, отъ 25° до 27° невыдержалъ бы не только французскій, но и нашъ солдатъ, да еще при тогдашней одеждѣ, плохой пищѣ, усиленныхъ трудахъ и неудобныхъ квартирахъ.

Разсматривая причины и обстоятельства истребленія и гибели такой многочисленной и устроенной арміи, какъ наполеоновская, приходишь къ тому заключенію, что во всемъ этомъ видно дѣйствіе Всевышняго промысла. Кто могъ предвидѣть такія, потрясающія душу, событія, которымъ мало примѣровъ въ исторіи человѣчества? Наполеонъ, великій полководецъ, великій законодатель, при всей его геніальности, не могъ предвидѣть такихъ послѣдствій; Всевышній промыселъ помрачилъ его умъ! Фельдмаршалъ Кутузовъ хорошо зналъ свою родину и выносливость своихъ солдатъ и оказалъ великую услугу Россіи, щадя и сохраняя свои войска. При несчастіи и бѣдствіи Россіи, кто вдохнулъ въ душу императора Александра I-го мысль: не заключать миръ въ Москвѣ?... Заключи онъ тогда миръ — Наполеонъ возвратился бы во Францію со славою, а Россія, хотя и не на долго, потеряла бы свое величіе... И тутъ явно видно дѣйствіе Всевышняго промысла. Императоръ Александръ I-й самъ это созналъ и повелѣлъ отчеканить на медали 1812 года: «Не намъ, не намъ, а имени Твоему.»

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стран.

Отъ издателя.

Глава I.	Слухи о войнѣ съ французами. Квартиры около Луцка до передвиженія къ Волковыску	1
Глава II.	Квартиры около Волковыска, Лиды, Ошмянъ и движеніе до лагеря при Дриссѣ	9
Глава III.	Лагерь при Дриссѣ и походъ до Витебска и Смоленска	23
Глава IV.	Дѣйствія арміи около Смоленска и сраженіе при немъ	31
Глава V.	Движеніе отъ Смоленска до Бородина	41
Глава VI.	Бородинское сраженіе	51
Глава VII.	Отъ Бородина до Тарутина	76
Глава VIII.	Тарутинскій лагерь и сраженіе при немъ	92
Глава IX.	Движеніе отъ Тарутина до Малоярославца и сраженіе при немъ	125
Глава X.	Отъ Малоярославца до Краснаго и сраженіе при немъ	137
Глава XI.	Движеніе отъ Краснаго до Березины	149
Глава XII.	Отъ Березины до квартиръ около Вильно	163

